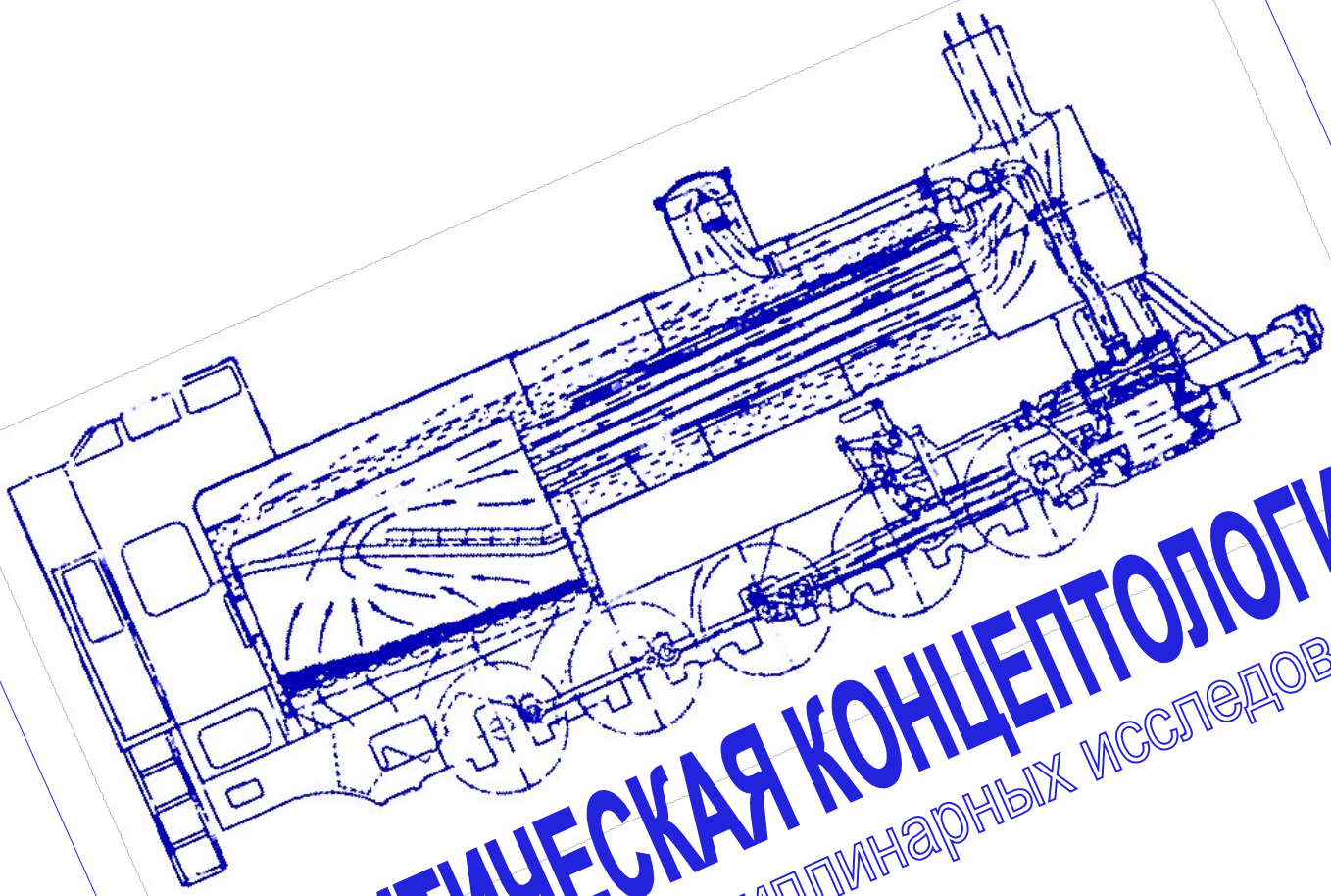
ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Journal of metadisciplinary research
The POLITICAL CONCEPTOLOGY

2013 г. № 3



ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТОЛОГИЯ:

журнал метадисциплинарных исследований

Ростов-на-Дону

ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЦЕНТР ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТОЛОГИИ

Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем

ФАКУЛЬТЕТ СОЦИОЛОГИИ И ПОЛИТОЛОГИИ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТОЛОГИЯ:

журнал метадисциплинарных исследований

2013. № 3

(июль-сентябрь)

Научный журнал
Издается с 2009 года

Политическая концептология:
журнал метадисциплинарных исследований

Научно-аналитическое издание

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации средства массовой информации: Эл № ФС77-32422 от 09 июня 2008 г.

ISSN 2218-5518

Учредитель: Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Южный федеральный университет»

Редакционная коллегия:

Главный редактор: *В.П. Макаренко*, доктор политических и философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, академик Академии педагогических наук Украины

Заместитель главного редактора: *С.П. Поцелуев*, доктор политических наук, доцент

Ответственный секретарь: *М.С. Константинов*, кандидат политических наук

Корректор: *Д.Н. Протасеня*

Редакционный совет:

Председатель – доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор *А.В. Лубский* (Ростов-на-Дону)

Доктор политических наук, доцент *А.И. Бардаков* (Волгоград)

Доктор экономических наук, профессор *В.В. Вольчик* (Ростов-на-Дону)

Доктор политических наук, профессор *И.И. Глебова* (Москва)

Профессор ординарный, доктор габилитованы *Анджей Захариаш* (Жешов, Польша)

Доктор политических наук, профессор *В.С. Малахов* (Москва)

Доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ *О.Ю. Мамедов* (Ростов-на-Дону)

Доктор юридических наук, профессор *А.В. Оболонский* (Москва)

Доктор экономических наук, профессор *А.Н. Олейник* (Москва, Ньюфаундленд, Канада)

Доктор политических наук, профессор, действительный член РАН *Ю.С. Пивоваров* (Москва)

Доктор философских наук, профессор *Н.С. Розов* (Новосибирск)

Доктор философских наук, профессор *В.В. Савчук* (Санкт-Петербург)

Доктор исторических наук, профессор *В.Н. Ткаченко* (Киев, Украина)

Доктор философских наук, профессор *С.Г. Чукин* (Санкт-Петербург)

Доктор философских наук, кандидат психологических наук *В.А. Шкуратов* (Ростов-на-Дону)

Доктор исторических наук, профессор *В.А. Шнирельман* (Москва)

Электронная версия журнала: **http://politconcept.sfedu.ru**

Адрес учредителя:
344006, г. Ростов-на-Дону
ул. Б. Садовая, 105
тел.: (863) 263 3158 263 8498
факс: (863) 264 5255
e-mail: rectorat@sfedu.ru

Адрес редакции:
344006, г. Ростов-на-Дону
ул. Пушкинская, 160, к. 112
тел. (863) 264-02-64
факс: (863) 264-52-55
e-mail: politconcept@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО РЕДАКТОРА

Макаренко В.П.
Современный российский милитаризм (статья первая)..... 6

ЗЛОБА ДНЯ

Открытое письмо известных юристов
Правовая угроза..... 20

Батурин Ю.М.
«Здесь наука под защитой навечно»..... 23

Колчинский Э.И.
Всё уже было, всё ещё будет..... 28

Оболонский А.В.
Гражданское недоверие к власти как предпосылка политического развития..... 34

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Круглый стол
«Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований» в информационном и научном пространстве региона и страны (5 июля 2012 г., Ростов-на-Дону)..... 45

Круглый стол
Концепт катастрофы и российская реальность (6 июля 2012 г., Ростов-на-Дону)..... 59

НАВСТРЕЧУ 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М.К. ПЕТРОВА

Макаренко В.П.
Малоизученные аспекты творчества М.К. Петрова: заметки студента и читателя (статья третья)..... 80

ПРОРАБОТКА ПРОШЛОГО И ПРОБЛЕМА ВНУТРЕННЕЙ КОЛОНИЗАЦИИ

Ткаченко В.Н.
«Проработка прошлого»: украинский правый радикализм в общеевропейском контексте..... 101

Рябчук М.Ю.
Разновидности колониализма: о возможностях применения постколониальной методологии к изучению посткоммунистической Восточной Европы..... 116

ИНТЕРВЬЮ И БЕСЕДЫ

Беседа В.Е. Семенкова с В.В. Савчуком
Нужна ли сегодня русская философия?..... 126

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Неретина С.С.
Социальная активность против социальной инерции (рецензия на книгу: *Макаренко В.П. Практикующие гегельянцы и социальная инерция. Фрагменты политической философии М.К. Петрова. Ростов-на-Дону: Изд-во МАРТ, 2013. — 536 с.*) 135

Наши авторы 139

Summaries and keywords 140

Contents 143

К сведению авторов 145

Слово редактора

СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ МИЛИТАРИЗМ (статья первая)

В.П. Макаренко
Южный федеральный университет

Аннотация: *Автор на основе анализа уроков из новейшей российской истории, предлагает концепт «кредо Гамлета» для прояснения сути советского государства, способов его воспроизводства в современном российском государстве и выработке меры собственного самоотстранения от его главных и второстепенных задач.*

Ключевые слова: *когнитивное сопротивление, российская ментальность, война в Чечне, русская власть, российское государство.*

Что такое кредо Гамлета

Все мало-мальски здравомыслящие люди моего поколения, которых «черт дернул» родиться в СССР, прожили свою жизнь в этой стране в качестве скрытых иностранцев или внутренних эмигрантов. Многие из них отличались своей собственной мерой иронии, дистанции, отстраненности и брезгливого любопытства ко всему, происходящему вокруг. На эту тему уже существуют целые библиотеки. Чтение можно начать откуда угодно. В том числе с книги Петра Вайля, который уехал из СССР по многим мотивам, в то числе ради возможности читать любые книги, а не только продукцию советской издательской машины [Вайль 2012].

Можно развить идею Вайля о свободе как точке отсчета. Всем известно кредо принца Гамлета «Весь мир тюрьма, и Дания — худшее из его подземелий». Я думаю, каждый житель нашей страны должен уточнить это кредо применительно к данному времени и обстоятельствам: «Весь мир тюрьма, а Россия — худшее из ее подземелий». Аргументов для такого уточнения тоже хватает. Упомяну два: на протяжении XX века СССР стал чемпионом мира по уничтожению собственного населения — и никто за это не понес моральной, уголовной, политической и метафизической ответственности (в соответствии с классической типологией Карла Ясперса). Значит, та же формула относится ко всем нациям, населявшим Российскую империю/СССР, а после 1991 г. создавшим свои государства. Все они стоят перед искушением старой формулы «Хороша или плоха — но эта моя страна», которая выводит свою страну за рамки морального и политического осуждения. Последствия тоже хорошо известны. Если судить от противного, то все остальные нации, входящие в советский блок, могут преобразовать кредо Гамлета в отношении собственной страны. Думаю, кредо Гамлета относится ко

всем ныне существующим странам, становится, если угодно, принципом гражданского становления любого индивида. Ведь Гамлет выступал против всей системы повседневного поведения, прикрывающейся принципами христианского миропорядка.

Формулу Гамлета я предлагаю дополнить констатацией Эрнста Юнгера, высказанной после второй мировой войны: «Правительства сменяют друг друга, как членики ленточного червя; но их голова, их умопостигаемый характер остается прежним. Каждое новое пристраивает ряд новых камер к существующей тюрьме. Искусство государственного управления все более сводится к умению при всем при том создавать иллюзию свободы, а следовательно, главным средством наряду с полицией становится пропаганда» [Юнгер 2007: 202]. Стало быть, анализ взаимосвязи здесь и сейчас существующих иллюзий свободы с деятельностью полиции и пропаганды — необходимый элемент гражданского и политического воспитания.

Теперь сошлюсь на максиму практической мудрости Нобелевского лауреата Льва Ландау, который был участником советского атомного проекта. Уже в 1950-е годы он пришел к выводу: «Ландау считает, что „целью умного человека, желающего, елико возможно, счастливо прожить свою жизнь, является максимальное самоотстранение от задач, которое ставит перед собой государство, тем более советское, которое построено на угнетении“» [Горелик, Шальникова 2009: 561, 563]. Вот об этой мере индивидуального и массового осознания сути советского государства, способов его воспроизводства в современном российском государстве и выработке меры собственного самоотстранения от его главных и второстепенных задач и пойдет речь в предлагаемых статьях.

Показательный пример «уроков истории»

При Ельцине военные во властных структурах составляли 6,7%, при Путине — 26,6%, а в высшем руководстве — 58,3% [Согрин 2005: 13][1]. Среди них находится А.И.Николаев — бывший Главком пограничных войск РФ (с 1993 г.), директор Федеральной пограничной службы России (с 1994 г.). В декабре 1997 г. он подал в отставку с поста директора ФПС, не согласившись с решением Президента РФ о неправовом переносе пограничного поста на российско-грузинской границе. Затем его избрали в Думу.

Между делом генерал издает книги под своим именем. Сам пишет или ему сочиняют — этот вопрос я здесь не рассматриваю, хотя чтение «Военно-исторического журнала» позволяет его поставить. В этом журнале появляются статьи о том, как генералы используют литературных слуг, а затем сами же рассказывают об этом. Так что профессия букрайтеров стала не менее универсальной, чем сочинение речей главам государства [Колесников 2007]. В предисловии к одной из книг генерала А.В. Ларионов характеризует автора как «заботника Отечества» и призывает за него молиться… [Николаев 1998а].

Молиться я не умею, хотя в армии отслужил положенный срок. По роду службы имел опыт общения с генералами — от одно- до четырехзвездных. Но тогда я годился им в сыновья или внуки. И потому они были для меня отцами-командирами. Теперь я сам отец-командир. По классификации И. Бестужева-Лада, стал ученым такого ранга, который в России соответствует генерал-полковнику. А в Украине — маршалу рода войск. Независимо от моей родословной, по возрасту постепенно перехожу в аксакалы. Поэтому имею право выявить структуру сознания генерал-писателя и члена парламента. При этом учту научный смысл ментальности в толковании А.Я. Гуревича: это использование литературных и иных текстов для изучения структур сознания, на которые опирается культура [Гуревич 2004: 117].

[1] Правда, точка зрения В.В. Согрина не является единственной. Другие авторы начинают отсчет упадка демократии в России с расстрела Белого дома [Островский 2008].

Генерал включает свое рассуждение о современной российской ментальности в «уроки истории»: Россия находится не в новой исходной точке, а по-прежнему «жестко закреплена» на оси предшествующего развития. Сегодняшний день — это общая равнодействующая усилий сотен миллионов россиян прошлых столетий. То, что Россия сегодня имеет, — не подарок судьбы, а результат неустанной борьбы народа за выживание. Почти все войны против России приходились на «смутные времена» — периоды становления государственности и неустойчивости ее международного положения. Но тяжелые испытания и потрясения часто приводили Россию к укреплению могущества страны. В советский период Россия создала сверхдержаву со всеми необходимыми параметрами политики, экономики, науки, культуры и военной мощи. СССР — это наша история. Ради выживания на протяжении веков Россия была вынуждена добиваться максимума государственной централизации. Такова основная традиция, которая не укладывается в рамки европейских представлений о демократии и абсолютизме. Правило России — режим осажденной крепости. Он требовал от народа пожертвовать в пользу государства всеми благами демократии: вольностями, вечевыми традициями, возможностями самостоятельного развития городов-республик.

Генерал-парламентарий трактует эти «уроки» как непреложные истины и предпосылки ментальности. А ее природу он выводит не из литературы, структур сознания и культуры (как предлагает историк А.Я. Гуревич), а из совсем другого вопроса: *почему у нас долго запрягают?* Для этого, по его мнению, надо понять национально-психологическое своеобразие — менталитет российских народов. Особенности исторического развития формируют менталитет, а менталитет выступает фактором исторического поведения и действия людей. Условия такого менталитета следующие: длительное существование России в режиме осажденной крепости; жесткая централизация; частое физическое и моральное перенапряжение; огромные лишения; безграничная вера в царей, «выдающихся руководителей» и героев. Все это, по авторитетному мнению генерала, сформировало у народа России качества высокой государственной дисциплины, жертвенности, выносливости и великого терпения [Николаев 1998б: 3-5].

Книжка А.И. Николаева вышла более 15 лет назад. В момент, когда я пишу эти строки, в русском Интернете висит более 1330000 сайтов, авторы которых понимают менталитет в соответствии с приказом генерала, хотя вполне возможно, что он его не отдавал… Иначе говоря, все мои соотечественники обязаны жить в режиме осажденной крепости и централизации, до предела напрягаться, быть всегда готовыми к тяготам и лишениям, верить в царей и героев.

Слова известные, как барабанная дробь. Во время службы в Советской армии я изучал устав внутренней службы и пособие для политзанятий. Все эти истины взяты генералом оттуда. Зачем же приплетать менталитет к солдатскому уставу и урокам армейской словесности? И неужели генерал сам все это сочинил? Тут мне помогла моя болезнь Гуттенберга. А.И. Николаев честно ссылается на книгу некого Ф. Нестерова. Я залез в свой архив, вынул ее конспект. И убедился: все перечисленные сентенции о русском менталитете списаны у кандидата филологических наук Ф. Нестерова. Тот еще в 1981 г. получил за свой опус премию ЦК ВЛКСМ. Видимо, поэтому его книга до сих пор висит в Интернете. Это избавляет меня от ее пересказа — любопытные могут проверить[2]. А я просто констатирую: точка зрения кандидата наук и комсомольского лауреата Ф. Нестерова на русскую историю в целом, Октябрьскую революцию, нынешнюю Россию и вытекающую из них ментальность *предвосхитила* позицию газеты «Завтра». Таково неожиданное следствие использования понятия «ментальность» при обсуждении истории и современного состояния России.

[2] См.: http://www.pretich.narod.ru/Iskusstvo/Literatura/nesterov.html

Иначе говоря, мнения некоторых генералов-парламентариев и комсомольских лауреатов (к тому же кандидатов наук!) о природе российской ментальности *совпадают*, а необходимым элементом этой ментальности полагается война как норма социального существования. Теперь посмотрим, как эта норма проявляется в современной российской реальности.

Дальнейшее изложение является развитием идей, уже высказанных при анализе первой российско-чеченской войны (1994-1996 гг.) через призму концептов «превращенного сепаратизма» и «колониальной войны» [Макаренко 2003-2004; Макаренко 2012]. Подтверждаются ли эти концепты практикой второй российско-чеченской войны (2000-2002 гг.) и какие теоретические модели можно при этом использовать?

Электоральный процесс и война

В книге «Чечня 2003. Политический процесс в зазеркалье» собран материал о политической манипуляции выборами в Чечне. Весь материал опирается на общую характеристику ситуации: «События последних лет полностью преемственны — их объединяет следование сиюминутной политической конъюнктуре, а не желание урегулировать сложнейшую социально-политическую проблему» [Лукашевский 2004: 10].

Во время выборов в октябре 2003 г. в Чечне 20% населения (сторонники независимости республики) согласно социологическим данным были исключены федеральной властью из проводимого ею «политического урегулирования». Жители республики и служащие федеральных сил боятся кадыровской гвардии. На Северном Кавказе всегда действовали различные спецслужбы (от Британской и Османской империй до современной ФСБ), экстремистских и террористических организаций. Но это не объясняет и не определяет события последних лет.

На Северном Кавказе только в Чечне национальное движение провозгласило курс на отделение от России, в иных республиках это было лишь противостоянием местных элит с апелляцией к Москве как к арбитру. Однако «повышение статуса» во всех республиках сопровождалось занятием ответственных постов «национальными кадрами». Исход из Чечни русскоязычного населения начался еще в конце восьмидесятых, при Завгаеве. Здесь вытеснению русскоязычных способствовала и безработица. Криминальное давление было обращено на тех, кто не был защищен тейповыми, родовыми связями, — то есть на нечеченское население.

Экономическая политика режима Дудаева в 1992-1994 гг. не отличалась от большинства регионов России. Тут не было приватизации. Весь бюджет Чечни ушел на печатание собственной валюты, о которой мечтали также многие губернаторы «красного пояса» России. Дудаев в октябре 1993 г. поздравил Ельцина с победой над Верховным Советом, поскольку собственный парламент он ликвидировал несколькими месяцами ранее. Переговоры между Россией и Чечней велись вяло, хотя они могли бы привести к урегулированию отношений, как с Татарстаном.

В Чечне ослаблялись властные структуры, усиливался криминал, узаконивались различные вооруженные формирования. Этому необходимо было противостоять. Но федеральные силовые структуры, напротив, активно использовали сепаратистский анклав в своих интересах, как «оффшорную зону» для подготовки спецопераций. В 1992-1993 гг. в ходе войны с Абхазией российские военные и спецслужбы готовили батальон Шамиля Басаева для действий против Грузии.

На российских парламентских выборах 12 декабря 1993 г. федеральная власть проиграла коммунистам и Жириновскому. После этого она решила уподобиться «национал-патриотам» — восстановить контроль над мятежной провинцией. Предусматривались «переговоры

на фоне силового давления» и поддержка антидудаевской оппозиции. «Но вскоре контроль над операцией перешел к спецслужбам, которые вооружали антидудаевских „оппозиционеров“, создавая на территории России незаконные вооруженные формирования, и раскручивалась спираль гражданской войны» [там же: 12].

Всего за первую и вторую войну в Чечне погибли около 70 тыс. гражданских лиц и около 12 тыс. российских военнослужащих и сотрудников федеральных силовых структур. Точные цифры неизвестны — мирных жителей никто, кроме правозащитников, не считал; потери военных до сих пор засекречены[3].

Российское и чеченское общества и государства в 1997-1999 гг. оказались неспособны защитить права граждан, противостоять экстремистам и криминалу и сползанию к новой войне.

Если соотнести число погибших и исчезнувших с населением республики, то за последнее 10 лет Чечня пережила половину второй мировой войны и целый «большой» сталинский террор. Преступления остаются безнаказанными, и это провоцирует новые преступления.

Конца насилию до сих пор не видно. Итогом первой войны — «наведения конституционного порядка» — стал разгул бандитизма и вал похищений людей. Вторая война — так называемая «контртеррористическая операция» — породила волну «шахидского» террора.

26 октября в ходе штурма Театрального центра на Дубровке российским спецназом было убито все 40 террористов, но погибло 130 заложников от использованного спецслужбами усыпляющего газа.

Российское государство использует силу. «Но результаты применения силы ставят под сомнение заявленные властью цели, и произносимые слова. За всеми словесными штампами („контртеррористическая операция“, „точечные удары“, „гуманитарные коридоры“, „политическое урегулирование“) оказывается обратный смысл. Словами о „борьбе с террористами“ прикрывается реальная война с сепаратистами (с избранным в январе 1997 г. президентом Масхадовым). „Восстановление конституционного порядка“ обернулось искусственно созданным правовым вакуумом, где силовые структуры действуют более жестоко и бесконтрольно, чем при Сталине» [Лукашевский 2004: 16].

Россия — воюющая страна. Поэтому события в Чечне влияют на жизнь федерации в целом. Речь идет не только о террористах, способных атаковать «от Москвы до самых до окраин». Через Чечню проходят солдаты и сотрудники всех российских силовых структур из всех регионов. Опыт бесконтрольного и безнаказанного насилия над человеком, над правом и над смыслом и подмены понятий не проходит бесследно. «Россия сегодня не застрахована от возвращения тоталитарного прошлого, обосновавшегося на тысячной части ее территории» [там же].

Как происходит это возвращение?

Взгляд журналиста

В книге Анны Политковской описана чеченская жизнь на войне, современная российская жизнь на фоне войны, и поставлен вопрос: кому нужна эта война? Эпиграфом книги Политковская взяла слова Л.Н. Толстого, написанные 150 лет назад: «В войне русских с горцами справедливость на стороне русских. Но офицеры приезжают на Кавказ показать свою храбрость, получить поскорее чин и тепленькое местечко». Опишу самые показательные эпизоды, проблемы и констатации[4].

[3] Другие авторы приводят иные цифры: за обе войны погибло примерно 300 тыс., 120 тыс. — в первой, остальные во второй российско-чеченской войне [Политковская 2002: 259].

Согласно официальной информации, в спецоперации (т.е. второй чеченской войне) принимали участие: бойцы внутренних войск МВД РФ и ФСБ; сотрудники спецназа ГРУ МО РФ; представители Крчалоевской районной военной комендатуры и временных районных отделов ВД; лично генерал-лейтенант Молтенской, командующий Объединенной группировкой войск и сил; военные священники и прокуроры благословляли кровавое военное безумство и погромы. В сентябре 2001 г. в Чечню был направлен генерал-лейтенант А. Поздняков со специальным заданием президента: собрать факты о воинских преступлениях, сделать выводы и доложить главе государства. После выполнения задачи и направления с докладом к президенту его вертолет был сбит над Грозным, вместе с еще одним генералом и шестью полковниками Генштаба, со всеми материалами о военных преступлениях в зоне антитеррористической операции.

В каждой части есть офицер — посредник-финансист между военными и населением. Он занимается работорговлей арестованными. Каждый участник финансовой цепочки рассчитывает на свою долю. Офицер обычно сообщает женщинам, какой выкуп надо принести в комендатуру, чтобы их мужчин к вечеру выпустили. «Зачистки» для ловли боевиков завершаются примитивным торгом: товар-деньги-товар».

Российские солдаты стреляют в мирных жителей пулями с эксцентриком, которые запрещены к применению всеми конвенциями как бесчеловечные.

К началу третьего года войны оказалось, что бандитские группы, прочесывающие руины по ночам, — это «клуб по криминальным интересам»: уголовники из чеченских рядов, перемешанные с российскими военнослужащими, находящимися «при исполнении». Им на все наплевать — идеологическое, национальное размежевание, принадлежность к противоборствующим воюющим сторонам. «Истинный интернациональный криминал, и хоть без признаков ныне модного международного терроризма, но сильнее штабов, стратегий и тактик, которые неспособны остановить кровавый поток» [Политковская 2002: 82].

Военные стали хозяевами местной жизни. Они установили дикие порядки: носитель информации о реальном состоянии гражданского населения приравнен к вражескому лазутчику, с которым надо поступать по законам военного времени. Чечня наводнена добровольными помощниками «органов» из числа чеченцев. Поэтому практически невозможно отвертеться от военных. «Военные привыкли в Чечне не только убивать, грабить, насиловать и сколачивать чеченцев в криминальные группы под собственным руководством с целью совместной наживы, — они разделили страну на две части: тех, кто с ними, и тех, кто против них» [там же: 84].

Российская православная церковь оправдывает эту войну. Здесь она руководствуется взглядами царских генералов, книги которых в 2000 годы некоторые издатели квалифицируют как «бестселлеры». Например, один из них брал на себя смелость утверждать, что в исламизме отсутствует нравственный идеал: «Исламизм берет человеческую природу, как она есть со всем ее светом и со всею ее грязью, благословляет в ней все одинаково, дает законный исход хорошему и дурному, обещая продолжение такого состояния в самой вечности. Обязанности, налагаемые этой религией, состоят в легкой обрядности и ненависти к неверным. Мусульманин выносит из своей веры достаточное удовлетворение умственное и невозмутимое довольство самим собою… Могущество первого взрыва мусульманства происходит именно от освящения дурных сторон человеческой природы — разнузданности страстей, зверства, фанатизма, апатии… Когда нравственный пожар кончится, от мусульманства останется только пепел, одна бесплодная обрядность, общественный и умственный застой, апатия пьяницы с похмелья» [Фадеев 2005: 39]. По мнению этого завоевателя Кавказа, в целом азиатам чужды поня-

[4] В качестве дополнения можно использовать: Анпилогов 2002: 204-270, а также более двух миллионов проправительственных сайтов, которые в настоящее время висят в Рунете.

тия об отечестве, об общественном интересе, о первых обязанностях гражданина, равнодушие к своей земле, лишь бы не было возмущено их личное спокойствие, презрение к своим правительствам, не помышляя даже об их улучшении, безразличие к отечественным событиям. «Решение спора христианства с исламизмом, покинутое Европою с 14-го века, — вынес вердикт генерал, — с того же времени как бы свыше предоставлено одной России и сделалось, сознательно или бессознательно, ее народным делом» [там же: 40].

И вот сегодня по адресу чеченцев российский солдат кричит: «Мы вас доведем до того, что вы сами в Сибирь будете проситься». В мечети российские солдаты стащили в кучу ковры, утварь, книги и Коран и наложили сверху свои «кучи». Во время цоцан-юртовской зачистки федералы уничтожили в домах все зерно, которое сотрудники совхоза получили как зарплату за летние труды, забрали все пенсии у стариков и пособия у инвалидов, все оборудование мебельной мастерской, начавшей работать в селе. Идеологический подход военной власти состоял в разгроме пищевой промышленности. Готовую промышленность разгромленного сахарного завода военные позже продавали в соседних селах по 180 руб. за мешок, при рыночной цене на сахар в Чечне раза в три выше. Те, кто видел, не могли дозваться прокуроров для ареста «продавцов» с поличным.

Военные грабят и продают трупы чеченцев. Сотрудник ФСБ С. Кошелев потребовал за труп односельчанина у старика Дагаева барана, видокамеру и «Жигули». По после этого труп не отдал. Все, кто привез выкуп в Ханкалу, бесследно исчезли. Беременную женщину поставили в позу пойманного боевика (руки вверх, ноги в стороны), и ребенок родился мертвым. Военные в молитвенном домике на кладбище унесли с собой специальную деревянную ванну для омывания покойников, сожгли погребальные носилки, своровали лопаты для рытья могил и Кораны.

Одновременно военные требуют у мирных жителей расписки, что у них нет претензий к военным. Господствует коммерческий принцип. Военные требуют денег за мужчин. Кто дал, фильтрации не подлежит. Ставки на живой товар колеблются от 500 руб. до 3-4 тыс. Берут также за ненасилие молодых девушек. Взамен сексуального удовлетворения берут 300-500 руб., серьги, цепочки.

«Военные в Чечне очень не любят прокуроров: преследуют, запугивают и никуда не пускают. В Старых Агатах прокуроры были и потом очень гордились, что сумели возбудить несколько уголовных дел… Вот документ, достойный Салтыкова-Щедрина: „…факты были предметом прокурорской проверки непосредственно в период проведения спецоперации“. Это значит, сотрудники прокуратуры находились непосредственно на месте совершения циничных и жестоких воинских преступлений. В момент их совершения. Наблюдали за ходом преступлений. Ни во что не вмешивались. И назвали все это «прокурорской проверкой в период проведения спецоперации» [Политковская 2002: 107-108].

«В Чечне творится война, замешенная на лжи, — констатирует Политковская, — где все, кому положено, не договаривают всего, что обязаны, и в результате военной анархии на Северном Кавказе нет ни конца, ни края» [там же: 108]. Она называет войну «Чеченский 37-й»: «Несведущему это покажется наветом, но от того, что Путин по телевизору чеканит слова о наведении порядка — порядка в Чечне все меньше, а смертей все больше. Прокуратуры придавлены военными и работают редко. Милиция — сама же участница „процесса“. Наконец, есть в стране специальная Комиссия по розыску пропавших без вести при администрации президента. Но Комиссия работает только опосредованно, из Москвы — что просто смешно в розыскных делах по Чечне. Сохранив Комиссию для красивой отчетности перед Западом, ее придушили деньгами, чтобы не рыпалась. В 2001-м воюющем году финансирование розыскных командировок было полностью прекращено, а деньги, ранее выделенные на эти цели, забрало себе Министерство обороны (одно из ведомств, бойцы которого и похища-

ют тех, за „поиск“ которых им потом платят из госбюджета). В 2002-м, на фоне кричащих фактов и острой необходимости работать, финансовая трагедия Комиссии повторилась» [там же: 114].

Живущие в России родственники не желают забирать и вывозить своих дедушек и бабушек подальше от войны. Семейная драма — исток русской национальной трагедии: «Здоровым русским больные русские не нужны… Это и есть фашизм в чистом виде — знаменитая гитлеровская идея уничтожения и выкидывания на обочину жизни немощных и убогих как балласта на пути к светлому будущему. Государственный фашизм, успешно пророщенный в семейные отношения» [там же: 117].

Чеченцы часто задавали А. Политковской вопрос: почему вы так плохо относитесь к своим? Как нам поверить, что новая власть пришла нам помочь, если даже русский старик и отставной офицер, при вновь установленной «русской власти», живет еще хуже, чем при Дудаеве и Масхадове? Сами местные русские говорят: «Непонятная война — за что, за кого и против кого. За кого угодно, только не за нас».

В Чечне находился почти 100-тысячный боевой контингент, противостоящий 600-тысячному населению Чечни и 2000 боевиков (официально объявленные цифры). Федералы первым делом забирают физически крепких, хорошо сложенных парней. К знающим турецкий язык и ученикам Стамбульского колледжа относятся репрессивно, поощряют доносчиков.

Правила игры для местных жителей неизвестны: «Россия делает нас быдлом. Россия гонит нашу молодежь в объятия тем, кто первым придет и скажет: „Будь с нами“. Я думаю теперь так: пусть бы „бородатые“ ваххабиты палками били нас за водку. Палка — все равно лучше, чем разрывная пуля. После палки выживают. Больше всего мы теперь хотим знать правила игры. Мы хотим понимать, что из нас вам не нравится? И по каким признакам? За что нас полагается пытать? За что приказано убивать? Похищать? Сейчас же — ничего не понятно, и уничтожают всех подряд: и того, кто был с ваххабитами, и того, кто был против них. А больше других — „серединных“, кто был ни с кем“… Ответить нечего. Потому что страна времен Путина — это годы молчания о главном» [там же: 127].

Историю с полковником Ю. Будановым Политковская называет «смерть эпохи военного бандитизма», а его самого «русским Келли». С точки зрения большинства он борец-страдалец, гонимый за «патриотическую веру». С точки зрения меньшинства — убийца, мародер, похититель людей, насильник и лживая свинья. Процесс над ним стал яркой демонстрацией самых дурных сторон современной российской жизни — расколотого по отношению к войне общества, фантастического цинизма и лживости высшего путинского чиновничества, полной зависимости судебной системы от Кремля и явного неосоветского ренессанса[5].

[5] 26 марта 2000 г. (день выборов Путина президентом) было также днем рождения дочери полковника Буданова. Он пригласил офицеров отметить это дело. После пьянки всех потянуло на «подвиги». Сначала решили пострелять по селу Танги-Чу из тяжелых орудий. Но дежурный по полку ст. лейт. Р. Бугреев отказался выполнить преступный приказ. За что был жестоко избит Ю. Будановым и его начальником штаба подполковником И. Федоровым. После избиения Р. Бургеева со связанными руками и ногами посадили в яму, сверху посыпали известкой, а Федоров помочился на него и укусил за правую бровь. Затем Буданов поехал в Танги-Чу за бабой. Солдаты схватили 18-летнюю Э. Кунгаеву, завернули ее на глазах четырех младших братьев и сестер в одеяло и повезли в помещение полковника. Там он ее избил до смерти, после чего приказал вывезти тело в лесопосадку и тайно захоронить. Трое солдат (ординарцы и денщики) выполнили приказ, а летом 2000 г. военная прокуратура их амнистировала как соучастников убийства и похищения в обмен на дачу нужных показаний за Буданова о том, что не было изнасилования. Солдат А. Егоров сообщил следователю, что он изнасиловал чеченку «черенком саперной лопатки» перед тем, как зарыть тело. За что и был амнистирован. Но после демобилизации в июле 2002 г. он публично признался, что показания дал под давлением и девушку саперной лопаткой не насиловал. Русские офицеры от высших до низших в общей массе поддержали Буданова с оговоркой следующего характера: «Что убили, понимаем… Чеченка, значит, боевичка. Но зачем было „мараться“ — насиловать?» [Полит-

«Эта будановская пока не-свобода — принципиальное событие нашего времени. Во-первых, для самой армии, превратившейся в Чечне в политическую репрессивную структуру… Во-вторых, для людей Чечни. Если победит полковник, а не правосудие, значит, нет надежд на то, что Чечня будет территорией, где действуют российские законы, она останется под пятой бандитов, и людям, там живущим, теперь нет разницы, какую форму и чью зарплату получают эти бандиты. Главное, что они убивают» [там же: 136].

С самого начала войны Ингушетия поставила себя особняком в отношении политики федерального центра и методов так называемой «антитеррористической операции»:

1. Открыла (по указу президента Р. Аушева) все свои границы для потока беженцев и очень быстро на ее земле оказалось почти 200 тыс., при том что население самой Ингушетии чуть более 300 тыс.

2. Ингушетия была единственной из всех близлежащих республик, которая оспаривала политику Москвы. Самый показательный пример прокремлевского поведения — Кабардино-Балкария. По приказу ее президента В. Кокова, полностью подконтрольного Москве, в сентябре 1999 г. на границах КБР выставили заградительные кордоны.

3. Ингушетия заботилась о беженцах почти три года, несмотря на беспрецедентные нападки подконтрольных Кремлю СМИ, давление и шантаж из Москвы на президента Аушева[6]. В конце концов он был отставлен, а на его место был поставлен генерал ФСБ М.Зязиков — ставленник Кремля и лично Путина, «…и в целом отечественных спецслужб, к этому времени окончательно, по прочному советскому образцу, окрепших по всех властных щелях нашей страны» [там же: 139-140]. После этого Москва стала насильно переселять беженцев обратно в Чечню, на пепелища и под пресс зачисток, похищений и бессудных казней.

В этой войне ненависть с обоих сторон бешеная. Военные люто ненавидят чеченцев и при первой возможности делают, что хотят. Чеченцы в ответ также ненавидят федеральные войска[7]. «Люди в погонах, — пишет Политковская, — абсолютно безнаказанно заняты не просто разжиганием межнациональной розни, что автоматически влечет за собой уголовную ответственность, — они инициируют моноэтничность в стране, а значит, дальнейший ее распад по национальным квартирам. Сепаратизм. Да. Тот самый, с которым якобы борется президент Путин, на службе у которого рубоповцы состоят» [там же: 151]. Если русские гражда-

---

ковская 2002: 131]. Насильником и некрофилом оказался элитный офицер российской армии, увенчанный самыми престижными наградами страны — два ордена Мужества. В отмывании Буданова от уголовной ответственности принимала участие профессор-психиатр Т.П. Печерникова, чья подпись стоит под «шизофреническими приговорами» самых знаменитых диссидентов 60-80-х гг. Стало очевидно, что репрессивная советская КГБ-психиатрия сохранена и отлично пристроена на «демократическую» службу». Но после запросов из Германии и Франции суд в Ростове-на-Дону 3 июля 2002 г. отменил чтение приговора, усомнился в правдивости экспертизы Печерниковой, назначили следующую и оставил Буданова под стражей.

[6] Р. Аушев в интервью сказал: «Если в течение месяца антитеррористическая операция не удалась, оказались невыполнены поставленные задачи — то все! Ну не бывает антитеррористических операций на протяжении семи месяцев» [там же: 145].

[7] В главе «Погром по национальному признаку» А. Политковская рассказала, как в Москве 28 марта 2001 г. в комнату студентов национальной чеченской студии «Нахи», созданной при Московском госуниверситете культуры и искусства для подготовки ядра будущей труппы грозненского театра, ворвался отряд СОБР. Они заставляли членов труппы ползать раздетыми из комнаты в комнату, ходили по кроватям в ботинках, называли чеченцев обезьянами, черными тварями, быдлом, чабанами, моджахедами, плевали в лицо, были по головам книгой «Судьба чечено-ингушского народа», драли волосы, травили собаками. Студенту-выпускнику Московской государственной юридической академии, который готовился к экзамену, сказали: «Ах, ты еще и гражданское право изучаешь, обезьяна! Твое место — в горах. Отправляйся туда!». Отца его, 55-летнего доцента стали избивать до потери сознания прикладами, ногами, плевали в лицо, ходили по спине, рвали одежду, выкручивали пальцы. Увидели пропутинскую газету «Державные ведомости» и закричали: «Что?! Антироссийскую пропаганду тут ведете!». Таков личный состав СОБРа — совершенно неграмотные люди, ничего не знают, не понимают и не читают.

не имеют в паспортах строчку о регистрации в воюющей республике, это не дает возможности иметь легальную работу, медицинскую страховку и место для детей в школе.

14 июня 2001 г. в ингушской станице Орджоникидзевской сход принял обращение к мировому сообществу, президенту США Бушу, главам «семерки» с просьбой повлиять на Путина, в котором просил провести экспертизу и анализ ситуации в Чеченской Республике на основе международного права, с определением прав граждан ЧР на самооборону в случае бесправных действий военнослужащих и при отсутствии правовой защиты со стороны российского руководства. Однако обращение вызвало дурную реакцию в российском обществе. Чеченцев обвинили в антироссийских настроениях, сепаратизме, желании оболгать Путина перед мировым сообществом.

А. Политковская показывает, что война перестала быть персонифицированной, превратившись в несколько говорящих генеральских голов на телеэкране». И приводит примеры того, как детей «замочили в сортире», заставляли девушку ползать на четвереньках по ступеньках вверх-вниз, держа в руках ведро с дерьмом. Даже трупы детей не возвращают матерям. Офицеры подряжаются за деньги найти трупы и даже ставят подписи. Но они анонимы. У офицеров в Чечне как у нелегалов-разведчиков по два-четыре комплекта документов на разные фамилии. Право скрывать свое истинное имя, представленное военнослужащим, чтобы боевики не отомстили семьям, постепенно стало одной из главных причин безобразий и преступлений военнослужащих в Чечне. Русский солдат умолял мать приехать и забрать его из Владикавказа. Он долго сидел на горе, не мылся несколько месяцев, и все время был в сапогах. Привезли его прямо в госпиталь. Где он лежал с гниющими по колено ногами. Мать начала умолять офицеров отдать ей сына, долечить его в деревне как-нибудь: «А те: давай разделим его „боевые“ деньги, за участие в „антитеррористической операции“ — 50 на 50, и получай сына». Офицеры бьют солдат и заставляют их пить дерьмо. Чечня как образ мыслей, чувств и действий гангренозной тканью расползлась повсюду и превратилась в общенациональную трагедию с поражением всех слоев общества [там же: 154, 155, 158, 159, 183].

«Из государственного пользования все более выметается милосердие в качестве системы внутригосударственных отношений, — констатирует Политковская. — Власть старается исходить из жестокости по отношению к своим гражданам. В чести — поощрение уничтожения» [там же: 187].

Причем, чеченские святые отцы не обращают внимание на трагедию народа. К ним не ходят. Правда, в селении Исти-Шу к мулле ходят за советом и просто поговорить. Но этот популярный чеченский мулла немец — бывший немецкий военнопленный, который женился на чеченке, принял ислам и вырастил детей. Теперь они уехали в Германию, а он остался там. К муллам чеченского происхождения не идут люди.

Это объясняется следующим. Вирды более влиятельны в Чечне, чем муллы и официальный муфтият. Советская власть фактически сама отправила молодой чеченский ислам, и без нее к тому тяготевший, в подполье. После возвращения народа из депортации (1944-1957 гг.) им, в отличие от других северокавказских народов, вообще запретили возводить мечети. Это привело к тому, что в Чечне, во-первых, почти не было подконтрольного КГБ духовенства, и это лишь плюс, а во-вторых, укрепились свободные мусульманские религиозные общины. Так в каждом селе если и был, то исключительно свой собственный мулла, самодвыдвиженец, подчинявшийся селу и выдвигаемый селом. А если такового не находилось, то и ладно — старейшины почитались куда больше, существовало братство в вирде. Поэтому позднейшее появление муфтията было воспринято чеченцами равнодушно («все равно будем жить, как жили»), или раздраженно («руки КГБ») [там же: 170-173].

А. Политковская ввела термин «кадыровщина». Это — мулла с небезупречным финансовым прошлым, организатор первого хаджа чеченцев в Мекку, присвоивший тогда собран-

ные с людей деньги. Он является полковником Российской армии (присвоил Путин), участвует в нелегальном нефтяном бизнесе, люди его называют «предателем», а с его приходом еще больше пало уважение к муфтияту. «Бородачи» очень непопулярны, как и федералы, ибо те и другие делают ставку на силу.

Журналисты систематически подвергаются прессингу. «В стране продолжает утверждаться такая „демократия“, когда абсолютно никому не нужна независимая журналистика» [там же: 180].

Чечня представляет собой настоящую кормушку и дойную корову. Здесь куются быстрые военные карьеры, выписываются длинные наградные листы, раздаются внеочередные звания и чины. «Главное — вовремя убить чеченца и предъявить труп в нужном месте и в нужное время» [там же: 187].

Русские люди совершенно не верят, что государство, в котором они живут, способно на что-то доброе в отношении своих граждан.

На основе детального описания ситуации А. Политковская заключает, что война нужна нескольким группам людей. Прежде всего генералам-олигархам (типа военных строителей). Генералитету отечественной военно-строительной верхушки чрезвычайно выгодны как сами продолжающиеся военные действия в Чечне, так и бесконечные «подрывы» силами боевиков тех объектов, которые они там только что возвели. Весь топливно-энергетический комплекс, в который входят девять отраслей, перешел в нелегалы. Обычно колонны с ворованным госимуществом движутся под охраной федералов-контрактников, которым все равно, чем промышлять. Эти тандемы полностью структурировались: федералы плюс чеченцы-воры и образовали устойчивые оргпреступные группировки. Власть не состоянии изменить ситуацию[8].

Следующая группа — многочисленная армия нового чеченского чиновничества в районных и городских администрациях, получающая должности по принципу кумовства, откровенно не желающая работать, но весьма заинтересованная, чтобы военная неразбериха продолжалась как можно дольше. Суть их жизни — приписки, подлоги, обман, вопросы без ответов, спекуляция на всем»[9]. Большинство нового чеченского чиновничества сложилось вокруг военных властей и мечтает как можно дольше сохранить положение «ни мира — ни войны»… Образовалась гремучая смесь: Чечня военная — там, где правит кулак, зиндан и автомат, — наслоилась на Чечню якобы мирную — где предпочитают обман, кумовство и бесконтрольность» [там же: 217-218].

Среди полевых командиров произошел раскол. «Утки» СМИ о «слетах» полевых командиров с целью выработки единой стратегии и тактики — дезинформация, которая распространяется федеральными спецслужбами, когда надо в очередной раз оправдать собственное существование, а также самими полевыми командирами, которые крайне заинтересованы в

[8] Статистика такова: в октябре-ноябре 1999 г. в Чечне горело всего три скважины, то потом, когда фронт ушел в горы и пришло время делить собственность, их стало 11, затем 18, а летом 2000 г. дошло до 34. Потом несколько снизилось и установилось на стабильной отметке 22-25, что свидетельствует об устойчивости притершегося нелегального рынка. О нефтяной спецзаинтересованности людей в погонах говорит тот факт, что в селах рядом со скважинами никогда не было боев. Тут нет разрушений. Эти населенные пункты хранят в неприкосновенности обе воюющие стороны. «Федералы» приходят слюда с «зачистками», когда начинаются массовые народные возмущения в связи с варварством криминальных нефтяных группировок. Все нефтяные деньги — в чулках или вне Чечни. Попытки наладить законную финансовую систему упираются в откровенный саботаж высшего федерального чиновничества [там же: 209-212].

[9] Показательный пример — деятельность директора Курчалоевского дома-приюта для детей-сирот. Он присвоил 15 кроватей, 26 столов, 40 тумбочек, 48 мягких стульев, 40 покрывал, 40 ватных одеял, 40 ватных матрацев, 40 подушек, 100 комплектов постельного белья, 150 полотенец [там же: 216]. Даже выплата детских пособий (58 руб. с копейками) происходит методом «50 на 50». Он относится ко всем взаимодействиям населения с чиновничеством.

поднятии рейтинга и имиджа. В итоге интересы спецслужб затейливо сливаются с интересами «противника» [там же: 221].

Раскол среди полевых командиров связан с представлениями о будущем Чечни и проблемой добычи денег. По этому критерию в Чечне тоже образовалось несколько групп:

«Западники» смотрят прежде всего на Европу, стремятся добиться применения к Чечне европейских правил общежития, ориентированных на права человека в их традиционном западном понимании, апеллируют к Совету Европы и международным правозащитным организациям. Отсюда вытекает их стратегическая цель — Международный трибунал для тех, кто совершил в ходе войны преступления, сбор материалов для будущих судебных разбирательств, аналогичных тем, под каток которых попал Милошевич.

«Востоковеды» или «арабы» связывают свои планы с Арабским Востоком: исламизация Чечни по арабскому образцу с неизбежным отходом от старых чеченских обычаев, что принесет в республику немалые деньги.

Третья сила нынешнего чеченского военно-политического альянса — большое число мелких отрядов и групп, вставших под знамена уже в ходе войны ради исполнения личного плана мщения за убитых и исчезнувших родственников. Они не хотят никакой координации между собой и никакого руководства. Но если западники и восточники вооружаются из-за рубежа, то третья сила кормится прежде всего от военнослужащих внутри самой Чечни, оказывая им различные услуги и участвуя в их коммерческих проектах. Сегодня в Чечне образовался «клуб по интересам» (аналогичный нынешнему афганскому): это крепкий и вязкий конгломерат вооруженных до зубов людей, состоящий из боевиков (разряда «народных мстителей») и федералов, заинтересованных друг в друге и поддерживающих друг друга материально, несмотря на то, что вроде бы числятся они по разные стороны невидимой линии фронта. Все это можно назвать и по-другому: тайным спонсированием внутричеченской гражданской войны в связи с антитеррористической необходимостью. «В любой спецслужбе мира вам выдадут как аксиому, что куда лучше уничтожить врага чужими руками, чем своими» [там же: 225].

Анна Политковская показывает на конкретных примерах, что российские спецслужбы в Чечне демонстрируют «любовь» с «арабами». Категорически отвергая возможность переговоров с Масхадовым, они оказывают поддержку тандему Басаев-Хаттаб.

В целом в Кремле «…продолжает сохраняться ориентация на управляемо тлеющий конфликт на Северном Кавказе как главный политический резерв верховной власти» [там же: 226].

Политковская показывает, что время Путина — это реставрация времен Брежнева. В мае 2001 г. международная правозащитная организация (Human Rights Watch) обнародовала доклад лишь об одном из сотен массовых захоронений гражданского населения в Чечне. В докладе приводятся многие свидетельства о неадекватном поведении прокуратуры, российского правительства и президентских структур. Российская власть не желала никаких выяснений дела о массовом захоронении, полностью отрицая, что это дело рук военнослужащих. Сразу поднялась волна кремлевских опровержений. Несомненно, что была заключена бизнес-сделка на человеческих костях между Кремлем и первым лицом ООН К.Аннаном. Генсек ООН будет молчаливо «благословлять» войну на Северном Кавказе до тех пор, пока Россия поможет ему сохранять кресло (переизбрание на второй срок). США, Евросоюз, Европарламент и ОБСЕ фактически сделали все, чтобы затушевать эту историю. Фактически в Чечне противоборствуют не боевики и федералы, а федералы и гражданское население: «Но в данном случае гражданское население, принимающее на себя ежедневный удар нарушений прав человека, не может быть признано в соответствии с документами ООН одной из таких „противоборствующих сторон“. Ну а о „согласии“ российского правительства не приходится гово-

рить» [там же: 231]. Мир, Запад, сообщество отступились и позволяют нашей власти творить в Чечне все, что ей хочется, одновременно выдав индульгенцию на официальную ложь и демагогию.

Судопроизводство стало органом политического регулирования; Южный федеральный округ протаскивает кандидатуры, угодные Кремлю; спецслужбы принимают участие в фальсифицированных выборах; главный федеральный инспектор Южного федерального округа Келигов стал просто наемной бандой по устрашению всех несогласных [там же: 234-243].

«Военные диктуют России стиль поведения сегодня. Они хотят сохранить свои лидирующие позиции в стране путем создания новых локальных войн и конфликтов. Для такого государства, как Россия, которое еще не отказалось от имперских амбиций и еще не сформировалось как правовое государство, необходим враг. Для внешнего врага сил не хватает, а внутреннего всегда можно назначить» [там же: 256]. Персонификация политических проблем носит исключительно политический характер (типа был Дудаев — говорили, что не станет Дудаева и все будет закончено). Политическая проблема между Россией и Чечней не может быть представлена персонифицировано. Российские войска в Чечне находятся в ситуации карателей. Российский генералитет привык расти на чеченской крови и самостоятельно не откажется от этой традиции. Российские спецслужбы развели народы и привели к национальной трагедии [там же: 258-264].

На основе обзора ситуации Анна Политковская формулирует общий вывод: кавказская кампания России рубежа XX-XXI вв. вновь превратилась в хроническую и выгодную следующим военно-политическим группам России: военной верхушке, делающей карьеры на Кавказе; среднему и низовому военному звену, имеющему стойкий доход на войне за счет разрешения сверху повального мародерства, массовых поборов с населения и участия в нелегальном нефтяном бизнесе; новой чеченской власти — ставленникам России, наживающейся на средствах, выделяемых госбюджетом на восстановление и развитие экономики Чечни; высшему уровню политической иерархии во главе с Президентом: «Начавшись как стопроцентно пиаровская акция под выборы нового президента России, война впоследствии стала удобным средством лакировки реальной действительности вне территории войны — или увода общественного мнения от неблагополучного положения внутри руководящей элиты, в экономике, политических процессах. На российских штандартах сегодня — спасительная идея о необходимости защиты России от „международного терроризма“ в лице чеченских террористов, постоянное подогревание которой позволяет Кремлю манипулировать общественным мнением как заблагорассудится. Что интересно: „вылазки чеченских сепаратистов“ теперь возникают на северном Кавказе всякий раз „к месту“ — когда в Москве начинается очередной политический или коррупционный скандал» [там же: 276-277].

Промежуточное резюме

Каждый читатель может сделать свои выводы из собранного здесь материала. Я же для дальнейшего обоснования применимости кредо Гамлета к России суммирую главные идеи книги А. Политковской.

Россия не застрахована от возвращения тоталитарного прошлого. Армия превратилась в политическую репрессивную структуру. На территории Чечни пустил мощные ростки государственный фашизм, пророщенный в семейные отношения (когда здоровые русские люди совершенно не заботятся о своих родных больных и стариках). В России утвердилась такая «демократия», когда никому не нужна независимая журналистика. Интересы российских спецслужб слились с интересами мнимого противника. Одновременно российские спецслужбы развели народы и привели к национальной трагедии. Российские войска в Чечне находят-

ся в ситуации карателей. Российский генералитет привык расти на чеченской крови и самостоятельно не откажется от этой традиции.

В целом власть не состоянии изменить ситуацию в стране. Русские люди совершенно не верят, что государство, в котором они живут, способно на что-то доброе в отношении своих граждан.

(Окончание в следующем номере)

Анпилогов И. 2002. Уроки армии и войны, или Хроника чеченских будней. — *Континент*. — № 114.

Вайль П. 2012. *Свобода — точка отсчета. О жизни, искусстве и о себе*. — М.: Астрель: CORPUS.

Горелик Г.Е., Шальникова Н.А. (сост.). 2009. *Советская жизнь Льва Ландау глазами очевидцев*. — М.: Вагриус.

Гуревич А. 2004. *История историка*. — М.: РОССПЭН.

Колесников А. 2007. *Спичрайтеры*. — М.

Лукашевский С.М. (отв. ред.). 2004. *Чечня 2003. Политический процесс в зазеркалье*. — М.: МХГ.

Макаренко В.П. 2003-2004. Распад империй: война в системе «центр-периферия» (статья 1-2). — *Sofia. Международный журнал философов славянских стран*. — 2003. — № 3, 2004. — № 4.

Макаренко В.П. 2012. Распад империй и проблема колониализма (статья 1-2). — *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. — № 1-2.

Николаев А.И. 1998а. *На переломе. Записки русского генерала*. — М.: Современный писатель.

Николаев А. 1998б. Понять умом и сердцем. — *Слово*. — № 1.

Островский А.В. 2008. *1993. Расстрел «Белого дома»*. — М.: Яуза, Эксмо.

Политковская А. 2002. *Вторая чеченская*. — М.: Захаров.

Согрин В.В. 2005. 1985-2005: три превращения современной России. — *Отечественная история*. — № 3.

Фадеев Р. 2005. *Кавказская война*. — М.: Алгоритм.

Юнгер Э. 2007. *Годы оккупации (апрель 1945-декабрь 1948)*. — СПб.: Владимир Даль.

Злоба дня

От редакции

Журнал заводит новую рубрику, в которой будут освещаться важные для страны и научного сообщества события последнего квартала и комментарии к ним известных ученых и специалистов. Представление о специфике рубрики призвана дать первая подборка материалов.

ПРАВОВАЯ УГРОЗА

Группа известных представителей юридического сообщества России выступила с открытым письмом о нарастающей угрозе правовому характеру нашего государства. Мы публикуем текст письма. Список юристов, его подписавших, дан в порядке подписания.

Мы, люди, профессионально занимающиеся правом, вынуждены констатировать: к 20-летию Конституции России конституционный строй страны находится под угрозой. Базовые положения Конституции и, прежде всего, конституционная характеристика России как правового государства, превратились, по существу, в пустые декларации.

Можно ли говорить о правовом характере государства в условиях явной войны публичной власти против нарождающегося в стране гражданского общества? Слово «война» — не фигура речи, поскольку нас не оставляет ощущение скоординированности действий практически всех публично-властных институтов. В том числе и тех, чьей конституционной целью является охрана и защита основных прав личности. Законодательная деятельность Парламента приобрела отчетливый запретительно-репрессивный характер.

Правоохранительные органы и спецслужбы — Следственный комитет, органы внутренних дел, ФСБ, прокуратура — грубо и порой даже демонстративно, цинично нарушают конституционные и иные правовые нормы, в том числе фабрикуя уголовные и административные дела против тех, кто выступает с критикой властей. Наконец, суды — единственная инстанция, на которую граждане могли бы рассчитывать при защите своих прав, — «легализуют» эти нарушения, вынося тенденциозные, а зачастую и явно неправосудные обвинительные приговоры на основании односторонних, а то и сфальсифицированных свидетельств.

В нашей стране, в которой право и без того было многажды бито, тем самым еще больше укрепляется антиправовая традиция, выраженная в формуле «сильный всегда прав». Право в его истинном понимании исчезает на глазах, как шагреневая кожа, ибо попирается одна из незыблемых основ права — равенство всех перед законом и судом. Одновременно разлагаются и сами институты, призванные охранять и защищать право.

Мы считаем своим профессиональным и гражданским долгом обратить общественное внимание на опасность складывающейся ситуации, публично заявить о своем негативном отношении к ней.

Оболонский А.В., доктор юридических наук
Краснов М.А., доктор юридических наук, зав. кафедрой
Исаков В.Б. доктор юридических наук, зав. кафедрой
Примаков Д., кандидат юридических наук
Четвернин В.А., профессор
Загребина И.В., адвокат, председатель правления Гильдии экспертов по религии и праву
Шаблинский И.Г., доктор юридических наук
Алебастрова И.А., кандидат юридических наук
Давлетбаев М.Р., корпоративный юрист
Васильева С.В., кандидат юридических наук
Кононов К.А., кандидат юридических наук
Лукьянова Е.А., доктор юридических наук
Мишина Е.А., кандидат юридических наук
Соболева А.К., адвокат, магистр права, учредитель НКО «Юристы за конституционные права и свободы»
Станских С.Н., кандидат юридических наук, лауреат премии Российского исторического общества за вклад в изучение истории Конституции России и разработку учебных материалов по правовому просвещению, преподаватель МГУ им. М. В. Ломоносова
Олейник О.М., доктор юридических наук, зав. кафедрой
Осавелюк А.М., доктор юридических наук
Васильева Т.А., доктор юридических наук
Медушевский А.Н., профессор
Кравченко Ф.Д., управляющий партнёр, Коллегия медиа-юристов (НП)
Щербаков К. корпоративный юрист
Прохоров В., адвокат
Барабаш А.С., доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Юридического института Сибирского федерального университета (г. Красноярск)
Щедрин Н.В., доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой деликтологии и криминологии Сибирского федерального университета (г. Красноярск)
Царьков П.А., юрист
Бузин А.Ю., кандидат юридических наук, председатель Межрегионального объединения избирателей
Горинов А.А., корпоративный юрист, общественный деятель
Богуш Г.И., кандидат юридических наук, доцент
Голик Ю.В., доктор юридических наук, профессор
Голубок С.А., кандидат юридических наук, адвокат
Богатырев Ф.О., кандидат юридических наук
Манов А.Г., кандидат юридических наук, адвокат
Есаков Г.А., доктор юридических наук, зав. кафедрой
Костанов Ю.А., кандидат юридических наук, государственный советник юстиции 2 класса
Нугаева С., начальник юридического отдела АНО «Юристы за конституционные права и свободы»
Кашанина Т.В., доктор юридических наук
Чеховская Е.А., кандидат юридических наук
Лаптева Л.Е., доктор юридических наук
Ивлев П., адвокат
Трапезникова Т.А., юрист группы компаний «Стройприм»
Дедиков С.В., старший партнер Общества страховых юристов

Киркора И.В., юрист, руководитель Межрегиональная общественная организация по защите прав женщин и детей «Ассоль»
Кокина С.Б., кандидат юридических наук, доцент
Страшун Б.А., доктор юридических наук
Селивановский А.С., кандидат юридических наук
Селивановская М.Е., юрист, преподаватель
Романенко А.В., юрист, Game Insight
Лапаева В.В., доктор юридических наук
Ермоленко А.С., кандидат юридических наук, доцент МГЮА им. О.Е. Кутафина
Варламова Н.В., кандидат юридических наук

«ЗДЕСЬ НАУКА ПОД ЗАЩИТОЙ НАВЕЧНО»

Ю.М. Батурин
член-корреспондент РАН,
Институт истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН

Аннотация: *В статье ставится проблема взаимоотношений науки и власти. На примере истории Российской академии наук анализируется роль государства: от поддержки до прямого давления. Автор ставит своей целью проследить стремление государства на всех этапах исторического развития к подчинению науки. Но также подчеркивает, что превратить науку в «послушную машину» так и не удалось.*

Ключевые слова: *государство, власть, научное сообщество, идеологизация науки, большевизация.*

История взаимоотношений власти и науки в России: от Петра I до наших дней

Ох, уж эта человеческая самоуверенность: «Хранить вечно», «Вечное перо», «Вечная слава героям»… Героев мы, к сожалению, забываем, дела вечного хранения пропадают, вечное перо перестает писать… Вот и надпись, исполненная на печати Академии в 1735 г.: «Здесь наука под надежной защитой навечно». Нашлись силы, попытавшиеся сломить вечно надежную защиту. Никогда прежде за три века государство не переходило грань, за которой возникает риск полной утери важнейшей из основ собственного веса, престижа, авторитета.

Академия наук создана в России Великим Петром 8 февраля (по новому стилю) 1724 году. Именно этот день с 2000 года отмечается в России как День науки. В 2024 году РАН может не отметить 300-летие своего существования.

Академия — дело государственное…

Академия наук в Петербурге создавалась по инициативе государственной власти, находилась на государственном обеспечении, научная деятельность ее членов являлась родом государственной деятельности. Пользуясь необходимой для научного учреждения свободой в выборе предметов и методов исследования, Академия наук в то же время выполняла непосредственные практические задачи, поставленные государством, и служила для него консультантом в вопросах, связанных с наукой. Таким образом, в основу всей системы орга-

низации научных исследований в России был положен государственный принцип. Это принципиальное отличие Академии наук в России от существовавших в то время научных академий и обществ главным образом и повлияло на характер взаимоотношений государства и науки в России.

Получив мощную поддержку со стороны государства, Академия наук смогла так организовать свою работу, что в кратчайшие сроки добилась серьезных научных успехов и смогла достойно войти в научное и культурное пространство не только Европы, но и мира.

Французский ученый Жан-Жак Дорту де Меран в письме к президенту Петербургской академии И.А. фон Корфу 12 января 1736 года, то есть через 12 лет после создания Академии в России, писал, что «основанная заботами Петра Великого, постоянно пользовавшаяся покровительством его достойных преемников, состоящая из людей самых избранных и самых знаменитых в своем государстве и во всей Европе, Петербургская академия наук поднялась со времени своего рождения на такую высоту научного знания, до которой Парижская и Лондонская академии добрались только за 60 лет упорного труда. Словом, она имеет успех, достойный ее создателя».

Академия наук, как часть государственного организма, испытывала на себе те же самые трудности и кризисные ситуации, что и страна. Например, в XVIII веке академикам и служащим Академии месяцами не платили жалованье, т.к. государственные перевороты и перипетии борьбы за власть привели в расстройство государственные финансы; ощущался кризис руководства: Академия подолгу оставалась без президента или протектором ей пытались определить очередного фаворита; безразличное отношение к науке вынуждало одних ученых переходить в другие государственные учреждения, других оставлять службу и покидать Россию.

…но конфликты с государством неизбежны

Помимо общих с государством трудностей возникали, и нередко, напряженные внутренние отношения между Академией и государством. 24 июля 1747 года императрица Елизавета Петровна утвердила «Регламент императорской Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге». По этому регламенту Академия строила свою деятельность более полувека. К выработке Регламента не был привлечен никто из академиков.

М.В. Ломоносов уделял внимание совершенствованию управления Академией наук и критике Регламента 1747 года. В период особенно напряженной борьбы с «неприятелями наук российских», в 1763 году, Ломоносов писал: «Я бы охотно молчал и жил в покое, да боюсь наказания от правосудия и всемогущего промысла, который не лишил меня дарования и прилежания и ныне дозволил случай, дал терпение и благородную упрямку и смелость к преодолению всех препятствий к распространению наук в Отечестве, что мне всего в жизни моей дороже». В «Проекте привилегии Академии наук» (1764-1765) Ломоносов проводил идею независимости науки от прихотей чиновничества; необходимо, чтобы «произвождение ученых дел простиралось беспрепятственными успехами и никто б не дерзал оным чинить помешательства и остановки».

В XIX веке все больше представителей научной элиты включалось в высшие слои государственной бюрократии. В состав Государственного совета входили академики: филолог А.И. Соболевский, юрист Н.С. Таганцев, почетные академики юрист А.Ф. Кони, инженер Н.П. Петров, историк С.Д. Шереметев, член-корреспондент историк В.И. Герье и др. Выдающиеся ученые занимали важные посты и в последнем царском правительстве. Так, например, министром путей сообщения был прекрасный инженер Э.Б. Войновский-Кригер, министром народного просвещения — профессор Н.К. Кульчицкий, министром иностранных дел — крупный экономист Н.Н. Покровский и т. д. Но в то же время проходили допросы ученых, отказы в средствах на нужды образования и науки. Отсутствие понимания между правитель-

ством, обществом и научным сообществом стало одной из причин трагических событий после февраля 1917 года, поставивших под угрозу само существование российской науки.

Захват власти большевиками российские ученые, по словам академика В.И. Вернадского, восприняли как «небывалую в истории катастрофу», почувствовав «себя бессильной былинкой».

Инициативу диалога с большевиками взяли на себя руководители Академии — А.П. Карпинский, С.Ф. Ольденбург, В.А. Стеклов. Первоначально диалог проходил на основе общих представлений о практической ценности науки в служении народу, обществу и государству. Но с 1923 года аргументы все чаще стали формулироваться на языке марксизма, наиболее понятном большевикам.

Гражданская война наложила суровый отпечаток на жизнь ученых. Они в полной мере испытали тяготы времени: преследования властей, аресты, голод, холод, инфекционные болезни, отсутствие элементарных условий для работы. Потери в эти годы составили более трети среднего списочного состава действительных членов РАН. Молодыми погибли академики А.С. Лаппо-Данилевский, А.В. Никитский, Б.А. Тураев; ушли из жизни академики А.А. Марков, В.В. Заленский, В.В. Радлов, М.А. Рыкачев, А.С. Фаминцын и др. К умершим надо добавить еще фамилии 11 почетных членов РАН и 35 фамилий ее членов-корреспондентов. В самые голодные годы (1919-1921) практически на каждом ежемесячном Общем собрании назывались фамилии 3-4 умерших ученых.

Лауреат Нобелевской премии И.П. Павлов, золотые медали которого реквизированы во время неоднократных обысков, должен был сам добывать дрова и кормить семью с огорода, устроенного им на территории Института экспериментальной медицины. Примеры можно множить и множить.

И тем не менее, летом-осенью 1925 года государство все же устроило юбилейные торжества по случаю 200-летия Академии наук.

Государство подчиняет, но вынуждено идти на компромиссы

Государство, по природе власти, всегда действует с позиции господства и ожидает, что любой отклик на его действия приходит с позиции подчинения.

18 июня 1927 года Совнарком СССР утвердил новый Устав Академии наук, первый советский. Отныне руководителей Академии, хотя и выбранных Общим собранием, должны были утверждать в Совнаркоме. Предусматривалось и лишение званий академиков, если их деятельность признавалась вредной для СССР.

Случались, тем не менее, неувязки с подчинением.

1929 год — особый год в истории Академии наук СССР. К этому моменту процесс идеологизации, огосударствления и большевизации Академии достиг крайнего напряжения. «Приручение» Академии наук вступило в завершающую стадию. Выборы новых академиков, «чистка кадров», репрессии против ученых, коренная перестройка Академии наук… 12 января 1929 года состоялись выборы большой группы ученых-коммунистов в академики и трое ученых из кандидатов-коммунистов не получили при голосовании на Общем собрании нужного количества голосов

13 февраля состоялись повторные выборы, в которых участвовали и ранее избранные академики-коммунисты, и с учетом их голосов трое прежде проваленных все же стали академиками. 25 февраля академик-коммунист Н.И. Бухарин в записке «Ориентация в вопросах Академии наук для нас самих» написал: «…План может и должен идти не помимо, а через теперешнюю Академию наук, которая должна быть радикально реформирована, переделана, перестроена, что возможно лишь путем длительной и систематической работы, т.е. лишь в «конечном счете». В этом смысле задача по отношению к Академии наук состоит не во взрыве этого учреждения, а в длительной его переделке».

Для государства важно было добиться подчинения, для этого требовалось в первую очередь сменить руководство Академии и академических учреждений. ОГПУ фабриковало дела, ученых арестовывали по делам «Промпартии», «славистов», «золотому делу» и особенно по «заговору монархистов» или «академическому делу» и др.

Летом 1929 года Центральная контрольная комиссия ВКП(б) начала проверку аппарата Академии наук. Комиссия принимала решения об увольнении с работы многих сотрудников «по политическим и деловым качествам». Увольнение коснулось не только технических сотрудников аппарата, но и ученых, в том числе крупных специалистов в различных областях естественных и гуманитарных наук. В декабре 1929 года комиссией из 960 штатных сотрудников Академии наук были уволены 128, из 836 сверхштатных — 520.

Волна репрессий конца 30-х годов затронула многих ученых: кто-то был арестован, находился в заключении, кто-то пережил аресты близких родственников, цензурные запреты, изгнание с работы, шельмование в прессе, лишение права выезда за границу и т. д. Часть репрессированных ученых погибла в лагерях и ссылках, на судьбе тех, кто выжил, это время оставило неизгладимый след.

«Мы разгоним к чертовой матери Академию наук»

Академия наук регулярно подвергалась критике со стороны властей. Так, в мае 1959 года Н.С. Хрущев на заседании Президиума ЦК КПСС обвинил Академию в том, что она «разрослась чрезмерно», стала «плохо управляемой». Он предложил разделить АН СССР на несколько академий, провести изменения в структуре Академии, а также планировал передачу в ведение совнархозов ряда институтов. В конце апреля 1961 года в разговоре с президентом АН СССР академиком А.Н. Несмеяновым Хрущев заявил, что Академию наук вообще нужно закрыть. В ответ на это Несмеянов сказал: «Ну что же, Петр Великий открыл Академию, а Вы ее закроете». Дерзость в разговорах с властью, всегда присущая Академии, стоила ему поста президента Академии. Именно смелость возражать по любым вопросам и возмущала Хрущева. Так, в июле 1961 года, когда на совещании в Кремле академик А.Д. Сахаров выступил против планов властей возобновить ядерные испытания, Хрущев отреагировал весьма резко: «От техники он (Сахаров) переходит к политике. Тут он лезет не в свое дело. Можно быть хорошим ученым и ничего не понимать в политических делах… Так что предоставьте нам, волей-неволей специалистам в этом деле, делать политику, а вы делайте и испытывайте свои бомбы, тут мы мешать вам не будем, даже поможем».

11 апреля 1963 года вышло постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О мерах по улучшению деятельности Академии наук СССР и академий союзных республик», за которым последовало существенное сокращение штатов Академии. В течение двух лет в Академии наук сократили половину институтов в основном инженерного профиля (92), в которых работала треть всех сотрудников Академии.

11 июля 1964 года на Пленуме ЦК КПСС у Хрущева вырвалось: «Мы разгоним к чертовой матери Академию наук». Кстати, мотивировал он это мыслью, с удивительным постоянством возникавшей в разные исторические периоды, вновь ставшей востребованной почти через полвека в наши дни и потому воспроизведенной почти (за исключением обратного порядка «буржуазный — социалистический») дословно: «Это нужно было для буржуазного государства… Сейчас, в социалистических условиях, это изжило себя, это придаток и проявляет он себя довольно плохо».

У ученых, да и просто у современников идея Хрущева вызвала, по меньшей мере, удивление, так как именно в период его правления были достигнуты высокие результаты в научной сфере: полет Ю.А. Гагарина и другие космические достижения, создание ракетно-ядерного щита. Но руководство страны требовало от научного сообщества, и в первую очередь от

Академии наук, получения быстрых результатов в деле создания «коммунистического общества».

На заседании Президиума ЦК КПСС 13 октября 1964 года и на последовавшем за ним октябрьском пленуме, где Хрущева освободили от всех должностей, ему припомнили и попытку ликвидировать АН СССР. М.А. Суслов заявил, что для членов Президиума ЦК полной неожиданностью оказалась речь Хрущева, «в которой содержались грубые политические ошибки. Достаточно вспомнить его угрозу разогнать Академию наук». Н.С. Хрущев вынужден был признать: «Что касается ликвидации Академии наук СССР, то признаю, что допустил в отношении нее ошибку. За что извиняюсь».

У Хрущева нередко эмоции трансформировались сразу в политические решения, но он все же понимал, какой мощнейший ресурс представляет собой Академия: «У кого наука — у того будущее». В основе конфликтов с Академией в этот период лежали другие причины. Советский Союз сумел создать мощнейшую систему получения новых знаний, быстро дававшую практический выход в оборонной промышленности и опиравшуюся на гибкую, отработанную на протяжении веков внутреннюю организацию Академии наук. Но именно государственное руководство перестало справляться с эффективным управлением всем научно-производственным комплексом, а реформы проводились без понимания основных принципов организации науки, что, в конце концов, привело к бездарному разбазариванию научно-технического потенциала СССР. Причиной стало то, что партийно-государственный аппарат оказался по уровню своей собственной сложности много беднее и слабее весьма развитого объекта, которым он пытался управлять, что вошло в противоречие с одним из основополагающих законов кибернетики — законом необходимого разнообразия Эшби: для эффективного управления необходимо, чтобы управляющая система была сложнее (разнообразнее, умнее) системы управляемой.

Превратить Академию наук в послушную машину так и не удалось.

* * *

Получая на Общем собрании РАН Большую Ломоносовскую медаль 2 июня 1999 года, А.И. Солженицын сказал: «…В самом начале того пути Петр Первый задумал и создал Академию как мозговой центр России на долгое будущее — сегодняшний политический режим, в годы сложнейших, упускаемых государственных задач, самоуверенно не прибегает к широкому спектру научных экспертиз Академии по труднейшим проблемам. Те решаются беглыми кабинетными совещаниями череды быстро переменчивых и потому безответственных лиц».

Российская академия наук, один из символов страны, на протяжении всей своей истории демонстрирует поразительную стабильность при любых политических и социальных катаклизмах и удерживает рекорд долгожительства среди государственных учреждений. Форма организации научной деятельности и управления ею, принятая в Академии, оказалась на редкость удачной и устойчивой, особенно в контексте изменчивости социально-политического устройства России. Когда физики обнаруживают, что при преобразованиях нечто сохраняется («инвариант»), они понимают, что близки к открытию фундаментальной закономерности. Может быть, именно во внутренней силе Академии, ее способности к адаптации — гнуться, но не ломаться под самым жестким давлением власти, в ее самоорганизованности, наконец, в основной ее исследовательской функции, и кроется наша так и не сформулированная национальная идея — глубокое, фундаментальное, экспериментальное и с теориями достаточно безумными, чтобы оказаться верными, познание мира? Как было написано в проекте первого Положения об учреждении Академии наук 1724 году, «российскому народу не только в великую пользу, но и во славу»!

ВСЕ УЖЕ БЫЛО, ВСЕ ЕЩЕ БУДЕТ

Э.И. Колчинский
Санкт-Петербургский филиал
Института истории естествознания и техники РАН

Аннотация: *В данной статье автор представляет вниманию читателей четыре модели взаимодействия науки и власти – отказ, борьба, партнерство, диалог. Каждую модель он описывает на примере Франции, Германии, США и России, соответственно, схваченные в определенный исторический период. Анализируя историю науки и власти, автор пытается ответить на вопрос: чему нас не учит история.*

Ключевые слова: *история науки, научное сообщество, власть, ученые во власти, наука и государство.*

Как создать и разрушить научное сообщество. История вопроса

Всякому, хоть немного знающему историю науки, известно, как непросто создать отечественное научное сообщество, у нас на это ушло 150 лет, и как легко его можно разрушить за 5-10 лет. История, конечно, ничему не учит, но все же напомним.

«Республике не нужны ученые»

Для научного сообщества Франции, бесспорного лидера науки в век Просвещения, трагическими оказались 1790-е гг., когда под сомнение была поставлена не только целесообразность учрежденной в 1666 г. Академии наук, но и сама профессиональная наука. Раздавались требования, чтобы академия отчитывалась перед народом в своих расходах или содержала себя сама. «Друг народа», неистовый якобинец Ж.-П. Марат именовал членов Академии наук «современными шарлатанами», пропагандируя идеи о бесполезности академических ассоциаций, и требовал их ликвидации для блага самой науки. Газеты также ратовали за упразднение академий, а академиков уподобляли священникам и требовали создать некий демократический орган по руководству наукой. Уже в 1790 г. в Учредительном собрании начались дебаты о будущем академии, в ходе которых было выдвинуто три предложения: сохранить, реорганизовать и ликвидировать.

Поражения в первых революционных войнах активизировали радикальные силы. Особенно непреклонен был в Конвенте академик А.Ф. Фуркруа, преемник Марата по Якобинско-

му клубу, и художник Л. Давид, оскорбленный тем, что академики не оценили его талант. В 1792 г. было ликвидировано 22 университета, а в 1793 г. — все академии и научные общества как пособники прежнего режима и остатки элитаризма в науке. Это означало не только отмену пенсий, общественные осуждения, увольнения и крах карьеры, но голод и репрессии. Страна погрузилась в массовый террор, в котором участвовали многие ученые, попавшие во власть. Они старались удержаться там любыми способами, пресмыкаясь, лавируя, предавая друзей, убеждения и в конечном счете самих себя и свою науку. Фуркруа не только ничего не сделал для спасения от гильотины ближайшего соратника и учителя А. Лавуазье, но и более других обвинял Академию наук в неумении приспособиться к новым обстоятельствам. Из 48 членов Академии наук на гильотине погибли 6 человек, покончил с собой в тюрьме — 1, умерли или погибли в тюрьме — 3, от голода умерло — 9, во внутренней или внешней эмиграции оказались около 20 академиков. Гибель интеллектуальной элиты означала и крах многих научных программ. Любой научный «проект» имел шанс на успех, только если обосновывался с позиций революционной целесообразности и практической значимости.

В противовес академическим ценностям выдвигались идеалы утилитарной и конформистской науки. Ученым отводили роль экспертов и консультантов различных государственных бюро, комитетов. Входя во власть, они превращались в чиновников, чувствуя себя ответственными перед начальством, а не перед научным сообществом. Предполагалось привлечь ученых в образовательные учреждения для их ускоренной политехнизации и милитаризации. Крах якобинцев не смутил их сторонников среди ученых. Свергнутого М. Робеспьера все тот же Фрукруа клеймил отныне как тирана и гонителя науки. Ученые во власти приняли быстрые меры по объединению научных сил под контролем государства, создав Национальный институт наук и искусств, фактически выполнявший все функции упраздненных академий. Хотя институт был сильно политизирован, формы работы (заседания, публичные собрания, выборы новых членов, конкурсы) во многом следовали академическим традициям. Институт выполнял различные поручения общественного характера, составлял для правительства справки о состоянии и развитии наук и искусств во Франции, разрабатывал предложения о совершенствовании образования. Власть теперь уверяла ученых: «Республика не уступит деспотизму в справедливости и щедрости. Она не станет делать для института меньше, чем делали короли для старых академий».

Трагический для научного сообщества Франции кризис завершился формированием системы государственной поддержки научных исследований, созданием новых субсидируемых государством институтов, реорганизацией прежних академий, появлением профессионального слоя ученых, а в конечном счете — формированием науки с новой социальной ориентацией. На ее знаменах отныне было начертано: «Прогресс и польза». Выход из кризиса был трагичен для одних ученых и дал старт для блестящей карьеры других, но выжившие ученые должны были приспосабливаться к быстро меняющимся лозунгам и властям. Борьба научных идей нередко переводилась в политико-идеологическую плоскость. Возник феномен идеологически и политически «корректной науки». В конечном счете Франция потеряла лидерство в науке, уступив его Германии, и немецкий язык вплоть до конца Второй мировой войны оставался международным языком науки.

«Наука есть заменитель военной мощи»

Для объединенной Германии характерно было сформулированное Вильгельмом фон Гумбольдтом, государственным деятелем и ученым, равновесие трех «опор», на которых базировалось научное развитие — академий, университетов, исследовательских институтов. В 1911 г. к ним добавилась мощная общегерманская организация — Общество кайзера Вильгельма, ныне Общество Макса Планка. Его главной целью стала мобилизация промышленного и финансового капитала на нужды науки. Этому обществу стали под силу крупномасштаб-

ные научные предприятия, недоступные университетской науке. Поиск новых отношений в системе «наука, общество и государство» непрестанно шел в Веймарской Германии, где само слово «кризис» было неотъемлемой чертой времени. Социально-культурная и политическая среда прямо, а иногда в грубых формах воздействовала на науку. Ученые чувствовали себя заброшенными в море социально-политической демагогии, оккультизма, мистицизма и теософии. Под сомнение были поставлены основополагающие принципы науки.

От глобального кризиса научное сообщество страдало в первую очередь. Если промышленники, финансисты и политики заботились о себе сами, а рабочие отстаивали свои интересы в стачечной борьбе, то преподаватели вузов и сотрудники научных учреждений были на первых порах беззащитны в социально-политическом контексте Веймарской республики. Кризис в Веймарской республике преодолевался учеными как путем самоорганизации научного сообщества, лидерами которого были знаменитые химики и физики (Ф. Хабер, М. Планк и А. Эйнштейн), так и за счет усиления правительственной поддержки. Ее удалось получить благодаря умелой защите интересов ученых под лозунгом «Наука есть заменитель военной мощи». Принципиально новая форма финансирования научных исследований на конкурсной основе наиболее перспективных проектов была обеспечена созданием фондов поддержки немецкой науки, которые возглавил министр культуры Пруссии Ф. Шмидт - Отт, но гранты при этом распределяли сами ученые. Бурный институциональный рост демонстрировало Общество кайзера Вильгельма.

С приходом нацистов к власти была предпринята попытка централизовать научные исследования, превратив науку и высшую школу в жестко контролируемый инструмент национал-социалистической политики и идеологии. Сотни ученых были уволены в результате расовых и политических чисток. Многие из них, как А. Эйнштейн, эмигрировали. «Еврейские» теорию относительности и квантовую физику пытались заменить «арийской физикой», пропагандируемой лауреатами Нобелевской премии Ф. Ленардом и И. Штарком. Но для создания нового оружия, будь то атомная бомба, ракеты, реактивные самолеты или борьба с раком, нужна была нормальная, а не арийская наука. Когда национал-социалисты это поняли, время ушло: они не успели создать «чудо-оружие», проиграли ядерную гонку США. Не оправдался и курс на развитие чисто прикладной науки и создание нацистских научных структур типа фонда СС «Наследие предков», Национал-социалистической академии и т. д. для конкуренции с учреждениями и фондами, унаследованными от Веймарской республики. Тотальная нацификация немецкой науки обернулась потерей поколения ученых в результате чисток, эмиграции и огромных жертв во Второй мировой войне, а также последующей денацификации и «утечки мозгов».

Партнерство власти и науки

Переход лидирующей роли в мировой науке к США произошел в результате долгой совместной работы, построенной на равноправии. Поводом для ее начала стали Великая депрессия конца 1920-х — начала 1930-х гг. и Вторая мировая война. В годы первого всемирного экономического кризиса законодательная и исполнительная власть США сокращала ассигнования на науку, объявляя ей «выходной» и вводя мораторий на научные исследования. Фундаментальные науки, а также исследования, связанные с промышленностью, страдали в первую очередь. Взявшись за реорганизацию научных учреждений, администрация Ф.Д. Рузвельта обратилась за советом к ученым. В ответ они предложили научно подойти к реформированию — «скорее по областям науки, нежели в соответствии с административными проблемами правительства». Их предложение было принято. При правительстве был создан Консультативный научный совет, состоящий из видных ученых, который взялся за всесторонний анализ государственной системы науки с целью ее улучшения. Предложенная «Программа возрождения научного прогресса» была направлена на координацию научно-техниче-

ских усилий в восстановлении национальной индустрии. Программа включала и экстренные гранты помощи для фундаментальной науки. В результате государство стало активнее участвовать в разработке и финансировании научных программ. Упрочение грантов как стержня американской системы финансирования науки также пришлось на начало 1930-х гг. Еще раньше частные Институт Карнеги и фонд Рокфеллера оказывали громадную поддержку научных исследований, в том числе и за рубежом.

Война стала мощным катализатором становления в США системы государственных органов руководства наукой. Еще до вступления в антигитлеровскую коалицию правительство США предприняло ряд организационных мер по мобилизации национальных научно-технических ресурсов, создав Национальный комитет оборонных исследований, который не только мог использовать правительственные лаборатории, но по контрактам привлекать неправительственные учреждения. В июне 1941 г. для повышения эффективности координации работ военно-оборонного характера было создано Управление научными исследованиями и разработками, которому было поручено разработать проекты военного значения и ликвидировать разрыв между исследованиями, разработками и производством современного оружия, координируя научно-технические разработки в военных ведомствах, а также военно-медицинские исследования.

В исполнительный комитет управления вошли выдающиеся ученые, которые выступали инициаторами новых разработок и решали вопросы о распределении для реализации отобранных проектов среди организаций. Среди инициируемых ими работ особое место занял «Манхэттенский проект» по созданию атомного оружия. Значительные изменения внесла война и в научные исследования военных ведомств США, управлявших армией, военно-морскими и военно-воздушными силами. Созданные в них научно-исследовательские подразделения эффективно действовали во время войны и были сохранены после ее завершения. Именно равноправное партнерство власти и науки при наличии множества источников финансирования создало самую эффективную модель науки в мире, на которую ежегодно выделяют около 370 млрд долларов, что вряд ли сопоставимо с щедростью Российского правительства — 5,5 млрд долларов в год.

Трудный диалог российских ученых с властью

Созданная волей Петра Великого Академия художеств и наук изначально была всецело государственным учреждением, находилась под контролем власти и должна была обеспечивать ее научно-техническое обслуживание. Академия, организованная в стране, где не было ни университетов, ни гимназий и школ, воспринималась в России многими как импортный экзотический цветок. В XIX веке усиливалась двойственность позиции государства относительно науки: с одной стороны, ее признавали источником экономического и военного могущества, а с другой — с подозрением воспринимали ее демократические традиции и корпоративный дух, базировавшиеся на западноевропейской культуре. В начале XX века возник очередной конфликт научного сообщества и власти.

Ученые, стремясь к государственной поддержке научных исследований, не желали мириться с игнорированием их интересов и ограничением активности со стороны бюрократии. Ощущение государственной важности своей научно-преподавательской деятельности, профессиональная репутация в своем сообществе, активная общественная позиция и использование в качестве экспертов способствовали высокой самооценке ученых в условиях политического абсолютизма и полицейского контроля над интеллектуальной жизнью. Возникал разрыв между гражданским и профессиональным статусом ученых как членов мирового научного сообщества и положением их как «слуг правительства» в качестве членов Академии наук или профессоров университетов. Возросшая практическая ценность науки и ощущение своей незаменимости побуждали ученых претендовать на особую роль в решении проблем, возник-

ших перед Россией. Значительная часть академиков была убеждена, что правительство не способно решить назревшие проблемы, и, воспринимая себя носителями прогресса в отсталой стране, свое будущее связывали с коренными социально-политическими и экономическими реформами.

Однако потрясения Первой русской революции 1905—1907 гг. показали, что ученым не следует уповать на восставший народ, а их участие в Государственном совете похоронило надежды на реформы «сверху» в области науки и образования. Профессура решила взять на себя заботу о них. Ученые создавали частные вузы, фонды и лаборатории при поддержке промышленников, купечества и земства. Первая мировая война прервала эту деятельность, но привела к возникновению феномена «мобилизационной» науки, выявив определяющую роль науки в ее исходе, резко усилила позиции академии в государстве. После Февральской революции академия получила независимость, а ее члены возглавили ряд министерств, разрабатывая планы создания новых научных учреждений.

Пришедшие к власти большевики в октябре 1917-го поставили под вопрос существование Академии наук как пережитка старого строя. В те дни впервые раздались голоса: «Коммунистическая наука мыслима лишь как общенародное трудовое жизненное дело, а не как волхвование в непреступных святилищах, ведущее к синекурам, развитию классовой психологии жречества и сознательного или добросовестного шарлатанства». Предпринимались попытки закрыть Академию наук, создав вместо нее Коммунистическую академию или реорганизовав в некую Ассоциацию наук по апробированному образцу советских органов. Гражданская война сорвала эти планы, а во время НЭПа стало ясно, что без Академии наук нельзя выйти из международной изоляции и восстановить разоренную страну. Это позволило Академии наук занять видное место среди государственных учреждений.

Нападки на Академию наук возобновились в первые годы индустриализации и коллективизации, и снова некоторые члены Политбюро призывали огнем и мечом карать непослушных академиков.

В конечном счете, удалось найти новые формы взаимодействия науки и государства и выработать общий язык между учеными и политиками. Академия наук не только выжила, но укрепила свое положение, став одним из приоритетов правительственной политики. Пришлось для этого пожертвовать не только многими свободами, но и жизнями своих членов. Каждый шестой из членов АН СССР в период с 1918 по 1953 г. подвергся репрессиям, многие были расстреляны или погибли в сталинских лагерях и тюрьмах. Тем не менее успехи советских ученых, включенных в научные советы всех наркоматов, помогли выиграть Великую Отечественную войну и обеспечить мирное существование страны в послевоенные десятилетия. Это заставляло жестких правителей СССР считаться с академиками и позволять им некоторое фрондерство, особенно тем, кто был занят в оборонных исследованиях. Вошедший в раж Н.С. Хрущев, оскорбленный, что одного из сторонников Т. Лысенко не избрали в Академию наук, — грозился разогнать ее к «чертовой матери». Это ему припомнили в октябре 1964 г., когда отправляли в отставку.

Даже И. Сталин понимал, что существование СССР как великой державы зависело от умения договариваться с лидерами научного сообщества. В этом его окончательно убедила Великая Отечественная война, когда с максимальной эффективностью были мобилизованы научные ресурсы страны для быстрой перестройки всей экономики на военные рельсы, для внедрения новых технологий, для разработки новых видов вооружения. Видимо, это и считают инициаторы нового закона о Российской академии наук субъективными факторами возникновения современной структуры Академии наук.

Игнорирование этих факторов уже привело к развалу российской экономики, к массовой внешней и внутренней миграции наиболее активных членов академического сообщества, повысивших публикационный рейтинг других стран. Продолжение этой практики окончательно покончит с безопасностью и обороноспособностью России даже в перспективе. И об

этом не следует забывать разработчикам нынешних планов ликвидации РАН. И пусть помнят будущие члены новой «РАН», что случилось с их коллегами из Венгрии, которым тоже обещали сначала платить деньги, а потом забыли. А правительству неплохо бы узнать, что после роспуска академий наук в бывших странах СНГ и Восточной Европы наука как таковая там почти исчезла, а КНР, где академию, скопированную по модели АН СССР, оставили (и где на науку выделяют 180 млрд долларов в год), — весьма успешная страна. Опыт реформ науки в Китае должен стать предметом специального разговора. Почему-то он не учтен инициаторами нынешней реформы.

* * *

Итак, чему нас не учит история?

Тому, что тотальная экономическая зависимость науки от государства губительна, особенно в ситуациях кризиса. Наука должна финансироваться не только от государства, но, как это было в Германии, от других источников — например, частных компаний и спонсоров. Хватит стоять с протянутой рукой и просить госчиновников увеличить финансирование, надо начинать работать с бизнесом, который, мы уже видим примеры, иногда умнее и эффективнее государства. Институт Пастера во Франции получает от государства лишь около половины средств, остальное дают спонсоры в рамках свободного отчисления средств. Создание открытой системы финансирования от разных негосударственных источников сегодня становится первостепенной целью.

История не учит нас, что кризисы в отношениях государства и ученых неизбежны. Они много раз были прежде, они еще будут повторяться.

История не учит нас, что к обороне всегда нужно готовиться заранее.

История не учит тех, кто принимает и кто готов выполнить без обсуждения законы, губительные для собственных стран.

ГРАЖДАНСКОЕ НЕДОВЕРИЕ К ВЛАСТИ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

А.В. Оболонский
Национальный исследовательский университет — Высшая школа экономики

Аннотация: *В статье предложена оригинальная концепция политической роли общественного доверия и недоверия. В отличие от общепринятой трактовки любого недоверия как фактора безусловно отрицательного, автор подходит к вопросу более дифференцированно. Он рассматривает политическое недоверие к власти как предпосылку политического прогресса. Именно обоснованное недоверие к государству — одна из основ либеральной идеологии.*

Ключевые слова: *гражданское доверие, политическое недоверие, номенклатура, власть, административный ресурс, коррупция.*

Проблематика, связанная с доверием, за последние годы стала одной из важнейших в целом ряде социальных наук. Она даже была заявлена в качестве главной, «сквозной» темы на последней ежегодной международной конференции НИУ-ВШЭ по проблемам развития экономики и общества. И в прозвучавших на ней докладах, и в других работах приводится немало аргументов в пользу тезиса о необходимости высокого уровня доверия для успешного функционирования бизнес-организаций и некоммерческих объединений, для нормального развития экономики и общества в целом. С этим трудно, да, пожалуй, и не нужно спорить. Но за одним весьма существенным исключением. Все это так, пока речь идет о социальном — деловом и межличностном — доверии в разных его формах. Но доверие политическое — случай особый. И именно о нем пойдет речь в статье.

В политической науке принято считать, что доверие к властям предержащим — факт безусловно позитивный. И соответственно, низкое доверие или вообще его отсутствие — фактор негативный. Однако представляется, что реальность далека от подобной одномерной картины. Поэтому цель данной статьи — посмотреть на проблему с иного угла зрения, исходя из гипотезы, что при определенных условиях именно **НЕ**доверие становится движущей силой развития, тогда как доверие, особенно в патерналистской его ипостаси, консервирует неблагополучное положение.

Сегодня, чтобы получить подтверждение этому, достаточно просто «посмотреть в окно». Ведь именно *обоснованное* недоверие к проведенным властями выборам, причем на всех их этапах, от старта до финиша, послужило толчком не только к импульсивным протестным акциям (что само по себе тоже очень важно), но и к формированию на основе чисто до-

бровольной самоорганизации людей таких структур гражданского общества, как «Гражданин наблюдатель» и «Голос», призванных отслеживать фальсификации при голосовании. Это потребовало большой, порой на грани подвижничества, и абсолютно бескорыстной кропотливой подготовительной работы тысяч людей и на протяжении достаточно продолжительного периода перед днем голосования, и непосредственно на избирательных участках, где они выявляли и регистрировали факты многочисленных и многоуровневых фальсификаций, и последующих действий по систематизации и приданию публичности не просто фактам, а целой системе преступных нарушений избирательных прав граждан и соответствующего законодательства.

Именно так, а не по указам «сверху», и возникает гражданское общество, ибо оно, по мнению Ю. Борко, рождается и набирает силу только в постоянном противостоянии с государством. Естественно, важной частью связанных с этим вопросом являются проблемы *коррупции и честности властей.*

Итак, стандартная презумпция политологического анализа такова: доверие людей к политическим и управленческим институтам, а также к персонам, ассоциирующимся с ними в общественном сознании, — необходимое условие нормального функционирования современного общества. Однако не следует упускать из вида, что само доверие, во всяком случае в обществах современного типа, — переменная не независимая, а производная. Более того, идеология конституционализма, разделения властей выросла именно на презумпции недоверия к неограниченной власти и привела в современных обществах к доверию ограниченному, условному, основанному на контроле и информированности. Да, общество доверяет неким лицам осуществление определенных политико-управленческих функций, но не в полной мере, не безусловно, а на определенных *ограничительных* условиях. И одно из таких условий, наряду с компетентностью, ответственностью и т. д., — *честность* этих лиц.

В современной России, как известно, и с доверием, и с честностью тех, кого принято называть «элитой»[1], ситуация весьма далека от благополучной. Поэтому проблема доверия (а вернее сказать, его дефицита или даже отсутствия) приобрела у нас несколько «специфический» характер. Она нуждается в обсуждении как объектов, так и субъектов доверия. На обыденном языке проявляется в восклицаниях типа «а кому доверять-то?» или «а судьи кто?» Но сначала посмотрим, как подходят к связанным с этим вопросам различные научные школы. И тут на первый план в качестве индикатора выходит фактор *коррупции.* Иначе говоря, *доверие, честность и коррупция* — базовые категории подобного анализа у представителей различных, даже противоположных подходов к данной проблематике.

Обратимся сначала к «теории общественного выбора». В ее рамках коррупция и уровень доверия связаны явной негативной корреляцией: больше коррупции — доверие ниже, меньше коррупции — доверие выше. В более широком плане ее представители отмечают негативное влияние коррупции на все экономическое развитие, рассматривая это в терминах трансакционных издержек, ориентированного на извлечение ренты поведения (*rent-seeking behavior*) бюрократии, «дилеммы заключенного (*prisoner dilemma*)» и т.д. Один из эмпирических аргументов в этом контексте состоит в том, что повышение общественного доверия всего лишь на один процент ведет к увеличению ВВП на душу населения на протяжении пяти лет на 660 долл. Ф. Фукуяма, анализировавший данную проблематику в сравнительном, кросскультурном аспекте, рассматривает преобладание социального недоверия над доверием как дополнительный налог на любую национальную экономику. Правда, он дифференцирует типы доверия по его объектам. Доверие к институтам, к деловым партнерам он трактует как фактор позитивный, в то время как доверие внутриклановое или семейное — как фактор негативный и препятствие для модернизации. Он даже ввел понятие «аморальной семействен-

[1] Кавычки означают, что у меня просто «язык не поворачивается» всерьез использовать это, как никак имеющее некую положительную смысловую нагрузку, слово применительно к прослойке людей, ныне монополизировавших у нас политико-управленческую деятельность.

ности» (*immoral familism*). В этом отношении он объединяет в один кластер такие столь разные во многих отношениях общества, как южная Италия и Китай, поскольку в обоих из них люди не склонны доверять никому, кроме членов собственной семьи, что, по его мнению, существенно ограничивает потенциал социального капитала, препятствуя тем самым развитию предпринимательских организаций современного типа. Он отмечает отсутствие в таких обществах «промежуточных» добровольных ассоциаций граждан, являющихся каналом взаимодействия между гражданином и государством [Фукуяма 2004]. В этом смысле Фукуяма, с моей точки зрения, — продолжатель традиции, начало которой положила написанная А. Токвиллем более полутора столетий назад и ставшая классической работа «Демократия в Америке».

Однако существует и иной, так называемый «ревизионистский» подход к проблеме. Не углубляясь в библиографические детали, обозначим его суть: коррупция рассматривается не как патология, а как якобы норма, присущая обществам в период транзита, как неизбежный и даже отчасти положительный механизм для обществ незавершенной модернизации. В этом контексте введено и понятие так называемой «административной ренты» как якобы приемлемого (а то и полезного) механизма регулирования отношений между государственными институтами и бизнесом и, более того, между государством и обществом. В оборот введен даже термин «денежная смазка»[2], что, впрочем, есть всего лишь перефразирование извечного нашего «не подмажешь — не поедешь».

Представляется, что в данном случае мы имеем дело с явной логической подменой сущего должным. Коррупционные отношения тем самым институционализируются как неизбежная и потому якобы нормальная практика. В сущности, **легитимируется один из самых опасных видов преступности**. Его социальная опасность, помимо экономических потерь, обусловлена еще и тем, что преступления совершаются «под щитом и флагом» государства. В этой связи характерна саморазоблачительная проговорка В. Путина, который, рассуждая недавно на телеэкране о коррупции, говорил о ней хотя и с легким осуждением, но с эдакой почти отеческой снисходительной теплотой: дескать, нехорошо, конечно, но такая уж у нас, россиян, «ментальность». Можно легко допустить, что это — неотъемлемый атрибут «ментальности» его круга общения, его, как говорят социальные психологи, «эталонной группы». Однако проекция его на национальный характер, с моей точки зрения, — оскорбительная подтасовка. Ведь в переводе на простой язык его слова означают, что казнокрадство, воровство «государевых слуг» и систематическое ограбление ими подвластного населения якобы лежат в природе русского национального характера. А раз так, то и относиться к этому можно «по-доброму», как к хоть и неприятной, но вполне терпимой особенности. А вслед за ним и клевреты его стали упражняться в том же духе. Так, руководитель путинского избирательного штаба С. Говорухин, как бы отталкиваясь от названия своего фильма времен перестройки «Так жить нельзя», заявил, что с коррупцией «жить можно», что она, дескать, «у всех есть». Но ведь в подобной логике затушевываются почти галактические различия в масштабах коррупции — от первых мест, скажем, североевропейских стран в шкале Transparency International до нашего 154-го ранга в их перечне.

Полагаю, что в определенном смысле *действия коррупционера по своим негативным последствиям даже хуже действий уличного грабителя или налетчика*. Ведь те действуют сами по себе или, максимум, от лица некой банды, преступной группы. *Коррупционер* же так или иначе *использует полномочия, полученные им от государства*, то есть как бы «прикрывается» государством. Тем самым коррупция — прямой удар по престижу, авторитету государства, причем в самых разных смыслах и отношениях. А так называемый **«административный рынок» есть не что иное, как торговля ворованным, незаконно присвоенным благодаря служебному положению**. Отсюда и **коррупция — злоупотребление публичной**

[2] Его ввел С. Хантингтон, причем как раз полемизируя, хотя и с оговорками, с предположением, что коррупция на определенных этапах якобы способствует развитию.

властью ради частной выгоды, ее получение за чужой, общественный, счет. Она — крайне разрушительный для общественной морали вид организованной преступности. А это впрямую связано с центральной в данном случае для нас проблемой политического доверия.

Еще В. Ключевский, рассказывая о созванной Екатериной II в начале ее царствования так называемой «Комиссии Уложения» для выработки нового, соответствовавшего прогрессивным веяниям века Просвещения, законодательства, писал, что первым из стоявших на ее пути препятствий было «закоренелое равнодушие и недоверие, с каким население привыкло встречать правительственный призыв к общественному содействию, зная по опыту, что ничего из этого, кроме новых тягостей и бестолковых распоряжений, не выйдет» [Ключевский 1958: 87]. Разумеется, коррупция, как и многие другие виды девиантного, преступного поведения, увы, часть нашего мира. Она существовала и продолжает существовать. Однако перескок от объяснения ее причин к любому, пусть даже самому частичному, ее оправданию, тем более — с позиций якобы «объективной науки», крайне опасен. Ведь в рамках подобной логики недолго и до оправдания любых преступлений, вплоть до массовых преступлений против человечности — геноцида, депортаций, концентрационных лагерей и т. д.

Практика тоталитарных и авторитарных государств, когда публичные интересы приносились в жертву групповым или эгоистическим интересам властителей и их групп поддержки, заслуженно лишила презумпции безусловного доверия к совершаемым от их лица действиям. Произошедшая во второй половине XX в. **десакрализация государства представляется одним из важнейших «социальных изобретений» человечества последнего времени**. Государство в духе либеральной традиции стремятся поставить на служебное, подчиненное нуждам конкретных людей, место в общей системе социальных отношений. Социально-философский смысл этого процесса — **новая реинкарнация либеральных взглядов на место и роль государства**. Его гегелевская парадигма интеллектуально мертва, хотя это и осознано далеко не всеми и нравится далеко не всем. Постепенно, не без неизбежных издержек и противоречий, формируется новая модель отношений гражданина и государства, госструктур и институтов гражданского общества. Идет поиск под общим лозунгом «Новое государство для нового мира». И в этом контексте проблема доверия/недоверия также — одна из центральных.

Получившая популярность около трех десятилетий назад и во многом, хотя в разной степени, а также не без неизбежных побочных негативных эффектов и даже частичных разочарований, внедренная в практику разных стран идеология «нового государственного управления» (*New public management*) — один из конкретных шагов в этом направлении. И в ее основе во многом лежит именно определенная степень *недоверия* к возможностям традиционной бюрократической модели удовлетворительно отвечать на вызовы сегодняшнего и, тем более, завтрашнего дня, соответствовать меняющимся общественным потребностям.

И здесь мы вновь обращаемся к вопросу об объекте доверия «принципала» (общества) к «агенту», то есть к государству. Иными словами, к вопросу: «кому доверяем?». Но сам вопрос адекватен лишь в рамках современной, «принципало-агентской», а не традиционной «клиентельной» модели, которая получила новую, крайне опасную по своим последствиям, реинкарнацию в посткоммунистической Восточной Европе и особенно в России.

Этот процесс на примере Венгрии и России точно и глубоко, на мой взгляд, описал венгерский ученый А. Шайо: «Для обеих стран было характерно то, что на арене осталась единственная серьезная сила, организующая общество, — могущественное, вездесущее или единосущное государство со своими совершенно некомпетентными и нищенски оплачиваемыми чиновниками, которых революция возвела в ранг должностных лиц. (Во всяком случае, тех из них, кто был неспособен найти себе более доходное занятие, т.е. третьеразрядных чиновников, к которым быстро примкнула первая волна политических протестов.) … Бюрократия, оказавшаяся в ведении государства и политической власти, была той архимедовой точкой опоры, с которой они смогли перевернуть мир в свою пользу, т.е. вывернуть обществен-

ные и частные карманы… Коррупция зачастую служит не повышению доходов или обогащению чиновников и политиков, а выражает стремление оказать таким путем решающее влияние на функционирование политической и экономической системы, причем отнюдь не в духе свободного рынка и конституционной демократии… Испуганно-угодливые еще в 89-90 гг. чиновники сумели удержать свои позиции и, поскольку иного контроля, кроме как со стороны патрона, над ними не было, постепенно обнаглели. Вместе с должностями чиновники сумели сохранить и систему институтов, противостоящую свободной конкуренции и обеспечивающую государственные и частные привилегии и монополию… Антикоррупционные меры останутся пропагандистскими трюками грабящих друг друга элит, пока они не перейдут в руки таких общественных сил, которые действительно заинтересованы в гласности действий правительства и разоблачаемой в результате этой гласности непорядочности» [Шайо 2004: 1-2]. Автор решительно отвергает идею о любой, даже ограниченной полезности коррупции в период транзита, показывая, что кратковременный положительный эффект от перехода собственности в руки «эффективных владельцев» быстро гаснет, а господство новой номенклатуры убивает развитие.

Этот вопрос, к несчастью, весьма актуален для современной российской действительности, причем не только в практическом, но и в научном плане. Дело в том, что некоторые отечественные авторы, очевидно в целях легитимации, апологетики описанной патологической системы не только широко оперируют термином «ресурсного государства», но и обосновывают его как особую, якобы полезную норму отношений государства и общества. В рамках институциональной экономической теории подобная система описывается как модель «стационарного бандита» (М. Олсон) или как «бондинг» (от *bond* — связь), то есть формирование некой группы, внутри которой действуют механизмы определенного доверия и взаимозащиты «своих» людей, включая покрытие незаконных и даже преступных действий (см. [Аузан 2011: 70-71]).

Такая группа может быть и весьма значительной по числу членов, и охватывать людей из формально разных государственных структур, например избирательных комиссий или полиции и судов. Наиболее яркая и свежая иллюстрация — совершение в ходе недавних выборов представителями разных уровней и звеньев власти массовых правонарушений в пользу одной партии и отказ формально независимых судебных органов адекватно реагировать на них. С моей точки зрения, этот феномен более чем уместно рассматривать в категориях организованной под флагом государства преступности, мафиозного захвата или даже перерождения государства. А из анализа Шайо вытекает, как представляется, следующий вывод: после краха властной монополии коммунистических структур и в условиях отсутствия укорененного гражданского общества **номенклатура обладателей государственных должностей стала главной реакционной силой, главным препятствием на пути прогресса.** И это имеет самое непосредственное отношение к рассматриваемой дихотомии доверия/недоверия.

Вообще традиционная модель доверия к власти подвергается последние десятилетия серьезной ревизии даже в демократических странах. **Десакрализация государства** в общественном сознании произошла там, где она существовала, и растет настороженная неприязнь к нему там, где ее не было. Уроки тоталитаризма даром не прошли: **престиж государства существенно понизился.** Об этом свидетельствуют эмпирические данные по многим странам. В некоторых отношениях люди просто перестают доверять государству. Прежние, веками апробированные государственные механизмы становятся все менее адекватными. Поэтому происходит отторжение, «делигитимация» существующей системы отношений между государственной бюрократией и гражданским обществом, стремление к пересмотру классического «общественного договора» между ними. Проявления этого — с одной стороны, социальные и, что существенно, интеллектуальные протесты, с другой — происходящие в ответ на них очень серьезные перемены и в устройстве бюрократии, и в ее отношениях с обществом.

Приведу в этой связи некоторые фрагменты из «провокативного доклада», сделанного еще в 2005 г. и послужившего основой для дискуссий в международном интеллектуальном сообществе «Демос» во время мероприятия с характерным названием — «Форум о будущем систем правления»: «Классовые либо партийные формы аффилиации отмирают, уважение к традиционным формам власти, исходит ли она от парламента или из лаборатории ученого, упало. С 70-х гг. многие страны стали свидетелями фундаментальных изменений в масштабах, сфере и формах действий государства. Многие государства отошли от прямого вовлечения в процесс предоставления услуг и переориентировались на посредничество, координацию и регулирование услуг, предоставляемых другими, — частным и добровольным секторами… Это — радикальная трансформация роли правительств… Каждый день мы читаем о новых скандалах и не вызывающих доверия действиях политиков и чиновников повсюду в мире. Евробарометр показывает, что более трех четвертей американцев и европейцев не доверяют политическим партиям… люди в обществах постмодерна более критичны и требовательны, а уважение к власти определенно снижается… внеэлитные формы политического участия все более распространяются [Skidmore, Bound: 6-7].

Эти процессы идут в разных странах, в очень разных формах, как «сверху», так и «снизу» — в амплитуде от очень умеренных и неохотных реформ в странах континентальной Европы через весьма серьезные «антибюрократические» реформы, предпринятые правительствами англо-саксонских стран, и вплоть до событий «арабской весны» и акций типа «захвати Уолл-стрит». Они начались не вчера, а лет 30 назад, потом произошел некоторый спад, а сейчас нарастает новый подъем. На мой взгляд, истинный масштаб и последствия этого процесса еще в полной мере не осознанны. И это опасно, особенно для России, поскольку и наши государственные институты, и преобладающая часть работающих в них людей явно не способны к адекватной, то есть не консервативно охранительной, а позитивной, способствующей развитию, реакции на его проявления.

Сложившееся у нас **полицейско-чиновничье государство с квазидемократическим фасадом** в его нынешних виде и формах с очевидностью вошло в полосу кризиса и не в состоянии отвечать на вызовы времени. Думается, все это — следствие как заложенного еще в Конституции 1993 г. несовершенства институтов, допускающих возможность властного авторитаризма, так и воплощения этой возможности в реальность, причем в худших формах, руками персон, оказавшихся в 2000-е гг. у рычагов власти.

Разумеется, реформа институтов чрезвычайно важна. И каждый год отсрочки с ее проведением станет порождать все новые отрицательные эффекты. И выход из этого «порочного круга» будет стоить обществу, то есть всем нам, все дороже и дороже. Да и до критической «красной линии», за которой нас ждут лишь разные катастрофические сценарии, на мой взгляд, не столь уж далеко. Однако это условие необходимое, но недостаточное. Институты решают не все. Они — артефакты. А действуют люди. И даже хорошие институты, оказавшись в распоряжении людей с разложившейся моралью, с деформированной шкалой моральных ценностей, либо бездействуют, либо действуют избирательно, «по понятиям», обслуживая далекие от общественных нужд групповые и даже личные интересы и тем самым становятся контрпродуктивными. Простейший пример: без корпуса честных судей — совсем не героев, а просто честных перед собой и своей профессией людей — никакая реформа судебной системы не совладает с нашим «шемякиным правосудием». И тут не обойтись без обращения к мотивам, по которым люди совершают те или иные поступки.

Еще Д. Юм в «Трактате о человеческой природе» писал, что поступками людей управляют три основных мотива: *интересы, привязанности и принципы*. В реальности и тем более в субъективном мире человеческого сознания, они чаще всего переплетаются, и в конечном итоге срабатывает некая их комбинация. Однако при этом не существует их жесткой иерархии, как полагают и говорят сторонники безусловного господства эгоизма как главного мотиватора. Да, эгоизм — мотив мощный и во многих случаях решающий. Во многих, но далеко

не во всех. Порой — и не столь уже редко — он уступает место принципам или, иными словами, *совести* человека. Как пишет один из ведущих современных либеральных аналитиков проблематики «человек–государство» Ч. Кукатас, «при анализе человеческого поведения совесть становится не менее важна, чем личные интересы, и отнюдь не из-за того, что люди всегда подчиняются диктату совести, забывая о личных интересах. Все дело только в том, что *время от времени* (курсив мой. — *А.О.*) совесть оказывается сильнее личных интересов. Юм понимал это, когда отмечал поразительную непримиримость религиозных конфликтов» [Кукатас 2011: 94]. А то, что мы редко можем наблюдать приоритет принципов над интересами в нашей государственной машине, на мой взгляд, — следствие не какой-то якобы неизбывной «порочности» человеческой натуры или «российской ментальности», а целенаправленной негативной селекции людей, туда попадающих, их «понижающего отбора». Это заставляет вновь обратиться к главному предмету наших тревог — к людям, составляющим отечественный государственный аппарат.

Наблюдающуюся в современном мире различную по формам проявления и интенсивности, но единую по своей базовой сути тенденцию падения престижа государственных институтов и роста недоверия к представляющим их персонам некоторые даже называют «административной», «постбюрократической», «менеджериальной» революцией. На мой взгляд, это — риторическое преувеличение. Однако глубину и характер уже произошедших и, тем более, возможных в недалеком будущем перемен нельзя и недооценивать. Происходит весьма серьезный по масштабам и последствиям сдвиг в самих основах отношений между гражданами и государством. И толчком к нему далеко не в последнюю очередь послужило именно **недоверие** общества в лице его интеллектуально продвинутых сегментов к власти в ее традиционных формах.

Впрочем, это совсем не новое явление. Вспомним, что американская «Декларация независимости» есть не что иное, как прекрасно сформулированное **обоснование права граждан на отказ в доверии** «дурно ведущей себя» **власти.** И эта, как они любят говорить, «великая американская традиция недоверия к правительству» стала, да и воспроизводится в цепи поколений, одной из основ реализации «американской мечты». В 80-е гг. XX в. американский философ Э. Эбби писал: «Настоящий патриот всегда должен быть готов защитить свою страну от своего правительства» [цит. по: Esquire 2008: 118]. Например, в 1939 г. Конгресс США принял до сих пор действующий так называемый Закон Хэтча, запрещающий государственным служащим участвовать в любом качестве в избирательных кампаниях, а также использовать служебное положение для действий в пользу какой-либо политической партии. В основе его лежали антитоталитарные по своей природе опасения, что политически ангажированные чиновники могут использовать свое служебное положение для создания сращенной с государством политической машины, а также стремление запретить использование публичного статуса в частных или групповых политических целях. В сущности, смысл этого закона — прямой запрет на использование почти тотально распространившегося у нас «административного ресурса», трактуемого, таким образом, как прямое преступление. (Кстати, и в российском законодательстве — Уголовном кодексе и Законе о государственной гражданской службе — есть похожие запреты. Но они, как мы все знаем, игнорируются — открыто и беззастенчиво.) Не следует думать, что этот взгляд и подход — атрибуты американской «уникальности». Шотландский писатель Н. Дуглас еще в XIX в. писал: «Недоверие к власти должно быть первейшим гражданским долгом» [цит. по: Esquire 2008: 116].

Государства, наиболее чувствительные в социально-политическом плане, прежде всего англосаксонские, но не только они, сделали из этого достаточно серьезные, продиктованные прагматизмом, организационные выводы. Многие из связанных с этим механизмов я описал в различных публикациях [в частности: Оболонский 2011а; Оболонский 2011б; Бюрократия… 2012]. В рамках данной статьи я затрагиваю лишь один из них: тот, что непосредственно связан с ее темой и практическими мерами, которые должны стать следствием

осознания факта общественного недоверия к носителям власти, прежде всего к корпусу чиновников.

Имеется в виду опыт английской Комиссии по гражданской службе. В настоящее время этот весьма необычный и по принципу формирования, и по функциям, и по форме функционирования орган является, может быть, самым показательным символом кардинальных перемен в основах подхода к кадровой политике на гражданской службе в нынешние времена «постбюрократической революции». Это ведомство, недавно отметившее 150-летие своего существования, вплоть до конца 1990-х гг. было довольно обычным ведомством «по кадрам». Однако теперь ситуация принципиально иная. Комиссия состоит из 11 «комиссионеров», назначаемых на пятилетний срок, на основе частичной занятости (совместительства) и, что кардинально важно, главным образом, *не из числа государственных служащих, а извне, из числа авторитетных людей, обладающих опытом работы на заметных публичных должностях в общественном и частном секторах*.

Концепция такого подбора — **передача функции формирования корпуса чиновников под контроль и в руки не профессиональных аппаратчиков, а тех, кто имеют с ними дело с другой стороны, — со стороны общества, будучи потребителем предоставляемых ими услуг.** Стоит привести несколько выдержек из программного документа Комиссии: «Комиссионеры осуществляют контроль над назначениями на гражданской службе и соблюдением при этом стандартов… Ключевые ценности — честность, порядочность, объективность, беспристрастность и отбор на основе заслуг и достоинств… Мы — рядовые граждане, представители обычного населения. Мы принесли с собой наш различный опыт и интересы, которые мы приобрели, работая в государственном, частном и общественном секторах. Это, по нашему мнению, дает нам понимание того, как гражданская служба может лучше служить народу и заработать его доверие… Наше коллективное знание хорошей практики, существующей за пределами гражданской службы, представляет в этом отношении особую ценность» [Supporting… 2005-2006: 7]. Комиссия — независимое агентство, в круг полномочий которого входит:

- окончательное рассмотрение и утверждение на основе принципов «мерит систем» кандидатур примерно на 600 должностей, входящих в перечень старших гражданских служащих (они подразделяются на 4 градации);
- издание и доведение до общего сведения Кодекса найма служащих, регулирующего соответствующие процедуры на всех уровнях службы;
- контроль за его соблюдением непосредственными нанимателями;
- распространение примеров положительной практики найма;
- рассмотрение в качестве высшей инстанции жалоб на нарушение Кодекса.

Она имеет относительно небольшой штат сотрудников, действующих при этом весьма эффективно. На заседаниях, где решается вопрос о назначении на должности старших служащих, председательствует один из членов Комиссии; в нем также участвуют постоянный секретарь соответствующего министерства (агентства) и сотрудник его кадровой службы. В ходе заседания возможно проведение собеседования с каждым из претендентов. Найм на все прочие должности, за исключением 600 высших, осуществляют кадровые службы самих учреждений. Но Комиссия осуществляет по отношению к ним функцию мониторинга их деятельности по кадровым назначениям. Исключение из открытого конкурса составляют временные назначения на срок до 12 месяцев, а также в некоторых случаях должностные перемещения служащих. Все это достаточно детально прописано в Кодексе найма.

Главный смысл данного опыта — реальное, а в некоторых отношениях и решающее, участие представителей гражданского общества в найме чиновников на государственную службу. Еще раз подчеркну: **общество само нанимает чиновников себе на службу.** На мой

взгляд, это почти беспрецедентный прорыв к модели государства будущего, к «постбюрократическому» обществу.

Описывая этот опыт, говоря о его «прорывном» характере и перспективах его применения в России, порой сталкиваешься с недоверчивым скептицизмом, сводящимся, впрочем, к неверию в возможность набрать в наших условиях персонал для таких комиссий — людей честных, компетентных, с чувством социальной ответственности. Однако я не столь пессимистичен относительно человеческих качеств современных россиян. Более того, я полагаю, что именно эта часть зарубежного опыта для нас жизненно важна. Что может быть лучше для столь необходимых и, надеюсь, неизбежно предстоящих в недалеком будущем серьезных кадровых перемен в наших коррумпированных и неэффективных государственных структурах? К тому же есть еще одно дополнительное обстоятельство.

Пожизненная административная карьера не отвечает объективным потребностям мира XXI в. Персонал на разных этажах управления и власти должен периодически и регулярно меняться, обновляться. В эти органы должны приходить люди из других секторов рынка труда, получившие иной опыт. А сейчас, кроме этого, необходима и достаточно серьезная разовая их чистка, в чем-то даже сродни люстрации. Таким образом, создание у нас чего-то подобного английским комиссиям позволило бы решить две задачи — и одноразовую тактическую, то есть очищения аппарата государства от недостойных людей, и долговременную стратегическую, создания фильтра, препятствующего проникновению туда подобных людей в будущем.

Мы в России столкнулись за последние 20 лет с феноменом обманутого доверия, за которым стоит ряд факторов и конкретных обстоятельств. Сначала, в конце 1980 — начале 1990-х, произошла неизбежная в подобные моменты истории «революция завышенных ожиданий». В общественном сознании едва ли не доминировали представления, что достаточно демонтировать обанкротившуюся во всех отношениях (идеологически, экономически и политически) советскую систему, ввести в политику демократические процедуры и «все будет хорошо». Однако пришедшая на смену достаточно суровая реальность погасила эту эйфорию. Вторым фактором стало произошедшее буквально в один момент гигантское имущественное расслоение общества, причем механизм фантастического мгновенного обогащения немногих на фоне падения и без того невысокого жизненного уровня большинства сограждан воспринимался как явно несправедливый.

Третьим послужила очевидная эрозия государственных институтов, особенно их неспособность сколько-нибудь эффективно защищать жизнь и собственность людей. Далее, вместо ожидавшейся демократизации государства произошло резкое падение его эффективности в целом ряде жизненно важных для «простых людей» областей. Героические и в целом успешные усилия правительства Ельцина-Гайдара по спасению страны от реальной экономической и политической катастрофы, позволившие отойти от края вполне реальной пропасти, на таком фоне не были оценены обществом по заслугам. К тому же у рычагов управления постепенно оказывалось все больше людей, мягко выражаясь, сомнительных моральных качеств. В ситуации «Клондайка», то есть беспрецедентного по своим масштабам перераспределения богатств и при крайне ослабленном правовом регулировании связанных с этим процессов, работал упомянутый выше «понижающий отбор», *негативная селекция кадров управленцев*. В 2000-е гг. вообще произошло *криминальное перерождение государственных структур*, которое многие не без оснований называют мафизацией государства.

Гигантский рост самых разных и изощренных видов коррупции — лишь один из ее симптомов. Другой, не менее страшный по своим последствиям, — разочарование в демократии. Впрочем, перечень как негативных факторов, так и отражающих их симптомов, можно продолжать достаточно долго, по-разному их классифицируя, группируя и ранжируя, по-разному выстраивая и обосновывая причинно-следственные связи между ними. Это отдельная исследовательская и, полагаю, не самая важная в данный момент задача. Для нашего нынеш-

него сюжета существен сам факт наступившего *социального разочарования* и, как следствие, утраты доверия к тому слою и к тем персонажам, что без доли самоиронии и просто здравой самооценки именовали себя властью и даже «элитой». 2000-е гг. — эра восторжествовавшего социального цинизма «верхов» и естественной ответной реакции — политического недоверия к ним «низов». И, возможно, классическая категория «отчуждение» даже не полностью отражает всю степень, всю глубину произошедшего в эти годы разрыва между людьми и государством.

Однако нет худа без добра. Постепенно стало формироваться то, что Ф. фон Хайек в своей «Дороге к рабству» назвал «здоровым либеральным презрением к власти» [Хайек 1992]. И позитивная роль недоверия к власти не сводится только к лишению мандата доверия конкретных ее носителей. Не менее важно и перспективно, что недоверие имеет тенденцию распространяться и в целом на систему, вознесшую далеко не лучших людей и притом не позволяющую эффективно их контролировать, ограничивать их аппетиты и злоупотребления, смещать их. Не просто лишаются легитимности конкретные персоны, а размывается сам авторитарный синдром, то, что М. Урнов удачно, на мой взгляд, охарактеризовал как «индивидуалистический патернализм и опасные химеры переходных обществ… сочетание крайних форм индивидуализма с не менее крайними патерналистскими ожиданиями от государства» [Урнов 2011: 15]. Одним из важных интеллектуальных последствий этой делигитимации авторитаризма как вида государственнической идеологии стало осознание опасности, исходящей от самой системы «персоналистской власти» (термин введен М. Красновым), что, в частности, нашло отражение в разработанном группой под его руководством проекте новой Конституции России.

К сожалению, разрушение патерналистских, да и других традиционалистских установок в массовом сознании — процесс не быстрый, идущий неравномерно, с попятными движениями, а также распространяющийся не на всех субъектов патерналистской системы. Так, фигуру Путина — главного ее современного воплощения в России — он пока лишил доверия в наименьшей степени. И дело даже не только в его добровольных и недобровольных сторонниках, в кавычках и без. Ведь даже многие из тех, кто не приемлют его персону, задают якобы не имеющий на сегодня ответа вопрос: «А кто вместо него?». То есть и многие противники лично Путина мыслят в рамках все тех же патерналистских, подданнических представлений. В этом смысле они, увы, не переросли уровня механика Звягина из рассказа В. Шукшина, который, слушая, как сын заучивает наизусть знаменитую «Русь-тройку» из гоголевских «Мертвых душ», вдруг задался простым вопросом: «А кого Русь везет? Кто в тройке-то? Чичиков? Мошенник, шулер, прохиндей! И это ему все дорогу уступают?!» [Шукшин 1985: 219]. Хуже того, к нашему «чичикову» в тройке этот вопрос почему-то пока обращен в наименьшей степени. А больше почему-то к его кучерам — «едросовским селифанам».

К счастью, ситуация меняется. Рубеж 2011-2012 гг. показал, что общество взрослеет, избавляется от подданническо-патерналистских иллюзий, по крайней мере в своей продвинутой, рефлексирующей части. И пусть пока эти люди пребывают в арифметическом и, следовательно, электоральном меньшинстве. Время работает именно на них, на «белые ленты», а не на их оппонентов, которым, по знаменательной проговорке пропутинских митингов, «есть что терять». Замечу, что эти потери имеют различный масштаб и характер — от неправедно нажитых состояний, от близости к потокам перетекания бюджетных денег, от удобного места в системе коррупционных отношений, от небезвыгодных ролей ученых приказчиков, придворных псалмопевцев и проплачиваемых профессиональных обличителей назначаемых «супостатов» — и до унизительной зависимости от дотационных и иных бюджетных подачек, которыми подкармливают, например, учителей, а также работников заведомо убыточных и потому не нужных никому, кроме их работников, предприятий. Дабы не впадать в «грех обличительства» и не уходить от основной темы статьи, ограничусь напоминанием известной

мысли: тот, кто, выбирая между свободой и благополучием, отдает предпочтение благополучию, в итоге не получает ни того, ни другого.

И последнее. **Недоверие к носителям власти** разных уровней совсем не эквивалентно так называемому «голому отрицанию». Оно **содержит огромный позитивный, конструктивный потенциал.** Сегодня его квинтэссенция — стремление к выработке новой, сетевой, преимущественно горизонтальной системы отношений в обществе, между людьми и их объединениями. В этой системе государство, разумеется, сохраняется, но роль и место его становятся более ограниченными. Словом, идет поиск «нового государства для нового мира».

Полагаю, по отношению к этому новому государству, лишь контуры которого сейчас мы можем скорее даже угадывать, чем наблюдать, **доверие возродится, но уже на принципиально иной основе.** И помогут нам в этом, как мне кажется и хочется верить, во-первых, взаимопомощь, которую П. Кропоткин считал одним из главных факторов эволюции, и, во-вторых, доля здорового идеализма, который С. Ковалев охарактеризовал как отнюдь не беспочвенную прекраснодушную мечтательность, а как вещь вполне практическую [Ковалев 1999], позволяющую вырваться наконец из дурной бесконечности «дня сурка» — тупиков геополитического и патерналистского ложного сознания.

Аузан А. 2011. *Институциональная экономика для чайников*. — М.

Бюрократия… 2012. Бюрократия как проблема. «Круглый стол» ученых. — *Общественные науки и современность*. — № 4.

Ключевский В.О. 1958. *Курс русской истории. В 8 т.* Т. 5. — М.

Ковалев С. 1999. *Прагматика политического идеализма*. — М.

Кукатас Ч. 2011. *Либеральный архипелаг. Теория разнообразия и свободы*. — М.

Оболонский А.В. 2011а. *Кризис бюрократического государства. Международный опыт и российские реалии*. — М.

Оболонский А.В. 2011б. На пути к новой модели бюрократии. За мной Россия. Статья 1. Страны разные – вектор общий. — *Общественные науки и современность*. — № 5.

Урнов М. 2011. Роль культуры в демократическом транзите. — *Общественные науки и современность*. — № 6.

Фукуяма Ф. 2004. *Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию*. — М.

Хайек Ф.А. фон. 1992. *Дорога к рабству*. — М.

Шайо А. 2004. *Система клиентуры и коррупция в посткоммунистическом правовом государстве*. Материал был подготовлен для Центра конституционных исследований МОНФ (Московского объединенного научного фонда). — М.

Шукшин В. 1985. *«Забуксовал». Рассказы*. — М.

Esquire. 2008. January .

Skidmore P., Bound K. 2005. *Governance as Jazz: Meeting the Adaptive Challenge. A Paper Produced in Advance of the British Council*. — Demos Governance Forum to be Held in London in March 17–18.

Supporting… 2005–2006. Supporting an Effective and Impartial Civil Service. — *Civil Service Commissioners Annual Report*.

Дискуссии и обсуждения

«ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТОЛОГИЯ: ЖУРНАЛ МЕТАДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ» В ИНФОРМАЦИОННОМ И НАУЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА И СТРАНЫ

Стенограмма круглого стола 5 июля 2012 г., Ростов-на-Дону Донская государственная публичная библиотека

Аннотация: *Стенограмма круглого стола «„Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований“ в информационном и научном пространстве региона и страны, проходившего в г. Ростов-на-Дону 5 июля 2012 г.*

Ключевые слова: *политическая концептология, метадисциплинарные исследования, научная периодика, круглый стол.*

Участники:

Козерь В., учитель истории средней школы г. Ростова-на-Дону

Лубский А.В., доктор философских наук, профессор (Ростов-на-Дону, ЮФУ)

Макаренко В.П., доктор философских наук, доктор политических наук, профессор (Ростов-на-Дону, ЮФУ)

Понеделков В.В., доктор политических наук, профессор (Ростов-на-Дону, Южно-Российский институт-филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы)

Порус В.Н., доктор философских наук, профессор (Москва, НИУ-ВШЭ)

Шкуратов В.А., доктор философских наук, профессор (Ростов-на-Дону, ЮФУ)

Научные сотрудники, преподаватели, аспиранты, студенты Южного федерального университета и других вузов, общественность Ростова-на-Дону

В.П. Макаренко: Центр политической концептологии Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем ЮФУ, кафедра теоретической и прикладной политологии ЮФУ, Донская государственная публичная библиотека, Донское философское общество, Российская ассоциация политической науки, клуб Интеллектуальный Ростов проводят Пятую летнюю школу политических наук «Политическая концептология: теоретико-методологические основания и институционально-символические аспекты социальных наук». Ведущий эксперт заседания Владимир Натанович Порус — доктор философских наук, профессор, за-

ведующий кафедрой онтологии, логики и теории познания факультета философии Научно-исследовательского университета — Высшая школа экономики (Москва). Вчера с ним мы провели передачу по каналу Россия-24.Дон[1].

Профессор Понеделков просил выступить первым. Прошу, Александр Васильевич!

А.В. Понеделков: От имени всех политологов и социологов России, от имени нашего сообщества приветствую саму идею проведения семинаров и круглых столов под эгидой Центра политической концептологии. Мне представляется исключительно важным провести круглый стол по теме о лучшем журнале на юге России. Кому-то может показаться странным предложенный к обсуждению вопрос. Но мы с вами прекрасно знаем и помним, что любая мысль поначалу воспринимается как ересь, затем она превращается в догму, и даже в руководство к действию. Конечно, в этом деле следует, прежде всего, отметить фигуру профессора Макаренко, нашего вдохновителя и инициатора всего процесса и многих побед.

В.П. Макаренко: Это уже как будто Сталин заговорил из гроба…

А.В. Понеделков: Это как раз тот случай, когда уместно вспомнить: личности не менее, чем законы и принципы, двигают историю. Виктор Павлович это действительно делает. Готовясь к выступлению, я ещё раз посмотрел содержание и тематику журнала за минувший год. Содержание впечатляет: остро, спорно, доказательно, научно и политически обосновано. Журнал и его авторы действительно актуальны во всех смыслах, включая их концептуальные и теоретические разработки. Хочу назвать запомнившиеся мне позиции. Во-первых, создаётся новый, он же «старый», язык науки. Во-вторых, плоскость обсуждения ставится категория «духовности» как фундаментальная основа социального действия. В-третьих, исследуются тенденции мирового значения. В-четвертых, подробно и масштабно исследуется персоналистический режим, складывающийся в стране.

Одним словом, журнал и его авторы, его патрон и организаторы заслуживают искренних похвал. Что я с удовольствием и делаю. А дальше мне хотелось бы поговорить о консолидации наших научных и организационных усилий. Чтобы у нас не было разных школ, а то мы бьём в разные точки. Хотя и работаем в одном направлении. Я как исследователь, принадлежащий к системе государственных служб, хотел бы видеть большую практическую целесообразность в вашем исследовательском поле: по проблемам современной бюрократии, по анализу политического процесса, взаимодействия гражданского общества и государства, выработке стратегических направлений в деле национальной безопасности. По последнему направлению вы участвовали. Наше научное политологическое сообщество, существующее в рамках ростовских политологических школ, издало в 2011-12 гг. два фундаментальных тома (С.А. Кислицын). Я принёс программу, прошу поинтересоваться. Также хотелось бы обратить внимание на научно-политический журнал номер 3 — социология власти. Здесь как раз дано высокое и мощное теоретическое обоснование политической практике. Здесь мы опубликовали статью по элитам. С Андреем Валентиновичем Лысенко, который ушёл из жизни. Царство ему небесное. Я думаю, надо больше обобщать политическую практику. Требуется концептологическое, вспоминая термин профессора Макаренко, обоснование взаимодействия общества и государства, задающих условия отношений психологических, этических, инновационных, создаваемых самой логикой этого взаимодействия. Нас в этом процессе интересует всё. И среда, в которой осуществляется взаимодействие, и инструменты, и механизмы этого взаимодействия, а также ценности культурные, духовные, о чём я говорил, материальные и другие. Полагаю, что на этом поле лежит решение вопроса сугубо научного свойства в части создания мировоззренческой научной платформы, на которой мы будем чувствовать себя не разобщёнными, разведёнными по свои «грядкам» научным, в общем сплочённом строю. Еще более стратегически важным мне представляется наше совместное усилие, подведённое под один общий знаменатель. Противоборство в системе и выработка рекомендаций стратегий

[1] См.: http://www.youtube.com/watch?v=DWqpYZHaOaI. — Проверено: 14.10.2013 г.

национальной безопасности. Здесь в одну точку сходятся интересы всех, каждой отдельной личности, общества, всех государственных и общественных институтов. Мне представляется исключительно важным работа в направлении создания эффективных инструментов предотвращения подрыва госбезопасности страны, также определение места и роли России в этом вопросе. Уж кому-кому, а нам с вами, жителям южного региона, не надо объяснять, что наш регион является весьма конфликтогенным в масштабах страны и мира. Хотим мы того или нет, но вопросы терроризма, экстремизма, конфликтов и т. д. … Стратегия национальной безопасности ориентирует всех нас — государственные и общественные структуры, семью и учебные заведения, — на формирование личности общества и государства безопасного типа. Уверен, что ваш журнал не обойдёт в будущем эту проблематику. Более того, в дискуссии, назначенной назавтра, все эти вопросы найдут достойное внимание и освещение. Этим я хочу закончить, поблагодарить за приглашение и сотрудничать.

В.П. Макаренко: Основные темы моего доклада: личная и теоретическая предыстория журнала; история создания журнала; опыт трёхлетней работы; оценки и проблемы журнала. Это будет часа на полтора, пока все не заснут. Естественно, я этим заниматься не буду. Вначале представлю нашу редакционную коллегию, возможно, о ней не все знают. Журнал наш выходит с 2009 года. Главным редактором являюсь я. Все мои титулы перечислены. В настоящее время журнал вывешен на сайтах Южного федерального университета, Института научной информации по общественным наукам РАН (в рубриках «Россия: ключевые проблемы и решения»), Электронной библиотеки РИНЦ и т.д. Каждый может зайти на эти сайты, набрать «Политическая концептология» и всё прочесть. Моим заместителем является Сергей Петрович Поцелуев. Сейчас он проходит стажировку в университете Нотр-Дам в Чикаго. Ответственным редактором является доцент, кандидат политических наук Михаил Сергеевич Константинов, который сейчас присутствует на учёном совете факультета социологии и политологии ЮФУ. Затем разрешите представить председателя редакционного совета журнала, доктора философских наук, кандидата исторических наук, профессора Анатолия Владимировича Лубского. Я с большим удовольствием скажу, что он недавно получил премию за что-то выдающееся в области социологии. Толик, скажи, за что?

А.В. Лубский: Медаль РАН имени Питирима Сорокина.

В.П. Макаренко: Во! Как писал в этом случае Шолом-Алейхем, «и Гапка люди, и Юхим человек». Это прецедент. Для нашего провинциального Ростова-на-Дону (несмотря на то, что он уже давно милионник, и даже «город боевой славы») это чрезвычайно важно. Медаль Российской академии наук имени Питирима Сорокина. Пусть каждый придет домой, перечтет биографию великого социолога, и поставит перед собой вопрос: «Занимался ли я выработкой характера так, как делал это Сорокин?» Сейчас находится на пути в Ростов из Волгограда член нашего редакционного совета, доктор политических наук Алексей Иванович Бардаков. У нас журнал полипроблемный, многообразный. В состав его редколлегии входят многие известные экономисты, юристы, философы, социологи, политологи из России, Украины, Польши.

Разрешите приступить к докладу. Называется он «Политическая концептология — новое направление социогуманитарных исследований». Теоретическое предисловие, личную предысторию я оставлю на потом, хотя для журналистских целей и для широкой публики эта информация может быть даже более интересной, чем теоретическое предисловие.

Впервые идея политической концептологии или политической метатеории была высказана мной в 1995 году на международной конференции, посвящённой столетнему юбилею Львовско-варшавской школы. Затем изложена в первых публикациях 1996-го года. Однако, примерно лет за восемь до этих событий я высказывал идею политической концептологии своему аспиранту, не буду называть его фамилию. Я первоначально называл эту идею «логика политических концепций» и советовал ему ее развивать. Однако по мере изменений в его семейном статусе, а также социальных трансформаций страны после 1990 года, он ушёл из

науки. Сказал мне: Прошу прощения, Виктор Павлович, надо кормить семью. Жена меня не пускает на научные собрания, ругается... Поэтому вынужден был реализовывать эту идею я. И я её реализую, а как — это уже предмет обсуждения. Вначале я думал создать политическую концептологию, для обобщения своих предшествующих исследований: бюрократии, оппозиции, истории и теории марксизма и легитимности. Но в ходе реализации замысла оказалось, что политическая концептология не исчерпывается интеграцией перечисленных сфер исследования и не помещается в рамки канонической политической науки. Поворотную роль в формулировке такого убеждения сыграло изучение аналитической философии. И я здесь впервые сошлюсь на присутствующего здесь Владимира Натановича Поруса. В 1988 году, если не ошибаюсь, в журнале «Вопросы философии» был проведён круглый стол по аналитической философии. Профессор Порус — один из первых в России специалистов, который развивает это направление исследований. Но после нашего уже более близкого знакомства выяснилось, что он принадлежит уже к расстриге в аналитическом смысле слова. Как сказал он мне в прошлом году, тема ему немножко поднадоела. А я являюсь адептом, недавно пришёл в эту сферу, поэтому здесь тоже возможен какой-то продуктивный обмен мнениями. Обращаю внимание, что аналитическая традиция, традиция аналитической философии, в истории интеллектуальной культуры России представлена слабо. И до 1917-го года, и после него. Это может быть предметом особого разговора. И вот ни много ни мало задача состоит в создании интеллектуальной культурной традиции, и политической концептологии как одной из частей этой интеллектуальной традиции. Применение аналитической философии к изучению социополитических феноменов в социогуманитарном знании началось недавно. В аналитических дисциплинах последних лет, особенно в России, на первый план начала выходить политическая философия. Сошлюсь здесь на свою книжку 20-летней давности — учебное пособие «Политическая философия». Эта книжка была тогда издана с помощью и участием Анатолия Владимировича Лубского. Ещё существовало издательство «Логос». Книга тоже заслуживает критического отношения, но как веха может быть упомянута. Мои штудии пересекаются с проблемой использования аналитической философии для анализа отечественной реальности. Применение философских методов для анализа конкретных проблем всегда меня интересовало больше философии как таковой. И больше общих глобальных схем, тем более холистических. В 1995-ом году я получил грант Российского гуманитарного научного фонда по теме: «Метатеория политической реальности». И до 2000 года написал ряд книг и статей, посвящённых анализу теоретико-социологических и социополитических проблем русской власти, политической философии, концепции интересов во взаимосвязи с деятельностью правительства, главных идеологий современности, толерантности, фундаментализму, методологии кавказоведения.

Теперь сформулирую рабочее определение. Политическая концептология — это междисциплинарный подход к исследованию, пониманию и моделированию политической реальности в её взаимосвязи со всеми сферами социально-интегрированной реальности. В философии науки существуют разные концепции междисциплинарности, анализа и понимания. Для конституирования политической концептологии главной является процедура методологического выбора, который постоянно переплетён с моральным и политическим выбором. Это очень острая и интересная проблема, и ей можно посвятить всю жизнь. Этот выбор предполагает дистанцирование от реальных политических процессов, систем, конъюнктур и всего корпуса социогуманитарных и политологических знаний. Необходимость дистанции определяется тем, что эти феномены являются вариантами традиционализма, экономикоцентризма, кратоцентризма, идеократии в региональном, национальном, государственном, цивилизационном, мировом измерении. Если взять историю России до советского периода, то можно найти много примеров того, как взаимодействие между гуманитарными науками и обществом, и государством в особенности, постоянно деформировалось воздействиями со стороны властвующих и экономических структур. История философской, гуманитарной, соци-

ально-политической мысли XX века после 1917-го года в нашей стране даёт громадное количество примеров, как истина и наука терпит возмущающее бремя со стороны властвующих структур. В этом смысле она является показательным примером того, как наука существует в окружении власти. И после 1991-го года рыночные механизмы используются в нашей стране для того, чтобы воспроизвести модель отношений, которая сложилась до 1991-го между государством и наукой, наукой и властью. Это особая проблема, она может быть предметом особого анализа. Такова только одна из конкретизаций о необходимости дистанции. Она же относится ко всему корпусу ныне существующих политологических знаний, комплексу пространственно-временных властно-ситуационных и институциональных модификаций, обыденных стереотипов поведения, экономического и политикоправового утилитаризма и прагматизма. Вот эти модификации отражены в системах международного права, конституционного права, обычного права, принципах государственного управления. Однако различие религиозных идеологий, систем права и функционирования аппарата власти не преодолено ни в одном государстве современного мира, поэтому комплекс нормативно-оценочных систем можно рассматривать как множество разновидностей повседневного, административного, юридического, политического нормативизма. Проблема состоит в разработке методологии и анализа указанного различия.

Следующая проблема — проблема фактуальности вообще и политической фактуальности в частности. Любая нормативно-оценочная система не является политическим фактом. Потому что реальная политика — это политика с позиции силы, в бисмарковском смысле. Сегодня реализм в политике и международных отношениях существует как один из трендов, который нуждается в анализе. В Санкт-Петербурге целая школа складывается. Я имею в виду работы Вадима Волкова. Реальная политика всегда связана с иной фактуальностью, технологическими схемами, пониманием разума, воли, интересом, чем это предполагается философско-политическими доктринами, концепциями, проектами. Институты политических экспертов и советников более-менее пристегнуты к коньюнктуре, поэтому политики и эксперты не могут считаться субъектами адекватного познания реальности. Едва я произнёс слово адекватность, — мы попадаем в проблему истины. Здесь даже конкурирующих концепций истины можно насчитать три. Я имею в виду аристотелевскую концепцию, гегелевско-марксову концепцию и концепцию Лукасевича. Владимир Натанович, я не ошибся.

В.Н. Порус: Можно и так сказать.

В.П. Макаренко: Рациональность любых политических действий и решений всегда сомнительна или дискуссионна. Это относится к целерациональному и субстанциональному пониманию рациональности. Я имею в виду популярные ныне в России концепции Макса Вебера, Карла Мангейма, теоретиков индустриального, постиндустриального, сетевого и прочего общества в теории и на практике. Отсюда возникает ещё одна проблема. Если целерациональное и субстанциональное понимание рациональности не годится для описания политики, то как определить меру рациональности политических решений и действий? Один из распространённых способов — это ссылка на интересы как конституирующий феномен социополитической реальности. Однако реализация интересов всегда ведёт к неожиданным последствиям и порождает «замкнутый круг идеологий». По этой теме существует целая теория, одним из творцов которой является Альберт Хиршман. Переводы которого в 2000-е гг. я публиковал в журнале «Социс». О казусах публикации я рассказал в журнале «Экономический вестник» ЮФУ. Понятие «замкнутого круга идеологий» принадлежит Альберту Хиршману. Моя задача состоит не только в пересказе уже существующих концепций, но и в формулировке вывода: ни одно государство не смогло преодолеть неожиданных последствий замкнутого круга идеологий. На другом уровне Мишель Крозье создал концепт «замкнутого круга ошибок» в процессе анализа властно-управленческих аппаратов Франции и других европейских стран.

Другой способ — классификация групповых интересов данного общества по степени политической выраженности, легальности и легитимности. Однако легальность и легитимность не совпадают ни в одном государстве. Кроме того, наиболее значимые решения никогда не принимаются публично. Этому способствуют институциональные и неинституциональные формы политического процесса. Традиционные понятие государственной и административной тайн тоже существуют, но их модификация пока образует предмет монополии. Какое это оказывает влияние на естественные и социальные науки, на философию? — особая проблема. Нельзя также упускать из виду меру репрессивности культуры, общества, морали в отношении политического выражения любых социальных интересов. Следовательно, конфликт, антагонизм, противоречие между рациональностью и действительными мотивами и целями участников политических процессов типичен для всех государств. А для аналитической философии проблема рациональности является ключевой. На мой взгляд, этот конфликт не может быть адекватно отражён ни религиозными идеологиями (иудаизм, христианство, ислам), ни светскими классическими идеологиями (либерализм, консерватизм, социализм) и романтическими идеологиями (анархосвободомыслие, фашизм и традиционализм). Такую типологию предлагает Норберто Боббио. В двадцатом веке к этим идеологиям прибавились национализм, регионализм, коммунитаризм, феминизм, экологизм, этноцентризм, атлантизм, евразийство. Понятие идеологических гибридов я также считаю конституирующим при анализе политической реальности. Эти гибриды существуют сегодня в мире и в России в самых причудливых комбинациях, начиная от деятельности какого-нибудь управдома и заканчивая уровнем государственного управления. Их связь с цивилизационными и геополитическими концепциями в каждом конкретном решении не изучена. Что касается государственного управления — недавно попала мне в руки книжка В.Якунина, В.Багдасаряна, С.Сулакшина «Западня». Видимо, авторы специально издали ее таким шрифтом, что без лупы не обойдешься.

Скажу еще немножко о теоретических предпосылках политической концептологии. В последнее десятилетие она используется для анализа общих проблем социолингвистики, культуролингвистики, рефлексии о будущем социальных наук. Аналитические дисциплины сформулировали ряд конкретных проблем, категорий, понятий и принципов анализа философских, экономических, социологических, политологических и историографических аспектов политического бытия и мышления. Выводы аналитических дисциплин можно применять для оценки состояния всех перечисленных наук в Европе и в России, а также для написания и оценки политических трансформаций в стране. Синтез аналитических дисциплин даёт принципиально иную структуру познавательных и практических проблем политической теории и социальных наук. Для решения этих проблем существенное значение имеет анализ моделей взаимодействия между наукой и властью, разработанный М.К.Петровым концепт научно-технической контрреволюции, а также когнитивно-организационные формы существования социальных наук.

В завершение скажу, что в настоящее время происходит институционализация политической концептологии. В 2007 году мы создали виртуальный теоретический семинар по политической концептологии. В 2008 году создан Центр политической концептологии ЮФУ. С 2009-го года издаётся журнал. Регулярно проводятся конференции с участием специалистов головных институтов РАН, летние школы. Читаются курсы и спецкурсы для студентов отделения политологии ЮФУ. Я опубликовал две монографии и одно учебное пособие на эту тему. С удовольствием отвечу на вопросы, если таковые будут возникать. Спасибо за внимание.

В. Козерь: Виктор Павлович, могли бы вы предложить какую-либо синонимическую конструкцию?

В.П. Макаренко: Как же так? Я «рожал» 20 лет, а теперь вы мне предлагаете синонимическую конструкцию!? Нет! Не могу! На такие вопросы Владимир Маяковский отвечал

так: «Вы, дорогой товарищ, ничего не поняли. Собрание постановило считать вас отсутствующим».

В. Козерь: Но какой-то, может быть, есть запасной вариант?

В.П. Макаренко: Запасной!? Здесь сидит тридцать человек, пусть каждый из вас выдумает запасной вариант по собственному вкусу.

В. Козерь: Ещё один вопрос. Политическое сообщество Ростова должно ли быть активным в формировании политической культуры властной элиты? Люди пишут статьи, и дальше уже власть смотрит; читать, не читать. Или же политическое сообщество должно проявлять какую-то активность и как-то формировать…?

В.П. Макаренко: Опять вопрос ради риторики. Напомню Гегеля: долженствование — самая пустая категория. Вчера на телевидении тоже спрашивали о долженствовании. В таких случаях я отвечаю ссылкой на героя повести «В августе 44-го» фронтового контрразведчика старшего лейтенанта Таманцева. Его кредо: «Наше дело прокукарекать, а там хоть и не рассветай». Речь идёт о том, что социальные науки должны прежде всего давать диагноз социальной и политической реальности. Однако диагностический аспект всего круга социальных наук в 20 веке претерпел громадное отрицательное воздействие со стороны рынка, властвующих структур, идеологий. Поэтому я не побоюсь высказать гипотезу: 100 лет потребуется для преодоления и осмысления возмущающих воздействий. Наработанные схемы всегда воспроизводятся легче, чем выдвижение новых. Они относятся к разряду политического социального и прочего эпигонства. Илье Сельвинскому принадлежат строки:

Всё старое понятно и приятно,
Всё новое обидно и темно.

Вот как я отвечу на этот вопрос. Про активность говорить сейчас не буду.

В.А. Шкуратов: Виктор Павлович, ты находишь какого-нибудь достойного конкурента в анализе связки «знание-власть» в аналитической традиции?

В.П. Макаренко: Я не называю его конкурентом, хотя существует традиция относить Мишеля Фуко к аналитической традиции. С одной стороны...

В.А. Шкуратов: Нельзя…

В.П. Макаренко: Нельзя. Однако согласно английской классификации, он принадлежит континентальной традиции. Вот с этой точки зрения его можно рассматривать как конкурента. Но это особый предмет разговора. В последние годы переведен его цикл лекций под названием «Население, безопасность, территория». Там содержится определённая концепция безопасности. Эта теоретическая разработка позволяет оценивать деятельность государственных институтов. Им также разработан концепт биополитики, базирующейся как раз на анализе конкретных структур безопасности государств Нового времени — с XXVII по XIX-XX век. Походя на этот вопрос я отвечать не буду. Это специальная проблема, имеющая выход в деятельность не только теоретиков, но и государственных институтов, которые тоже имеют за собой громадный груз прошлого и потому воспроизводят установившиеся схемы. Вот так, Владимир Александрович, я бы ответил на твой вопрос. Сейчас ввязываться в дискуссию не получится. Надо специальный семинар посвятить тому, что ты называешь аналитизмом. Можно по-разному трактовать. Если мы используем термин наука в гегелевском смысле — один смысл науки и знания. Если используем Витгенштейна или Рассела — возникает другой смысл науки и знания. Надо договориться по поводу этих базовых вещей. А без договора мы будем просто риторикой заниматься — в смысле героев Шолохова: «Гладко гутарить выучились…». Когда Макара Нагульнова хотели из партии исключить, он в ответ секретарю райкома говорит. Так что гладко гутарить не надо. И упражняться в риторике тоже не надо.

Если вопросов нет, слово Владимиру Натановичу Порусу.

В.Н. Порус: Спасибо. Я рад снова быть в Ростове-на-Дону. Многих из вас я видел в предыдущие свои поездки. Надеюсь, что и эта будет не совсем бесполезной. Поскольку меня назначили оппонентом, то я должен выполнить функцию критика. Прежде чем критиковать, скажу несколько обязательных комплиментарных слов.

Я уже услышал, что журнал «Политическая концептология» стал пространством интеллектуальной свободы. Это замечательно. В пространстве интеллектуальной свободы жить хорошо, хотя трудно. Потому что ничего более трудного, чем жить в свободе, человеку не предоставляется. Тем более в пространстве интеллектуальной свободы, где нужно ещё доказывать своё право на присутствие в этом пространстве. Журнал молодой. Детский возраст. Всего три-четыре года. За это время он уже стал известным, получил аудиторию. То, что он вывешивается на Интернет-сайте, делает эту аудиторию достаточно заметной, даже большой. Получив отклики, отзывы, он вошёл в нашу жизнь и занял в ней свою нишу, своё место. И это место не плохое, как здесь уже говорилось. Оно может стать ещё более заметным. Это будет зависеть от того, сколько усилий будет к этому приложено. И какова будет обратная связь с аудиторией, я имею в виду прежде всего аудиторию научную в нашей стране и за её границами. Всё это замечательно и прекрасно. Но, тем не менее, как мне кажется, всё-таки детский возраст журнала пока ещё сказывается на его статусе. Как мне удалось понять, журнал «Политическая концептология» ещё не смог объяснить аудитории, в чём же заключается новизна самого названия журнала, в чём его отличие от многочисленных журналов по политическим наукам и т. д. Эта неполная разъясненность носит характер самостановления. Потому что и авторам, на мой взгляд, не совсем понятно в каком журнале они участвуют. Например, какая-то статья, опубликованная в этом журнале, могла быть опубликована в каком-то другом журнале. Философского, политологического, социологического направления, даже психологического. И не совсем понятно, почему именно в этом журнале опубликована та или иная статья, какое место она занимает в общей стратегии журнала. Это, на мой взгляд, связано с некоторой непроясненностью самого понятия — концепт, в отличии от понятия. Простите за тавтологию. Здесь мне всегда вспоминается старый, но остроумный анекдот. Кладбище, памятник, около него стоит женщина и рыдает. Прохожие останавливаются и говорят: «Кто здесь похоронен? Почему вы рыдаете? Вам памятник не нравится? В чём дело?». Она говорит: «Памятник замечательный, прекрасный, а на нём написаны такие хорошие слова: „Верному мужу и прекрасному работнику“. Но мне кажется, что эти слова относятся к двум людям, о которых я ничего сказать не могу». Там похоронен её муж, но она-то знает, что он не был ни верным мужем, ни прекрасным работником. Так вот, теоретическая конструкция политической науки отличается от концептологии политической, как надпись на памятнике отличается от того, что есть на самом деле. Можно поспорить, является ли политическая наука наукой, является ли наука политической. Может ли вообще быть наука политической. Эти два термина могут образовывать такое противоречивое сочетание — оксюморон. Но предположим, что такая наука есть. В чём её задача? Задача её состоит в том, чтобы приблизится к понятиям, которые своей совокупностью образуют архитектонику политического знания. Что такое концептология? Она ведь работает не с понятиями, она работает с концептами. Об этом есть прекрасные статьи Светланы Сергеевны Неретиной с её мужем Александром Павловичем Огурцовым. И вообще это старая проблема от Абеляра до Неретиной. Она обсуждается живо, проблема эта не имеет однозначных решений. Есть разные воззрения на соотношение этих вещей. Я просто назову своё представление об этом, чтобы не вдаваться в анализ всего спектра. Чем отличается концепт от понятия? На мой взгляд, всё очень просто, хотя и очень сложно. Концепт — это живое понятие, а не надпись на памятнике. То, к чему эта надпись относится в каждый конкретный момент в каждой конкретной ситуации. Я бы так сказал, что концепт — это живая жизнь понятия. Понятие — это есть некоторый препарат. Это такой конструкт, который претендует на объективность, общезначимость, поэтому он не участвует в связи с другими понятиями в формировании всеобщих суждений и т.д. Концепт всегда привязан к кон-

кретной ситуации понимания, потребления, использования, коммуникации этих понятий. Ну, опять-таки анекдотический пример. Свеженький совсем. Вот вчера мы по телевидению выступали. Там сказали, что на нашем сборище будет обсуждаться концепт катастрофы. Звонок в студию. Ко мне обращается женщина преклонных, т.е. моих лет: «Владимир Натанович! Не хватит ли говорить о катастрофах? Противно! Ну что это такое? На Западе всё хорошо, а у нас катастрофа. Ну, в конце-то концов, хватит. Обидно же русскому народу, его так унижают, все его давят, гнобят». И дальше поток слов, связанных с выражением одной эмоции. Что произошло? Конечно, это можно объяснить как глупость, как непонимание. Но дело ведь не в этом, дело здесь тонкое. Слово «катастрофа» вырвано из контекста научного дискурса, перестало быть частью проблемы. Переместилось в сферу сознания нормального обычного человека, оторвавшегося от кухни и домашних дел. У которого уже звенит в ушах от описания ужасов нашей действительности. И там это слово зажило своей жизнью, особенной жизнью. Она не знает слово концепт, ей наплевать на политический и политологический дискурс. Она говорит совершенно о другом, о своём переживании этого понятия. В той сфере, в которой она находится, куда её жизнь поместила. Так часто и бывает. Понятие живёт особенной жизнью независимо от теоретического построения, из которого это понятие заимствовано. Можно сколько угодно строить теорий власти. Их существует огромное количество. Здесь уже называлось классика: Маркс, Фуко, Гегель. Всё это есть. Но, посмотрите, как живут эти понятия и эти теории, когда они перемещаются в социально значимые контексты. Как они приобретают огромное множество деталей, нюансов смысловых, способов понимания. Как они работают в конкретных коммуникациях. Причём коммуникации и конкретные ситуации меняются, время от времени. Они погружены в жизненный поток переживаний, эмоций, наших отношений, наших побед и поражений. И в зависимости от этого эти понятия воспринимаются и понимаются по-разному. Они могут служить различным типам коммуникации. Иногда один тип коммуникации начисто опровергает другой. Хотя используются одни и те же понятия. Ну, ещё один анекдотический пример, чтобы как-то пояснить свою мысль на живых человеческих примерах. Два года назад был чемпионат мира по футболу. Российская команда не попала на него, не прошла отборочный цикл. Социологи обращаются к любителям футбола с просьбой дать прогноз. Кто победит на этом чемпионате? 17% опрошенных, отвечают, что победит команда России. Ну, можно видеть в этом прикол, какую-то глупость, неосведомлённость. Я вижу совершенно другое.

Люди, которые, отвечают на эти вопросы, ничего не понимают в футболе, они даже не знают, какие команды участвуют в этом чемпионате и, может быть, даже не могут отличить пенальти от углового. Но эти люди связали в своём сознании два понятия «победа» и «Россия»…

В.П. Макаренко: Вслед за президентом, и эпигонски это повторяют…

В.Н. Порус: Их спрашивают, кто победит? «Россия, конечно же». Вот что имеют в виду люди. Смотрите, два понятия, кстати из политологического дискурса: «победа», «Россия», «народ». Они перешли в сферу обыденного сознания, вырваны из контекста. Там причудливым образом связались и выразили некоторое настроение. «Хватит говорить о поражении».

В.П. Макаренко: Как раз эти гибриды идеологические…

В.Н. Порус *(перебивая)*: Это не гибрид. Это особый модус существования. Хочется победы. Хватит поражений. Хватит унижений. Хватит оскорблений. Хватит плохо жить. Давайте идти светлым путём к зияющим вершинам. Вот что звучит в этих, казалось бы, абсурдных совершенно вещах. Таким образом, смотрите, к чему все эти примеры и все эти рассуждения. Концептология политическая — это исследование жизни политических понятий в различных структурах сознания, в различных жизненных исторических и культурных ситуациях. Это изучение того как трансформируются, перетекают друг в друга, меняются, приобретают новые связи смыслы политических понятий. Является ли политическая концептология одной из политических наук? И да, и нет. В зависимости от того, какой мы смысл припи-

шем обоим терминам. Конечно, это не политическая теория. На мой взгляд, это некоторый модус существования политической теории в особом дискурсе. Он касается жизни самих теоретических построений, самих теоретических понятий. Он изучает их в их практической применимости. Вот отсюда интерес к аналитической философии.

Основополагающий тезис Витгенштейна, который лёг в основу всей аналитической философии XX века: значение слова — есть способ его употребления. А это означает, что в зависимости от изменения ситуации употребления, меняются и значения слов. Они сохраняют свою вербальную оболочку, сохраняют заимствованные из других способов, из других ситуаций употребления элементы смысла. Но погружаясь в иные ситуации, погружаясь в иную коммуникативную практику, они приобретают новое значение. В этом смысле язык всегда живой, он никогда не останавливается, он никогда не может быть выражен в каких-то словарях, помощниках переводчика, в каких-то стандартных практиках. Он всегда меняется. И вот наблюдения за процессами изменения. И, может быть, установление некоторых закономерностей. Надо научиться управлять этими изменениями. Это задача политического концептолога. Конечно, задача парадоксальная. Смотрите, то что я сейчас сказал — это и есть парадокс. Политическая концептология далека от теоретического способа употребления понятий. Но она сама стремится к теоретическому употреблению понятий. Это возвращение к самому себе через свое иное. Политическая концептология стремится ухватить понятие политики в её жизни, жизни этих понятий. Но превращает их в теоретические конструкты. Таким образом, сама становится концептом и предметом рефлексивного анализа. В этом постоянном умирании теоретического и воскрешении концептологического заключается, на мой взгляд, важнейшая механика, важнейшая динамика этого процесса. Журнал, который именует себя «Политическая концептология», на мой взгляд, должен поставить себе эту сверхзадачу. Задачу исследования этого чрезвычайно интересного процесса. Процесса, в котором, собственно говоря, и заключается суть дела. Потому что суть дела не в теоретических конструкциях, не в отдельно взятых ситуациях; а в их связи. В том, как в ситуациях проверяют себя теоретические конструкции. Как они изменяются под воздействием ситуации. И как сами ситуации изменяются в зависимости от их политического и теоретического осмысления. На мой взгляд, такова перспективная линия журнала. Если то, о чем я говорю, найдёт отклик у тех, кто создаёт этот журнал, то, возможно, это и определит его дальнейшую биографию, если угодно. Повторяю, в качестве критического замечания, есть опасность превратиться в журнал об интересненьком. Куда снесут все свои продукты люди грамотные, умные, занятые конкретными исследованиями, которым необходимо напечатать какую-то статью. И этот журнал может превратиться в такой клуб. Клуб любителей политической терминологии. Вот это было бы ужасно. Это было бы страшно. Не дай бог. Потому что таких журналов существует множество, и конец их известен, они превращаются в междусобойчики. В конце концов их ожидает судьба, помните, по Марксу, быть предоставленным грызущей критике мышей. Вот, это главное, что я хотел сказать в качестве оппонента уважаемому Виктору Павловичу и его замечательному детищу журналу «Политическая концептология».

В.П. Макаренко: Большое спасибо, Владимир Натанович. Я думаю, что вопросы выступающему мы не будем задавать. По ходу дела каждый будет иметь возможность высказаться. Теперь с большим удовольствием хочу сообщить, что на наш журнал поступил ряд положительных отзывов и рецензий от специалистов. Прежде всего от главного редактора журнала «Полис» Сергея Владиславовича Чугрова, а также от других коллег из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Киева и других городов нашей ойкумены. Мы в редколлегии все это проанализируем в целях дальнейшего продвижения журнала. Хочу поблагодарить всех, кто прислал отзывы. Теперь выступит председатель нашего редакционного совета и один из постоянных авторов журнала, профессор, Анатолий Владимирович Лубский.

А.В. Лубский: Сегодняшний наш круглый стол посвящён обсуждению журнала, его направленности, его миссии. Но вот был вопрос по поводу синонимов. Синоним тут есть, и

он в названии журнала. Называется «Журнал метадисциплинарных исследований». Правда, это не особо проясняет ситуацию. Но я думаю, Владимир Натанович ситуацию немного прояснил. Дисциплины научные имеют дело с понятиями. Но и, наверно, Виктор Павлович, когда придумывал название «метадисциплинарные исследования» — синоним политической концептологии, — имел в виду: если научные дисциплины имеют дело с понятиями, то метадисциплинарные исследования имеют дело с концептами. Что это такое, это достаточно ещё…

В.П. Макаренко: Это сражающиеся понятия, я бы так сказал. Пока ещё живые.

А.В. Лубский: Самого понятия концепта нет, а есть концепт концепта. Поэтому данному концепту приписывают разный смысл и значение, в зависимости от контекста. Коллеги, я хочу сказать, что журнал «Политическая концептология» уже имеет определённую интеллектуальную историю. Прошло три года. Десять номеров вышло.

В.П. Макаренко: Тринадцать.

А.В. Лубский: Тринадцать номеров вышло. И вот мы в связи с этим можем поразмышлять о той роли, которую по замыслу организаторов этого журнала, должен был сыграть, но в силу обстоятельств не сыграл журнал в интеллектуальной жизни нашего региона и России в целом. Но прежде чем рассуждать о миссии этого журнала, его роли в интеллектуальной жизни академического сообщества, я хочу обратить ваше внимание на ту ситуацию, которая сложилась в политической науке в России, и о возможностях политической концептологии в связи с этим. Вот сидит профессор Кислицын Сергей Алексеевич. Он историк и хорошо помнит, как в начале 80-х годов прошлого века один из наших последних Генсеков пришёл к выводу о том, что мы не знаем общества, в котором живём. Думаю, что вы согласитесь с тем, что этот вывод продолжает быть актуален и в наши дни. Мы, не буду говорить «к сожалению», не знаем общества в котором живём. Мы стремимся к этому, но пока адекватных знаний в различных сферах связанных с пониманием нашего общества, в том числе и политической науки, у нас нет. Но речь, конечно, сегодня пойдёт не о политиках, которые не знают, не понимают, но зачастую и не хотят знать и понимать общество, которым они управляют. Речь, конечно, идёт сегодня об учёных и собственно о политической науке, в том числе о политической концептологии. Почему мы не знаем общество, в котором живём, почему не понимаем его? Значит у нас нет подходящих методологических средств. А может мы продолжаем изучать российское общество с помощью тех методологических средств, которые были предназначены для изучения иных обществ и в другие времена? Поэтому я думаю, что трудно найти ответы на вопросы, без понимания той методологической ситуации, которая сложилась в российской политической науке в начале XXI века. С точки зрения принципа интеллектуальной свободы, который провозглашён в журнале, я выскажу некоторые эпатажные вещи. Но это специально, чтобы обострить ситуацию. Эта ситуация характеризуется, во-первых, наличием в политической науке интеллектуально-когнитивных мод. Во-вторых — мультипарадигмальностью и ангажированностью научных исследований с низким уровнем теоретической интерпретации эмпирических данных. И третье — это отсутствие научного языка, адекватного для понимания и объяснения российской политической специфики. Дело вот в чём: широкое приобщение российских исследователей к западноевропейской и американской научной традиции привело к тому, что многие её гранд-теории превратились в отечественной общественной и политической науке вот в такие интеллектуально-когнитивные моды как универсальные объяснительные конструкты. Речь идёт не о возможностях методологического использования разных подходов, а как универсальные объяснительные конструкты пригодные на все случаи жизни. Превращение российской политической науки вот в такую мультипарадигмальную научную дисциплину сопровождалось, с одной стороны, утратой целостности видения политической реальности, фрагментацией научного знания; а с другой стороны, ангажированностью политических исследований. Вот в связи с этим методологическая ситуация, сложившаяся в отечественной науке характеризуется не столько методологическим плюрализмом и

конкуренцией различных методологических подходов, сколько методологическим сепаратизмом и противостоянием позиций, которые соотнесены прежде всего с большими идеологиями. Распространение этих интеллектуально-когнитивных мод привело к тому, что, во-первых, теоретические конструкты различных направлений западноевропейской и американской науки, и понятийный аппарат стали широко использоваться в научных исследованиях, посвящённых российским политическим реалиям без всякой предварительной социокультурной и эпистемологической экспертизы. И здесь я солидарен с Владимиром Натановичем в том, что одна из задач политической концептологии — дать экспертизу применению вот этих мёртвых понятий. Мёртвых для нашей науки и нашей действительности. Задача политической концептологии состоит в том, чтобы оживить эти понятия в соответствии с российской социокультурной спецификой. Мне эта идея очень понравилась. У Виктора Павловича это одно из направлений, тем более что одно из направлений аналитической политической философии связано не с анализом политической реальности, действительности, а с анализом теории, объясняющей эту политическую реальность. Но это одно из направлений. А всякие теории строятся на понятиях. И вот в результате возникла проблема языка политологического дискурса, которая осознаётся некоторыми исследователями как отсутствие в отечественной политической науке научного языка для адекватного понимания и объяснения российских политических реалий в масштабе политических теорий среднего уровня. Но это задача политической науки, а не политической концептологии. Это другая сфера когнитивных занятий — выработки таких теорий среднего уровня, которые привносятся в качестве объяснительных конструктов не извне, а являются результатом аналитической и синтетической деятельности учёных, связанной с обработкой эмпирического материала, полученного при изучении политической реальности, обладающей своей собственной социокультурной спецификой. Но это проблема, повторяю, политической науки. Проблема языка политологического дискурса — это проблема контекстуальности, которая является сегодня одной из наиболее актуальных в методологии научного познания. Контекстуальность означает, что всякое политическое явление необходимо изучать в рамках той социокультурной среды, которая породила это явление. Поэтому прежний поиск универсальных конструктов, понятий, теоретических конструктов, пригодных для изучения любой страны независимо от её социокультурного своеобразия в современной эпистемологии признаётся методологически недостаточным. Надо смотреть на своё общество своими глазами. Утрата такого холистского видения политической действительности в России привела к появлению в российском научном сообществе когнитивной потребности в новой целостности политического знания. И эта потребность сопровождается активизацией вот такого холистского политологического мышления. В русле этого мышления в российской политологической науке уже наметились некоторые когнитивные прорывы, связанные с формированием в ней особого неоклассического направления. Того направления, которое ориентируется на когнитивный синтетизм и синкретизм. В рамках этого направления отчётливо проявилась тенденция преодоления дисциплинарной ограниченности политической науки путём расширения когнитивных практик, связанных именно с мультидисциплинарными, интердисциплинарными, и трансдисциплинарными исследованиями. Есть разные представления о том, что такое мульти-, интер- и транс-. Я изложу свою концепцию.

Мультидисциплинарные исследования связаны с решением научно-исследовательских задач в рамках предметного поля политической науки, но с помощью методологических конструктов некоторых других наук.

Интердисциплинарные исследования — это постановка научно-исследовательских задач на стыке политической науки и других научных дисциплин. Это выход за рамки предметной дисциплинарности политической науки и соответственно синтезирование их методологического и теоретического потенциала в целях создания целостной картины политической реальности. Вот такие интердисциплинарные исследования, направленные на производство гибридного научного знания, обладают большим компаративистским потенциалом. Такие как

политическая антропология, политическая психология, биополитика, политическая социология и так далее. То есть там, где выходят за рамки дисциплинарной ограниченности политической науки.

И наконец, трансдисциплинарные исследования связаны с постановкой исследовательских задач, направленных на преодоление такой гетерогенности дисциплинарных научных исследований путём их осмысления, не дисциплин, а результатов, на том метауровне, о котором говорил Виктор Павлович, придумывая название журнала. То есть на уровне, который выходит за рамки отдельных научных дисциплин. И вот в этом плане, особую роль сегодня, конечно, играет политическая концептлогия, направленная на преодоление ограниченности микро- и макро- подходов, фрагментарности научно-политического знания, но самое главное — формирование холистского видения политической реальности. И разработку в соответствии с этим концептов синкретических, схватывающих социокультурную специфику российских политических реалий. Вот почему в качестве таких концептов в политической концептологии очень часто выступают метафоры типа: русская власть, русская система, русская колея, раздаточная экономика, кормить и править. Там понятия где-то мерцают, там понятий нет, но они очень схватывают как бы в синкрезисе, то что происходит, то что является предметом осмысления. Вот журнал «Политическая концептология», который издаётся у нас уже с 2009-го года под редакцией В.П. Макаренко. Это как раз журнал метадисциплинарных исследований. И здесь замечание уважаемого профессора В.Н. Поруса кстати. О том, что журнал ещё не определил границы своей интеллектуальной деятельности. Там действительно и социологические попадаются работы и собственно работы, ограниченные дисциплинарными задачами политической науки, которые не выходят на уровень того метадисциплинарного концептуального обобщения, который был заявлен в самом названии. Но всё-таки я думаю, следует говорить о презентабельности данного журнала в политико-концептологическом смысле. Я навскидку быстро по памяти назову некоторых авторов, которые здесь отсутствуют. Ну, допустим: Неретина, Огурцов «Концепты политического сознания»; Розов «Немыслящая Россия, антитеоретический консенсус как фактор интеллектуальной стагнации»; Гудков «Массовая идентичность и насилие»; Пивоваров «Русская политическая мысль как предпосылка русской политической науки». Также Оболонский, Глебова, со своими статьями. И так далее. Коллеги, я так думаю, что журнал становится площадкой интеллектуальной для научной апробации тех методологических поворотов, которые наметились в современной политической науке в связи с актуализацией метадисциплинарных исследований. А во-вторых, я думаю, что вот те статьи, которые публикуются в журнале, имеющие непосредственное отношение к политической концептологии, всё-таки, надеюсь, позволяет лучше понять общество, в котором мы с вами живём.

В.П. Макаренко *(иронично)*: Большое спасибо, что ты наш журнал связал с прахом перепуганного чекиста Юрия Владимировича Андропова. Существует богатая литература о том, что вся его так называемая «интеллектуальная деятельность» — реакция на октябрьские события 1956 г. в Венгрии, когда он там был послом и дрожал от страха. Ведь там как раз в это время подвергали суду Линча венгерских чекистов — вешали их на фонарях и отрезали половые органы. Вот как надоела эта публика населению страны всего за десять лет! Тема эта пока еще не обсуждена всесторонне в России и других постсоветских государствах.

Большое спасибо за дельные замечания. Мы будем работать над их воплощением.

А.В. Лубский: Из тех отзывов, которые ты давал мне читать, можно констатировать, что журнал оказывает благотворное влияние. Читатели заговорили концептами: «Полицейское государство»…

В.Н. Порус: Однако некоторые читатели мыслят примерно так, как некоторые телезрители, которые вчера задавали нам вопросы: «Всё, что вы там говорите, непонятно, смешно и глупо. И нечего морочить голову нам концептами, понятиями, конституциями, революциями, амуницияими, коннотациями, парадигмами. Это всё пустое. Вы скажете: что делать?» Вот так

у меня спрашивали: «Вы говорите — катастрофа. А что нам делать? Не знаете, тогда идите отсюда. И нечего тут нам забивать мозги, потому что нам и так их каждый день полощут». И некоторые уважаемые коллеги в своих вопросах повторяют общие места из газет, журналов, теле- и радиопередач. Сращивание полиции с криминалом давно известно. Тупики, в которые ведёт нас нынешний строй. Что тут нового? Ничего абсолютно. Дискурсивная позиция журналиста, учёного, руководителя журнала, по своей структуре, если отвлечься от терминологических нюансов, совершенно аналогична такой же структуре домохозяйки. И это возводится в добродетель. Мы за конкретику, мы за эмпиризм. Дайте нам ответы на правильно поставленные вопросы. Что нам делать? Ну что сказать уважаемому коллеге? Работать. Работайте, делайте своё дело и не ждите от нас — философов или каких-то там ещё пророков и так далее. Не ждите от нас рецептов, как изменить Россию к лучшему, перевернуть мировое устройство, достичь сияющих вершин абсолютной истины. Не уподобляйтесь домохозяйкам. Делайте своё дело!

В.П. Макаренко: Спасибо, Владимир Натанович. Очень приятно, что все участники дискуссии — зубастые люди.

КОНЦЕПТ КАТАСТРОФЫ И РОССИЙСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ
Стенограмма круглого стола 6 июля 2012 г., Ростов-на-Дону, Донская государственная публичная библиотека

Аннотация: *Стенограмма круглого стола «Концепт катастрофы и российская реальность», проходившего в г. Ростов-на-Дону 6 июля 2012 г.*

Ключевые слова: *концепт, кризис, катастрофа, социальные нормы, духовная культура России.*

Участники:

Бардаков А.И., доктор политических наук, доцент (Волгоград, Поволжский ИФ РАНХ и ГС)
Ерыгин А.Н., доктор философских наук, профессор (Ростов-на-Дону, ЮФУ)
Коротец И.Д., доктор философских наук, профессор (Ростов-на-Дону, ЮФУ)
Куликов А.Н., кандидат философских наук, доцент (Ростов-на-Дону, ЮФУ)
Макаренко В.П., доктор философских наук, профессор (Ростов-на-Дону, ЮФУ)
Попов В.Ю., мл.научный сотрудник (Ростов-на-Дону, ЮФУ)
Порус В.Н., доктор философских наук, профессор (Москва, НИУ-ВШЭ)
Старостин А.М., доктор философских наук, профессор (Ростов-на-Дону, ЮРИФ РАНХ и ГС)
Научные сотрудники, преподаватели, аспиранты, студенты Южного федерального университета и других вузов, общественность Ростова-на-Дону

В.П. Макаренко: Желаю всем приятного времяпрепровождения на нашем круглом столе, который, все же, не следует превращать в балаган. Сегодня предполагается дискуссия на тему: «Концепт катастрофы и российская реальность». Для обсуждения предлагаются следующие вопросы:

В каких терминах можно описать ситуацию, в которой культурный кризис совмещен по времени и смыслу с кризисом государственности, ментальности, традиции?

Есть ли место в этом дискурсе катастрофе?

Если да, то какое оно, к чему ведет, чем пренебрегает?

Какова роль политических концептов в построении сценариев историко-культурного, политического и цивилизационного развития?

Кто сценаристы и режиссеры?

Но прежде всего разрешите мне в порядке политпросвета рассказать полстранички текста, чтобы внести ясность в исходные вопросы. А то будет как вчера: говорили-говорили, потом в конце кое-кто начал задавать вопросы, которые не относятся к теме.

Теория катастроф и связанная с нею проблематика разработана в социогуманитарных исследованиях. В статье Аркадия Пригожина «Феномен катастрофы», которая была опубликована в 1994 году в журнале «Общественные науки», показано, что терминологическая разница между социальной катастрофой и общим глубоким кризисом состоит в следующем:

1. Катастрофа отличается глубиной потрясений, в результате которых происходит слом, исчезновение, дезинтеграция системы. Поэтому исходным предметом нашей дискуссии может быть вопрос: как определить глубину потрясений с учетом того, что любое определение в большей или меньшей степени дается для профанов? Такова исходная методологическая проблема.

2. Катастрофа происходит более стремительно, чем глубокий кризис. Но что такое «более-менее»? Что такое длина глубокого кризиса? Определенного ответа нет, хотя общая теория катастроф разрабатывается давно.

Иначе говоря, сами критерии различения катастрофы и кризиса являются дискуссионными. Вчера мне кто-то сказал, что профессор Штомпель занимается этой проблемой. В журнале «Социологические исследования» уже более 15 лет существует рубрика «Социология катастроф». Опубликовано значительное количество материалов, в которых можно найти ключи обсуждения этой проблемы. В том числе нашей сегодняшней дискуссии. А теперь предоставляю слово В.Н. Порусу.

В.Н. Порус: Спасибо! *(Аплодисменты)*

В.П. Макаренко: Прошу прощения, я опять включусь. Овации. Вот так незаметно способ поведения на художественных и тому подобных тусовках переходит в научную сферу.

В.Н. Порус: «…делегаты встречают бурными, долго не смолкающими аплодисментами, переходящими в овацию».

В.П. Макаренко: Да, сталинская вонь до сих пор не выветрилась…

В.Н. Порус: Я сразу сделаю несколько предупреждений. Во-первых, в том, что я буду сегодня говорить, термин «катастрофа» употребляется именно как концепт, а не как понятие. Что касается теоретического статуса этого термина — об этом пусть спорят теоретики катастрофы: социальные философы, социологи и другие исследователи. Для меня в данной ситуации более важной является проблема: как термин в статусе концепта живет в различных формах сознания, как пересекаются эти формы? Какие конфликты могут возникать при этих пересечениях? Поэтому я заранее прошу извинения у тех слушателей, которые хотели бы больше теоретической точности, строгости определений. Моя задача заключается не в том, чтобы подготовить развитие общей теории катастроф, это не моя задача. А в том, чтобы показать, как этот термин осуществляет свою живую жизнь в нашей действительности. Это первое предупреждение.

Второе — основное содержание сегодняшнего моего сообщения было изложено в статье «Обжить катастрофу: своевременное размышление о духовной культуре России», опубликованной шесть лет назад. Она уже слегка устарела и можно было бы говорить о том, что надо делать следующий шаг. Мне кажется, надо уточнить свою задачу. Что же касается обычных в такого рода ситуациях вопросов: что нам делать, как нам быть, кто виноват, как нам выйти из катастрофы? — то это те вопросы, которые нам задавали позавчера при выступлении на телевидении. Я оставлю все эти вопросы и возможные ответы на них за скобками моих рассуждений. Мы здесь собрались не для того, чтобы выработать стратегию выхода из катастрофы, а для того чтобы уяснить место и роль концепта катастрофы в наших рассуждениях. То есть, наша задача исследовательская и диагностическая, а не прогностическая, не пропагандистская, не идеологическая…

В.П. Макаренко: И не инженерная…

В.Н. Порус: … и не инженерная.

Аспекты сегодняшней беседы мы оставим за скобками. Просто не будем возвращаться. Шесть или даже больше лет назад социологи Российской академии государственной службы провели очень занятное социологическое исследование, которое потом повторялось в других формах другими социологическими центрами, например, «Фондом общественное мнение». Суть этого исследования состояла в вопросе, который был основным в анкетах для респондентов. Вопрос такой: Как, по-вашему, можно охарактеризовать нынешнее состояние духовной культуры российского общества? Надо отметить, что эта социологическая анкета распространялась не среди массового читателя, зрителя, не среди массовых респондентов, а среди специальных экспертов. Эксперты были взяты из 25 субъектов Федерации. В качестве экспертов выступали представители театров, библиотек, музыкантов, преподавателей, журналистов и т.д. Одним словом, люди более или менее компетентные, чья профессиональная деятельность непосредственно связана с российской культурой. Так вот, на основной вопрос анкеты в 2004 году ответы распределились следующим образом. Характеризуют нынешнее состояние российской культуры как значительное возрождение — 2,5%. Как частичное обновление на пути к возрождению — почти 42%. Как застой (респонденты говорят «отстой») …

В.П. Макаренко: Это совсем другое!

В.Н. Порус: Примерно в том же самом смысле. Застой или «отстой» — характеризуют 12%. Как торжество бескультурья — почти 34%. И еще, около 10% респондентов затруднились ответить.

На мой взгляд, очень характерное распределение. Мнение экспертов разделяется почти поровну. Значит, примерно для половины респондентов нынешнее состояние российской духовной культуры не такое плохое. Во всяком случае — удовлетворительное. Другая половина оценивает это состояние как плачевное или «отстойное». Эта старинная дилемма полупустого или полуполного стакана.

Как вы оцениваете изменения в культуре российского общества за годы реформ, начиная с 1992 года? — это был следующий вопрос. Около 10% опрошенных отвечают — в основном положительно. Больше 40% — в основном отрицательно. И примерно 46% — отчасти положительно, отчасти отрицательно.

Значит, определенно отрицательных оценок примерно в 5 раз больше, чем определенно положительных. А мнение тех, кто неоднозначно отвечает на этот вопрос, можно оценивать тоже неоднозначно. Кое-что изменилось в лучшую сторону, кое-что — в худшую. Значит, если в бочке меда есть ложка дегтя, то это значит, что в этой бочке есть и деготь и мед. Кому что нравится.

А вот на вопрос: Если, по вашему мнению, изменения в духовной жизни России отрицательные, то способно ли российское общество возродиться духовно в обозримой перспективе? На этот вопрос подавляющее большинство (65%) отвечает — да; 20% — нет, остальные воздерживаются.

Это понятно. Потому что пессимизм во всех отношениях позиция не очень привлекательная. Всем хочется улучшения жизни, но в вопросе о том, как достичь этого улучшения, начинается разнобой. Одни связывают рост духовности, возможный рост духовности с возрастанием роли религии и церкви. Другие, наоборот, говорят, что рост духовности связан с распространением атеизма и разоблачения попов. И те и другие думают, что либо одно, либо другое сбудется в ближайшей перспективе. Таким образом, уровень положительных ожиданий растет, хотя сами ожидания противоречивы.

Если же все-таки большинство оценивает духовное состояние современной России как упадок, то откуда берется уверенность в том, что этот упадок вот-вот в ближайшей перспективе сменится резким подъемом!? Кстати, именно потому что это исследование проводилось

около 6 лет назад, можно уже сделать некоторые выводы относительно правоты тех, кто предполагал резкое улучшение состояния духовной культуры в России в ближайший год. Я потом приведу более свежие примеры, уже двухлетней давности, социологических исследований примерно на ту же тему, которые показывают, что оптимистические ожидания провалились. Что же беспокоит респондентов? Респонденты говорят об общем низком уровне культуры — больше 62%. Нравственное состояние общества расценивают как неудовлетворительное — больше половины, свыше 50%.

Что мешает быть более культурными и духовными? Причины, как правило, в подавляющем большинстве случаев ищут в кругу каких-то внешних обстоятельств. Эксперты отмечают такие стороны этого вопроса, что проводилась культурная политика государства — почти 60%. Другие (их еще больше) указывают на неуклонное снижение государственных расходов на культуру — около 75%. Почти 80% экспертов призывают государство отказаться от политики экономии на культуре. И почти 60% призывают государство, подчеркну, именно государство активно бороться с пошлостью и безвкусицей в массовой культуре.

Как бороться? Тут нет особенных разногласий. Необходимо ввести цензуру и административный контроль за информационными центрами, СМИ и т.д. То есть, общий вывод такой: подавляющее большинство работников культуры желает, чтобы культуру оберегала власть. Чтобы работников культуры и саму культуру сытнее кормили, и чтобы пища была получше. Ну, это входит в общее русло постоянных стенаний о том, что у нас недокормленная и недостаточно вооруженная армия, что у нас очень плохие дороги, коммунальное хозяйство, очень маленькие пенсии и т.д. и т.п.

Как оценивается состояние культуры? По количеству и качеству культурных мероприятий: концертов, телепрограмм, киносеансов, спектаклей, состояние библиотек, художественных музыкальных школ, журналов, газет и т.д. Это странно. Потому что нет прямого соответствия между уровнем культуры и количеством так называемых культурных мероприятий. Конечно, можно ввести цензуру и запретить произносить ругательные слова, особенно матерные, с экранов телевизоров или кино. Можно приучить людей не ругаться матом. Обставить жилища людей прекрасными книгами, видеотеками, даже допустить, что некоторые из них будут прочитаны либо просмотрены. Но все-таки состояние духовной культуры никак не зависит от количества и качества мероприятий. Например, когда храмы пустеют, разрушаются, то можно сказать, что это признак духовного упадка общества. Но если храмы восстановить или построить заново и пронаблюдать, что там всегда полно людей — это еще не говорит о росте духовности.

В.П. Макаренко: Зато свечек будет продано больше…

В.Н. Порус: Да. То есть, я бы сказал так: когда предметов культурного обихода становится больше, но они по существу не востребованы, то это говорит не о росте, а об упадке культуры.

В этих рассуждениях я постоянно говорю о культуре. Конечно, хочется внести ясность, что я имею в виду. Вы знаете, существуют сотни определений культуры, многие из них диаметрально противоположны. Можно было бы на эту тему устроить целый научный дискурс с анализом возможных определений культуры. Но я этого делать не буду, это потеря времени. Для специалистов это не так важно, а остальным это может быть даже неинтересно. Я буду исходить из того понимания культуры, которое считаю для себя важным, приемлемым и активным в дальнейших рассуждениях. Я исхожу из понимания культуры как горизонта универсальных ценностей, выступающих ориентирами личного и общественного поведения, отношения к миру, людям и самому себе. И вместе с тем культура — это рамки, в которые заключена наша жизнь изнутри. Вот это требует специального уточнения. Рамки, которые ограничивают наше поведение изнутри, — это не рамки закона, не рамки традиции, даже не рамки общественной морали. Это такие внутренние имманентно живущие в человеческом сознании ограничения, которые нельзя переступить, не оказавшись в тяжком личном разладе с са-

мим собой. Именно поэтому я употребляю слово духовная культура как некий плеоназм. Всякая культура духовна, а духовность выражает себя только в культуре. Поэтому я совершенно не обращаю внимания на модное в нашей литературе различение духовной и материальной культуры. Эти вещи меня совершенно не интересуют. Я полагаю, что деление культуры на различные сферы — это всего лишь некоторый методологический прием, который иногда приводит к нужным результатам. Поэтому он и применяется исследователями. Но ему никак нельзя придавать онтологический смысл, который расчленил бы целостность культуры на различные части, между которыми устанавливаются какие-то связи, расположить их по некоторой шкале оценок и т.п. Ничего, кроме недоразумения, из этого выйти не может. Поэтому когда говорят о различных культурах, то говорят о различии систем универсалий, ценностных универсалиях. Можно говорить о христианской или исламской, традиционной или прогрессистской, элитарной или массовой культурах. Хотя эти слова тоже концептуальны, а не теоретичны. Но понятно, что они выступают некоторыми каркасами, на которых держится здание или тело культуры. Если такие каркасы перестают нести на себе это тело или здание, и более не определяют ориентации людей в жизненном пространстве, — то такие культуры находятся в состоянии упадка, их уже нет или почти нет. Я подвожу вас к одной простой мысли: культура жива до тех пор и постольку, поскольку люди признают над собой власть культурных универсальных ценностей. Это означает, что человек и культура — это два термина, по смыслу сопряженных. Мы люди до тех пор, пока наше бытие определено культурой, но бытие культуры определено нашими духовными усилиями. Поэтому совершенно неправы эпигоны Шпенглера, которые полагают, что культуры возникают и умирают по каким-то совершенно независящим от наших воль, мыслей и действий причин. Поэтому о духовной культуре следует судить не по событиям, связанным с образованием, литературой, наукой, искусством, религией, а по проявлениям духовности во всех сферах жизни общества. Например, о состоянии культуры следует судить не по результатам опросов, в которых выясняются отношения людей к насилию, а по статистике насилия в реальной жизни. Потому что отношение людей к насилию может быть при ответе на вопросы резко отрицательным, а само насилие в реальной жизни людей становится фактом повседневности. Когда наступает подобный разлад, тогда ценности провозглашаются, приобретают сугубо вербальный модус существования. Реальная жизнь людей ориентирована вовсе не на них, а на что-то иное, иногда даже ориентирована против декларированных ценностей. Именно такое состояние является важнейшим симптомом кризиса, а в некоторых случаях — катастрофы культуры.

Когда у нас сотни тысяч детей, брошенных в мирное время, и столько же стариков-родителей; когда ликвидаторы чернобыльской аварии должны голодовками добиваться выплаты со стороны государства положенных им пособий — тогда мы говорим о беспределе коррупции. О бесконечной и превзошедшей все ожидания продажности властей. Когда мы говорим об алкоголизме, наркомании, об убитых семьях станицы Кущевской или о 17 пенсионерах, которых убила молотком 42-летняя женщина именно для того, чтобы завладеть их копейками, отложенными на похороны, — то все это и есть, я хочу подчеркнуть, явления нашей духовной культуры. Это — признаки её катастрофы. Конечно, всегда находятся люди, которые в этом моменте прерывают меня возмущенными возгласами: «Вы видите в жизни одно плохое. В нашей жизни есть много хорошего, и на том стоит наша жизнь. Рожают детей, учатся, работают, любят… Люди ставят перед собой цели и достигают их. Вы говорите о некоторых язвах людей, теневых сторонах, видя в них признаки надвигающейся или развивающейся культурной катастрофы». Таким горе-оптимистам я отвечаю: отрицать кризис может человек только слепой или злонамеренный. Кризис — это рубеж, с которого только два пути. Один путь ведет к выздоровлению, другой путь — к гибели. В период кризиса перед духовным организмом общества стоит задача мобилизовать свои ресурсы. Если ресурсов будет достаточно, кризис будет успешно преодолен; если недостаточно — организм безусловно погибнет. Наша духовная культура тяжело больна. Здесь дело не в том, что у нас мало средств

на культурные мероприятия, это пустяки. Болезнь заключается в том, что размыты границы, а иногда и просто исчезли границы между культурой и дикостью, варварством.

Сейчас в моде термин «посткультурная действительность». Я не знаю точного определения этого термина и не очень понимаю его содержание. Но во всяком случае ясно, что идет речь о каком-то глубоком, важнейшем, кардинальном переходе. От того, что я назвал культурой как непосредственной и существенной формой человеческого существования, к тому, что вроде бы это существование длит, но уже никак не связано по смыслу с предыдущим условием. Речь идет о выяснении глубины этого водораздела, который отделяет культурную действительность от посткультурной или некультурной. Не буду сейчас уточнять эти термины.

Существует интуитивное представление о внутренних границах, которые человек не может переступить, для того чтобы не перестать быть человеком. Эти границы подвижны, и эти сдвиги границ обычны во времена колоссальных перенапряжений человеческой души. Вспомним ленинградскую блокаду. Там некоторые люди умирали, отдавая последний кусочек блокадного хлеба своим близким, а были люди, которые…

В.П. Макаренко: …людоеды…

В.Н. Порус: …людоеды или те, кто отбирал кусочки у тех, кто уже обречен на голодную смерть. Люди ведут себя по-разному в экстремальных условиях. Помните старый фильм «Судьба человека» по рассказам Шолохова? Там есть такой эпизод, о котором часто забывают. Немцы сгоняют в храм русских военнопленных и запирают их там, запрещают под страхом смерти выходить или просить выйти. Среди них находится верующий человек, ему надо справить нужду. Он не мог этого сделать в храме. Несмотря на запрет, он требует у конвоиров его выпустить из храма и получает автоматную очередь в живот. Вот это культурный человек.

Конечно, культурные запреты и внутренние рамки существовали с тех пор, как существует культурное человечество. Сохранились традиционные заветы, несмотря на это люди во все времена убивали, крали, прелюбодействовали, лжесвидетельствовали. Но когда заповеди стали законом, то люди знали, что нарушая их, они понесут ответственность. Культура и есть система ответственности человека, то есть она выше по отношению к индивидуальному существованию перед Богом, человечеством, историей, как угодно. А раз есть ответственность, есть и желание от нее избавиться. Например, классическое произведение Камю о бунтующем человеке — это текст о том, как человек бунтует против культурных ограничений для того, чтобы высвободить самого себя из-под бремени культуры. Бунтующий человек Камю — это культура, сжатая до индивида, который вмещает в себя весь культурный универсум. Иначе сказать, это попытка найти внутри человеческого духа основания, на которых можно устоять перед отчаянием. Но этот бунт имеет оборотную сторону: он может легко превратиться из гордого бунтарства Сизифа в плебейское движение против культурных ценностей. Особенно когда жрецы высокой культуры подвергали себя насилиям единственной правильной подлинной культуры. И тогда принципы, провозглашаемые жрецами, становятся чуждыми и враждебными большинству людей, которые начинают видеть в принципах смирительную рубашку.

Хорошо известное классическое произведение Ортеги-и-Гассета, а у нас Д.С. Мережковского, которые обозначили бунт против высокой культуры как «восстание масс». Мережковский назвал это проще: «Пришествие Антихриста». Как обуздать разрушительные импульсы толпы или индивидуальных эксцессов? Выполнение этой задачи обычно возлагали на государство, на полицию, на другие охранительные институты.

Когда-то внутренние условия личности формировались массовой культурой. Что касается высокой культуры, носительницы этих духовных универсалий, то она укрылась в убежищах: библиотеках, храмах, локальных сообществах или стала частным делом какого-то отдельного существования. А в массовом обществе универсалии культуры заменялись имитациями. Имитации нужны (этому посвящены классические работы Бодрийяра) для так назы-

ваемого символического обмена, а лучше сказать не обмена, а обмана. Обмана масс, которых можно обмануть тогда и только тогда, когда они сами хотят быть обманутыми. Поэтому производство символов и знаков культуры было превращено в культуру индустрии и поставлено на поток. Получилось так, что имитированные культурные объекты удовлетворяли потребности имитированных людей. А раз так, то именно эти символы и оказались удобными мишенями для критики. Их обвинили ни много ни мало во всех катастрофах XX столетия. Мы помним работы Хоркхаймера, Адорно, которые объявили идеи Просвещения источниками генезиса массовой культуры. Подвел итог этому Теодор Адорно, который сказал, что после Освенцима нельзя писать стихов, а рассуждения о культуре не больше чем словесный мусор. Сказано было запальчиво, сгоряча, сразу после Второй мировой войны, но сказано по существу. Потому что если считать мусором культурные универсалии и рассуждения о них, то принимать мусор за что-то достойное, хотя бы даже и враждебное, очень глупо. Выходом стал постмодернизм. Он создал проект культуры без универсалий. Собственно, это даже уже и не культура в том смысле, о котором я говорю. Потому что в постмодернизме само понятие культуры — одна из иллюзий, подобная другим культурным универсалиям, таким как истина, добро, разум, вера и т.д. Эти иллюзии были приняты как симулякры реальности. На самом деле, это всего лишь фикции. Они оказались только данью культурным традициям, которым пришла пора сойти со сцены. Поэтому теперь — в рамках этого проекта — общность людей определяется не общими универсальными ценностями, а приемлемыми способами удовлетворения индивидуальных и групповых потребностей. Об этом пишет Рорти, я не стану его цитировать, это общеизвестная вещь, переведенная на русский язык и доступная всем интересующимся.

Лозунг, который можно было бы приписать подобному проекту, заключается в следующем: хочешь жить, а не прозябать, действовать, а не заниматься рефлексией, — сбрось великие культурные универсалии. Вся премудрость жизни состоит в нехитром слогане: не плошай. Универсалии разоблачены как фикции. Например, рациональность как культурная ценность — это всего-навсего механизм выведения правильных заключений из принятых посылок. Разум становится инструментом для удовлетворения потребностей. Вера в начале XX века есть не что иное, как способ установления душевного контроля, который часто нарушается по психологическим или социальным причинам. Истина — это инструмент консенсуса при решении интеллектуальных задач. Вот это я и называю культурной катастрофой. В этом состоит концепт культурной катастрофы, как он выступает в ходе моего рассуждения. Речь идет не о том, что некоторые ценности разрушены или отброшены. Если бы это было так, то можно было бы говорить о создании других духовных ценностей, универсальных ориентиров, которые придут на смену отжившим. Катастрофа заключается не в том, что одни культурные ценности заменяются другими, а в том, что вырождаются ценности как таковые. Следовательно, происходит отказ от самого понятия культуры как образующегося духовными универсалиями.

Конец культуры ведет за собой смерть человека. На закате XX века диагноз — неутешителен! А еще раньше аналогия может быть проведена со смертью Бога, которую провозгласил Ницше на 100 лет раньше. Культурные ценности превращаются в слова, слова, слова. Слова, которые становятся просто модусом стандартного говорения. Это вехи, обозначающие путь от человека к симулякру человека. Здесь не спасает и придуманный феноменологической социологией (в частности, Альфредом Шюцом) поворот к повседневности. После Шюца даже само слово «повседневность» стали писать с большой буквы, как раньше писали слова «реальность», «бытие» и т.д. Ну, что такое повседневность? Это способ смягчения или приближения к конкретному индивидууму специальных вещей и навязанных имиджей. Слова принадлежат всем по праву. Попросту сказать, каждый кулик свое болото хвалит, и каждый кулик на своем болоте судит и рядит по своему разумению все, что находится в поле его обзора. Совершенно не заботясь о том, как его суждения кулика выглядят в свете больших

нарративов и универсальных ценностей. Просто по той причине, что этих ценностей вовсе нет, а большие нарративы, строящиеся на их основе, — это миф или фантазия.

По Шюцу, повседневность образует безусловную предпосылку и в конечном счете сферу приложения всех остальных форм человеческого существования и деятельности. Поэтому вся не повседневная жизнь, то есть жизнь в пространстве культурных универсалий — это только временное отсутствие повседневности. Ценности, универсалии и прочие культурные аксессуары, декорации — это такая сцена, где одновременно находятся и актер и зритель. После спектакля обычно все разъезжаются по домам, обмениваясь впечатлениями и стирая грим с лица. Те, кто забыл или не собирался этого делать, будут выглядеть странными чудаками. Можно постучать пальцем по лбу. Но кто этот человек, который так хорошо устроился, что совершает регулярные вояжи из сферы повседневности в остальные формы существования, деятельности и обратно? Где он свободен? Где он принадлежит самому себе? Если провести аналогию между повседневностью и феноменальным миром, миром культуры и миром ноуменов, то старик Кант был бы неуместной фигурой. Оказывается, человек по-настоящему свободен в мире феноменов, а в мире ноуменов его свобода иллюзорна. На своих территориях повседневного бытия человек более-менее скрыт от культурных принципов. Если же на его свободу и удобства посягают законы природы или агрессивные соседи, то от них можно отгородиться полицейскими кордонами или барьерами житейской мудрости и рассудительности. Кант, конечно, мыслил иначе. Он не питал иллюзий относительно свободы в мире повседневности. Туда, в этот мир человек приносит не только имитации культурных ценностей, но и кошмары радикального зла, которые коренятся в его природе.

Кант писал, что свобода, конечно, есть благо, но это и бездна и самое ужасное, что только может быть. В мире культуры, где радикальное зло все-таки обуздывается (нравственный императив), человек вступает в отношения с другими людьми, в которых видит цель, но не средство для своих прихотей. Или, как пишет современный кантовед Норберт Хинске, мир, в котором каждый видит только средства для своих намерений, является отражением ада. Там, где мы слепо по отношению к последствиям нашего действия, пишет он, сами вызвали его к жизни посредством неявного поведения, мы можем сказать, что сами создали ад свободным выбором наших масс.

Конечно, повседневность, резко отгороженная от мира культурных ценностей, есть нечто невозможное. Противопоставление повседневности и культуры — это фикция, которая подчеркивает самостоятельную значимость индивида. Но подчеркнуть это — не значит обособить индивида. Универсалии, противопоставленные обыденной жизни, — это кумир на бронзовом коне, от которого пытаются в ужасе скрыться сошедшее с ума индивидуальное существование и повседневность, взбунтовавшаяся против культурных универсалий. Это чаще всего свинское пребывание либо разрушительное самоотречение, растворение в череде происшествий, столь же бессмысленных, как и их отсутствие. Еще раз подчеркну — это и есть культурная катастрофа: крушение связей между ценностями культуры и ориентациями индивидуального существования. В этом и состоит так называемая причина смерти человека — в распаде его сущности на осколки. Пресловутая жажда жизни, ползая на коленках, пытается собрать муляжи существования. За этой катастрофой немедленно следуют все прочие: политические, национальные, технические, экологические и всечеловеческие. Такая катастрофа неизбежна, если человек только инструмент или материал. Об этом хорошо писал в свое время Кант, я не буду повторять его великие слова. Но все же замечу, если подорвана идея культуры, как она была сформулирована ранее, то на ее место встает другая идейка. Идейка, сформулированная философом И.Ф. Карамазовым и практически испытанная его братцем — самоубийцей, убийцей и самоубийцей.

Дискредитация и распад культурных оснований — конечная причина социальных язв. Эти язвы множатся не по чьей-то злобе, не по чьему-то недосмотру, не в результате так называемых «объективных обстоятельств». Эти язвы множатся и заполняют все жизненное про-

странство, в котором мы находимся. Именно потому, что эти язвы уже не воспринимаются как нечто несовместимое с культурой, а иногда даже говорят, что эти язвы есть необходимая плата за само существование культуры. Известно рассуждение: мол, истребление лесов, загрязнение водоемов и т.д. — это плата за удобство, за нашу цивилизацию. Другие скажут так: социальные беды подтачивают культурные каркасы, выступают как злотворные микробы, и поэтому их нужно уничтожать. Надо бороться с социальными бедами — и тогда культура воспрянет.

Пеняют на историю, в которой находят примеры того, как само культурное творчество сопровождается плачем обездоленных и страждущих людей. Вершины культуры своими основаниями уходят в страдание. По этой логике, чем глубже и шире страдания, тем выше духовный подъем. И к России это относится больше, чем к какой-либо другой стране.

В.П. Макаренко: Мазохизм…

В.Н. Порус: Четвертые говорят: очень хорошо, что близится конец культуры, потому что в падении ее универсалий содержится рецепт от социальных бедствий. Наконец, есть и такие, которые усматривают именно в русской душе, в ее отличии от французской или швейцарской, исконное недоверие к таким культурным универсалиям, как рациональность. Дескать, русскому человеку свойственно доверие к иррациональному бытию, которое воспринимается как благоприятное для человека, подхваченного потоком жизни. Все это, на мой взгляд, заслуживает скептического или критического внимания, но совершенно не выдерживает никакой критики. Поэтому я не буду втягиваться в полемику с подобными рассуждениями. На мой взгляд, они опровергнуты самой жизнью.

В.П. Макаренко: Ты уже втянулся.

В.Н.Порус: Ну, для того чтобы по-настоящему полемизировать, нужно было их подробно изложить, а затем по пунктам разбить. Это пустое занятие.

Культурная катастрофа — главный вызов нашего времени. Возможно, самый радикальный вызов за всю историю существования человечества. История современной культуры — я имею в виду европейскую культуру — это трагикомедия в трех актах. Первый акт окончился развенчанием классической парадигмы, центром которой был автономный субъект. Или, по Канту, внушающая уважение идея личности, которая понимается как свобода и независимость от природного механизма. Почему этот акт закончился крушением классической парадигмы? Главным образом потому, что обычная человеческая жизнь совершенно несоразмерна кантовской идее. Человек не может жить в постоянном сопоставлении своей малости и греховности с величайшей ответственностью. Его успокоение тем, что он, по Канту, достоин быть представителем человечества, отмечается Кантом как нечто лишь негативное, по отношению к тому, что жизнь может сделать приятным. Понятно, быть представителем человечества очень трудно. И это настолько ограничивает приятность или комфортность существования, что никому невмоготу постоянно ощущать себя нравственным субъектом.

Содержание второго акта составило конфликтное противостояние между двумя противоположными, а по сути, родственными модернистскими парадигмами. Индивидуалистическая парадигма утверждает безусловное превосходство ценностей личной жизни над требованиями и ограничениями культурных универсалий. Смысл тоталитарной парадигмы можно ограничить от политических коннотаций тоталитаризма. Речь идет о безусловном подчинении ценностных ориентаций индивида нормам и принципам коллектива. Эти парадигмы являются изнанкой друг друга. Как показал Бердяев, ни та ни другая не способны предотвратить усыхания культурной цивилизации, которая превращается в формальную оболочку и спадает с человека, как только ему хотя бы на время удается ускользнуть от контроля.

И, наконец, в третьем акте на сцену вышел постмодернизм. Он сделал это действительно театрально. Он сказал, что все что произошло в первых двух актах — это игра масс. Власть универсалий над жизнью — это архаизм. Он заслуживает только иронической рефлексии. Индивидуализм в духе экзистенциалистского антиисторического стоицизма, как у

Ясперса, тоже подозрителен. Потому что противоположности сходятся, и надо лучше сделать так, чтобы они сходились только в философских рассуждениях, но не в реальной жизни. Когда маски сброшены, на сцене остался человек, как он есть. Он не слишком малый, но и не великий; не замкнутый в скорлупу своей единичности, но и не раздутый до кантовского всечеловеческого универсализма. И стремления этого человека ограничиваются не императивом Канта, а правилами общественного поведения. За соблюдением которых присматривает полиция. Что касается нравственных, религиозных или метафизических предпочтений, то они составляют удобный интерьер внутреннего мира. Этот интерьер лучше всего обезопасить от вмешательства других людей и даже от постороннего взгляда. За этим миром можно только подглядывать через щелочки. Подглядывать затем, чтобы удовлетворить свое любопытство относительно жизни другого и чтобы не затосковать в одиночестве. Подглядывая за соседями, мы часто убеждаемся в том, что мы не такие плохие.

Да, это все, конечно, трагикомедия, и культурный герой погибает, как и положено в трагедии, но зритель смеется, потому что он не ощущает себя участником действия. Мне нравится сцена из «Гамлета» Шекспира, я всегда ее привожу в качестве иллюстрации. Играют убийство короля. Король тревожно спрашивает Гамлета: «Что происходит?». Он говорит ему: «Всё это в шутку!». Король: «А как называется пьеса?». Гамлет говорит: «Мышеловка».

Пьеса изображает убийство, но нам что до этого? Вашего величества и нас это совершенно не касается. У России все три акта этой трагикомедии идут одновременно. Такова особенность нашей культурной истории. Она движется одновременно в разных эпохах. Здесь переплетается архаика, традиционное общество, модерн и постмодерн. А культурные универсалии этих систем не сменяют друг друга, а срастаются между собой, образуя причудливые образования. Противоречия этих оснований начинают расползаться трещинами по всему зданию культуры. Возможно, поэтому попытки заделать эти трещины всегда были либо косметикой, либо неудачными. Я напомню слова Василия Васильевича Розанова, он говорит: как это страшно и как это удивительно — христианская Русь за три дня превратилась в страну сплошного атеизма. Вроде как бы солдат, рабочих и крестьян сводили в баню и помыли их новой водой. Потом написал Булгаков, это вообще поражало, особенно русскую интеллигенцию: как можно было так быстро, внезапно перейти от одной культурной системы к другой. Аналогия, конечно, напрашивается и из современности. Все мы помним, как за два дня погиб Советский Союз. Коммунизм сменился неизвестно чем. Все это произошло действительно очень быстро. Но никакого перехода не было, как я думаю, ни в начале XX века, ни в конце; ни в 1917 году, ни в 1991. Просто получилось так, что противоречивые основания культуры и химеры исторически ворочаются, подставляя зданию культуры все новые и новые подпорки. Здание трещит, но почему-то не разваливается. Возможно, поэтому культурные трансформации слишком многими людьми не ощущаются как катастрофа. Конечно, были, есть и всегда будут люди, для которых в этих сотрясениях культурного здания видна апокалиптическая ситуация. Но такие переживания не свойственны большинству, они характеризуют очень немногих. Чаще всего к таким людям относятся с подозрением или без всякого внимания, таких людей просто отшвыривают, чтобы не путались под ногами и не мешали строить светлое здание их жизни.

Отвлекусь на Кущевскую трагедию, которая стала достоянием едва ли не всей мировой прессы. Есть там неожиданный, но закономерный поворот. Когда привлеченные сенсацией журналисты стали съезжаться в Кущевку и опрашивать местных жителей, то местные жители сказали, чтобы они убирались к чертовой матери. «Вы нам мешаете жить, и как люди мы теперь опозорены на весь мир». Это очень характерная вещь, может быть, более страшная, чем убийство 17 человек вместе с грудными детьми.

Противоречивость культурных оснований двойственна. С одной стороны, в этой противоречивости заключается опасность культурной катастрофы. С другой стороны, есть надежда на то, что эти культурные универсалии могут быть возрождены, если они будут осознанны

как утраченные ценности. Как то, что было очень важным и нужным и к чему бы следовало стремиться. Поэтому стрелки исторических часов нашей культуры указывают в разные стороны. Если это так, то трудно найти и истинное время и нужное направление пути. Спор между культурными основаниями никогда не будет закончен, и победа одних над другими никогда не была полной. Поскольку этот спор длится, то в самой протяженности сохраняются надежды на то, что идея культуры не угаснет. И хотя разрушения культуры действительно катастрофические, хотя катастрофа уже произошла, но еще, возможно, остается шанс на то, чтобы остановить деструкцию, чтобы хотя бы приступить к расчистке завалов и построить новое сооружение. Это то, что я называю «обживанием катастрофы».

Меня иногда спрашивают: зачем вы все это говорите? С какой целью? С целью покопаться в язвах, болячках, сделать нашу действительность еще хуже, чем она есть? Зачем нужны эти слова, если вы не видите путей выхода из катастрофы, не указываете программу действий? Вы просто болтаете, а эта болтовня иногда опаснее действий или бездействия. Но что я могу ответить? Я не настолько самонадеян, чтобы давать рекомендации, как именно можно было бы выйти из состояния культурной катастрофы. И я так и не знаю, кому эти рекомендации можно обрисовать. Власти, массам, каждому отдельному человеку?

Я попытался вчера выразить некоторую идею, которая мне кажется ключевой. Как можно найти какую-то зацепку? Я думаю, что нет более актуальной задачи для нашей страны, а может быть не только нашей, чем воссоздание или может быть новое формирование элиты общества. Я не верю, честно признаюсь, возможности власти совершить культурное преобразование, достаточное для выхода из катастрофы. Также не очень доверяю массам, которые несут в себе тяжесть и противоречие, спасаясь от ощущения трагедии в повседневности, в обращении к традиционному способу своей жизни. Только элита, на мой взгляд, способна на это. Но ее нет! И тогда возникает вопрос. Как создать элиту, если для ее создания уже нужна элита? Не знаю, ответа на этот вопрос у меня нет. Но думаю, если такой ответ был бы найден, то тогда все сказанное приобрело бы некоторый новый смысл.

В заключении скажу, что есть три идола, которые нужно преодолеть, для того чтобы желаемое стало возможным. Первый идол — это оптимизм. Наивный оптимизм, ничего хуже нет в состоянии катастрофы, чем дурацкий оптимизм, который выдает желаемое за действительное и закрывает глаза на реальность. Второе — это цинизм и цинический пессимизм, который видит реальность более страшной. И третий идол — это безответственность. То есть те, кто говорит о катастрофе, должны иметь смелость взять на себя ответственность за то, что они говорят. Отвечать за свои слова, отказаться от роли комментатора. Так говорил Высоцкий, вернее не говорил, а пел. Нужно пройти по режущим осколкам культуры босыми шагами. И даже если этот путь очень долог нужно по нему идти, чтобы с каждым шагом он становился короче. Спасибо!

В.П. Макаренко: Большое спасибо, Владимир Натанович за содержательный доклад! Мне представляется, он вверг публику в пучину размышлений. Предлагаю сделать 5-10 минутный перерыв на кофе-брейк. Затем задать вопросы.

(*Гул и волнение в зале. Общее требование задать хотя бы пару вопросов сейчас*).

В.П. Макаренко: Ну что-ж… Профессор Старостин.

В.М. Старостин: Владимир Натанович, вы в начале выступления употребляли метафору полупустого и полуполного стакана. Есть еще третья позиция: обратить внимание на посуду в магазине. Чтобы изменить рациональность, надо говорить не только о содержимом, но и о стакане. В связи с этим вопрос. Речь шла о культурной катастрофе, о феномене катастрофы или о когнитивном диссонансе по поводу катастрофы? Недавно прошел философский конгресс. Там был доклад о кризисе восприятия политической реальности, структурной реальности и кризисе постреализма. В своих вычислениях мы сталкиваемся с кризисом дисциплинарной матрицы науки гуманитарного знания, а новой матрицы нет…

В.Н. Порус: Спасибо, это очень важный вопрос, он требует пространного ответа. Я отвечу после перерыва.

(Сплошной шум)

В.Ю. Попов: А есть ли у Вас свой ответ на вопрос: как появляются ценности?

Женский голос: У меня две ремарки и один вопрос. Я бы хотела уточнить: вы употребляете слова «общие», «общечеловеческие», «универсальные ценности», но я думаю, что речь идет о христианстве. Далее, у меня сложилось впечатление, что ваш стакан наполовину пуст, и катастрофа уже произошла. Не наша задача — ставить прогноз, но я думаю, что надо осмыслить половину пройденного пути. Как вы думаете, последние политические изменения, которые произошли у нас в стране, это восстание масс или обживание катастрофы?

В.Н. Порус: Замечательный вопрос… кхха! *(Улыбается)* Давайте сделаем так: я на ваш вопрос сразу отвечу, а на остальные — после перерыва. Я подумаю, соберусь с мыслями и постараюсь — особенно на вопрос профессора Старостина. Что касается протестного движения в Москве и еще в нескольких пунктах — как вам сказать? Конечно, это не восстание масс. Какое это восстание? Хамов там много, одеты они по-разному: одни — в полицейские одежды, другие — в гражданские, третьи — в штатские. К тому, о чем я говорил, оно относится лишь в одном смысле: когда начинает трещать культурная действительность. Прежде всего трещит скорлупа, обнажается подлинная суть слов и фраз. Например: «выборы» — это слово, а за словом — пустота. Нет выборов. Так вот, обнаружение пустоты, наполняющей некоторые значимые словесные оболочки, — это причина для отчаяния, недовольства, протеста, иногда повод к возбуждению активности. «Демократия» — это слово? Мда-а-а… Блистательное слово, да? Целый, так сказать, кладезь ценностей. А поскреби его — обнаружишь симулякр. Нет демократии, как ее ни именуй: суверенная она или сувенирная, или как-то еще можно красиво обозвать… но ее просто нет! Это — если быть честным, откровенным и не заниматься политической демагогией. Так вот, обнаружение пустоты, скрывающейся за словесной оболочкой, — тоже повод для недовольства.

Есть и другие. Например, тревожное ожидание кризиса. Мы уже видели, как люди, принадлежащие к тому же общественному слою, который выходил на Болотную площадь, оказывались выброшенными за пределы комфортного существования, которое даже кто-то назвал существованием третьего класса. Среднего? Это как? Какой средний класс? И никакого комфортного существования тоже нет, все это эфемерно, зависит от конъюнктуры цен на нефтепродукты — но поводы для недовольства есть. Я бы не стал видеть за этим какие-то тектонические процессы — пока это сознание, медленное, иногда истерическое, иногда комическое, принимающее клоунские, балаганные формы, имитирующее социальную активность. За этим ничего серьезного не стоит.

Голос из зала: И не будет, да?

В.Н. Порус: Ээээ, на этот-то вопрос я как раз отвечаю! За этим ничего не стоит — пока! Кроме того, что обнаруживается пустота слов, из которых конструируется некоторая социальная реальность. Рушится лак и штукатурка, которая покрывает дырявые, гнилые, никчемные стены постройки. Массовые движения в нашей стране, скорее всего, не будут носить характер культурной революции. Они могут носить характер разрушительных, стихийных бедствий, которые могут быть вызваны резким обнищанием народных масс вследствие падения нефтяных рынков. Вот это действительно так. Вот тогда выйдут восстания масс, и тогда уже не Навальные, не Собчаки выйдут на улицы, а выйдет на улицы этот самый… НАРОД! Который будет стучать по пустым горшкам и по пустым головам тех, кто эти пустые горшки организует. Пока этого не произошло, нам необходимо подумать о культуре. Потому что только культура — не ОМОН, не полиция, не законы драконовские! — может противостоять хаосу, который наступит в результате культурного … чего-то там. И вот здесь сходятся интересы тех, кто вышел на Болотную, и тех, кто выходил на Поклонную. И тех, кто ползает в коридо-

рах власти, и тех, кто ползает в коридорах так называемой системной оппозиции. Вот таков мой ответ на ваш вопрос.

А. Куликов: У вас в докладе тесно связаны два понятия: катастрофа и восстание. Я считаю, что эта связь действительно вполне прямая, но есть вопрос. Если мы говорим о том, что необходимо прервать катастрофу, которая произошла, то с чем это связано?

В.Н. Порус: Потребуется задать маленький вопрос *(всеобщий смех)* для того, чтобы потом задать большой. Я или не так услышал, или чего-то не понял. Я сказал, что в России это все включает три акта. Грамота ходит одновременно, и в нее вмазаны четыре слова: архаика, традиция, модерн, пост-модерн. Как это вяжется? Здесь нет арифметики: архаика прекрасно с традицией сочетается, пост-модерн включает в себя элементы модерна и архаики…

А. Куликов: То есть, прямой связи нет?

В.Н. Порус: Прямой связи нет. Я не на тот вопрос ответил. Я по Райкину: «Пить, курить и говорить я начал одновременно». Вот это имеется в виду…

А. Куликов: Нееееет, я не про это *(пара секунд невнятных возмущений)*.

А.Н. Ерыгин: Если вместо «пить», «курить» и «говорить» подставить другие четыре слова, то возникнет другая ситуация, но если ответ готов тот, который получился — у меня вопрос снят. Так что … (*невнятная претензия*).

В.П. Макаренко: Ничего не понимаю и объявляю перерыв.

* * *

В.Н. Порус: Жаль, что ушел профессор Старостин и не сможет выслушать ответ. Я понимаю его вопрос не только как его личный, а методологический. Но и другим, я думаю, будет интересно услышать ответ. Напомню вопрос, как я его понял и запомнил: где противоречие — в действительности или в теории? Где катастрофа — в головах ученых, исследующих социальную реальность, или в самой этой реальности? И как эта катастрофа отражена в рассуждениях исследователей? Вопрос фундаментальной важности, и он стар, как сама философия. Всякий раз эта старость омолаживается действительностью. На мой взгляд, и ответ является таким же традиционным. В принципе невозможно отделить диссонанс когнитивного рассуждения о действительности от диссонансов самой действительности. Я бы сказал коротко: наше представление о социальной картине реальности в своей последней глубине стоит на наших предпочтениях. Мечты о том, что может существовать некая объективная теория социальной реальности в том смысле, в каком об объективности говорят применительно к физическим или химическим теориям, на мой взгляд, требует очень серьезных оговорок и уточнений. Объективность социальной науки не того рода, какого объективность естественнонаучного знания. Поэтому отдельно говорить о диссонансе действительности и диссонансах рассуждений о действительности невозможно. Рассуждения о действительности, если они делаются объективными исследователями, вплетены в ткань самой социальной действительности. Поэтому и существует плюрализм этих картин и различные методологические споры между приверженцами уподобления социальных наук естественным наукам и теми, кто видят в ней особую специфику. Этот спор не будет кончен сегодня и не будет кончен завтра. Я думаю, что социальный исследователь — это не только ученый, но еще и конструктор. Изучая действительность, мы конструируем эту действительность. А наши представления о действительности являются не чем иным, как предлагаемыми моделями. И эти модели в конечном счете имеют ценностную природу. Мы знаем заранее, до всякой исследовательской работы, отличие между добром и злом, желаемым и существующим, должным и наличным. Эти вещи являются как бы предпосылками всякого объективного научного исследования. Избавиться от этого не только нельзя, но и было бы просто вредно. В таком случае исследователи противопоставили бы себя как особую группу надмирных наблюдателей самой действительности, которая предстает в их наблюдении. Этого сделать невозможно. Говоря простым языком, мы не можем выскочить из штанов нашего человеческого существования, мы в них

находимся. Если бы нам это удалось, то мы предстали бы в весьма постыдном и неприглядном виде.

И.Д. Коротец: А ночью? *(смех)*

В.П. Макаренко: Ну, это Игорь дурачится…

В.Н. Порус: Да, вот мой ответ. Такие вопросы ставились на предыдущем конгрессе и на пред-предыдущем и на этом. Я думаю, будут ставиться до тех пор, пока философы будут собираться на свои конгрессы. Потому что всякий раз преобладает та или иная тенденция, мода.

Голос из зала: Скажите, а можно продолжить вопрос профессора Старостина в отношении культуры и ее кризиса?

В.Н. Порус: Я не знаю. В ответ мне нужно заново прочитать свой доклад.

В.П. Макаренко: Все же слышали. Зачем повторять три раза?

В.Н. Порус: О духовной культуре общества судят не по тому, какие слова произносятся в этом обществе и какие слова становятся модными и популярными, а по тому, как в реальности происходят события этой жизни, в которых и выражается состояние духовной культуры. Не в словах, а в событиях и делах. Вот это и есть та мысль, о которой я хотел сказать в своем докладе и которую подчеркиваю еще раз. Был задан вопрос о природе культурных универсалий. Действительно, это ключевой вопрос для того, о чем я хотел сегодня рассказать. Иногда говорят: раз вы употребляете слово универсалия, тем самым берете на себя повышенные обязательства применить содержание культурных универсалий ко всем временам, народам, классам и т.д. Это совершенно неверно и опровергается исследователями. Я с этим абсолютно согласен и вовсе не собираюсь этого делать.

Для меня культурные универсалии — это ценность, которая универсальна в пределах данной культуры. Здесь необходимая тавтология: культура — это совокупность ценностных универсалий; а культурные универсалии определяет содержание и существование культуры. Это два понятия, которые невозможно отделить друг от друга. Они универсальны в том смысле, что подчиняют себе смысловой корпус сей ценностной системы. Но они не универсальны в том смысле, что являются общими для культур с совершенно различными системами. Никакой всечеловеческой, надысторической, надсобытийной культуры нет. Культуры всегда исторически обусловлены, всегда конкретные, если угодно. Но в пределах этой конкретности их смысловые каркасы универсальны, только в этом смысле. Они возникают как результат исторически развивающегося процесса примирения индивидуальных устремлений с необходимыми ограничениями этих устремлений, которые обеспечивают жизнь общества как целого. Если такое примирение вырабатывается… Культура — это компромисс. Если такое примирение вырабатывается таким путем, культура остается устойчивой и продолжает длиться в течение достаточного большого времени. Если такого примирения не происходит или оно постоянно нарушается одной из сторон — либо культура относится слишком репрессивно по отношению к индивидуальным предпочтениям, либо индивидуальные предпочтения становятся на путь бунта, высвобождения из-под культуры — то тогда культура гибнет или становится уязвимой для критики изнутри.

А.И. Бардаков: У меня два вопроса. Скажите, пожалуйста, когда идет речь о культурной катастрофе, вы имеете ввиду здесь и социальную катастрофу или это что-то другое?

В.Н. Порус: Я не могу отделить одно от другого. Я этого не понимаю. Я ведь сказал в самом начале, для меня культурная катастрофа или кризис фундаментальны. А все остальные кризисы социальности, политики, экономики, экологии чего там еще, все это произвол.

А.И. Бардаков: Духовность современного народа соотносится вместе с этим с катастрофой?

В.Н. Порус: Да, они коррелируются, это просто одно и тоже. Вот я хотел выступать сегодня совсем с другим докладом, но мой уважаемый коллега и друг Виктор Павлович посоветовал мне обратиться к своему старому докладу, который я уже несколько раз делал. На

мой взгляд, он несколько устарел. Я как раз хотел говорить о духовности как важнейшей проблеме России. Нет духовной культуры, понятия духовности и культуры не коррелированы, а просто образуют некоторую смысловую сопряженность. Всякая культура духовна, а всякая духовность культурна. И ничего другого сказать не могу. Например, материальная культура общества — это то, как общество производит продукты, которые необходимы ему для жизни. Духовная культура — это поэзия, музыка, молитвы, традиции и т.д. Я не умею этого разделять и не понимаю, что это означает. Это иногда полезно для каких-то исследований (например, я изучаю определенные явления культуры). Онтологически это различие не имеет смысла. Я называю культурной катастрофой не смену одних культурных ориентаций другими. Когда погиб Древний Рим, то не погиб народ. Хотя одни культурные ориентации сменились другими. Рим в раннехристианскую эпоху оставался Римом. Просто античная культура уступила место христианской. А я говорю о прекращении доверия к культурным ценностям как к предельным ориентациям человеческого поведения и мысли. Когда к самой ценности как таковой утрачено доверие, когда существует непреодолимая пропасть между личными устремлениями и ориентациями жизни, и теми рамками, ограничениями и принципами поведения, которые диктует культура. Когда в ней существует разрыв непреодолимый, — вот это я и называю культурной катастрофой.

В.Ю. Попов: Каков источник культурных ценностей?

В.Н. Порус: Существуют различные ответы на этот вопрос. Одни говорят, что культурные ценности продиктовал Господь Бог; например, запечатленные в Ветхом Завете. С вашей точки зрения, как я понял, их диктует сама культурная действительность, которая существует в массах, народе. Не будем сейчас уточнять, что такое народ, массы. По сути дела, я думаю, что культурные ценности возникают исторически, очень долго возникают. Иногда этот процесс затягивается на десятилетия, столетия и даже тысячелетия. Вот это результат компромисса между совокупностью индивидуальных устремлений человека и необходимостью рамок, в которые эти устремления помещены, для того чтобы это существование не стало враждебным, антагонистическим. Вот когда этот процесс стабилизируется, на какой-то стадии своего развития, тогда мы говорим о формировании устойчивых культурных ориентиров, то есть того, что мы зовем ценностями. И когда это происходит, ценности приобретают власть. Символическая ценность — это результат того, что мы сами сотворили, но обладающая над нами такой же властью, которая подобна власти объективных законов природы над нашими телами и душами. То есть понимаете, законы природы, возможно, создает Бог, я не знаю. Это вопрос не ко мне. А вот законы культурного существования задают люди. Но когда они их уже создали, то им подчиняются до тех пор, пока подчиняются. И в этом смысле всякое восстание или бунт против культуры — это постановка под знак вопроса устойчивого модуса человеческого существования.

В.П. Макаренко: Вопросы завершаем, тем более, что некоторые из них не относятся к теме или свидетельствуют о невнимании слушателей. Разрешите прокомментировать некоторые пункты доклада. Для чего я попросил Владимира Натановича сделать доклад по статье шестилетней давности? Потому что заданные докладчику вопросы и сам ход дискуссии свидетельствуют: она осталась в ростовском философском обществе не прочитанной. Может быть, прочли один-два человека, но я их здесь не слышал. Аудитория задает докладчику плоские, а то и просто дурацкие вопросы. Сам характер вопросов свидетельствует, что даже если статья прочитана, то не усвоена. Аудитория пришла поразвлечься, а не участвовать в работе.

А.Н. Ерыгин: Статья непростая, статья сложная…

В.П. Макаренко: О, начинаются упражнения в риторике… Я попытаюсь показать, что статья Владимира Натановича очень интересна, поскольку позволяет обсуждать новые темы и сюжеты. Для начала напомню, что Семен Франк отмечал: критика породившей ее культуры есть родовая сущность философии. Профессор Порус продемонстрировал реализацию этого

девиза. Его доклад был посвящен критике оснований культуры, а также критике способа рефлексии о культуре. Вот это две капитальные проблемы. Если мы беремся обсуждать содержание доклада, то надо как-то рефлектировать в отношении этих двух проблем. А не заставлять докладчика заниматься разъяснением элементарных вещей и использовать его для ликвидации собственного невежества, то есть относиться к докладчику чисто потребительски.

Я хочу на примерах показать дискуссионность этих проблем. В докладе использовался эпизод из «Судьбы человека» Михаила Шолохова. Помещаются советские военнопленные в храм, один из них хочет выйти по нужде и получает очередь в живот. Мой тезис по поводу этого эпизода можно сформулировать так: писатель Шолохов в данном случае поступал как махровый советский идеолог. В смысле В.Набокова, который писал, что главным героем всей советской литературы является полицейское государство. Напомню, что рассказ «Судьба человека» был опубликован после XX съезда КПСС. В официальном советском литературоведении считается, что в этом сочинении пропагандируется гуманизм. А на деле Шолохов воспроизводил в новых условиях лозунг военного времени, сформулированный Константином Симоновым в стихотворении «Убей немца». Этот вирш еще одного сталинского акына заканчивался призывом:

Так убей же хоть одного!
Так убей же его скорей!
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей!

Моих знаний не хватает, чтобы ответить на вопрос: сколько аналогичной продукции было создано в других странах с призывами убить русского, англичанина, американца, японца и всех остальных, участвующих в войне? Приходится работать без элементарных сравнений. Однако в приведенном примере ответственность за святотатство перекладывается на внешнего оккупанта, а со своих «внутренних турок» и «внутренних немцев» снимается. Если вспомнить русскую публицистику периода русско-турецкой войны 1876-78 гг. и первой мировой войны — модных нынче тем в российском массовом искусстве. А сколько церквей было разрушено во время советской власти, сколько было определено под овощные склады, сколько клира сгинуло на Соловках? Я — безрелигиозный человек. Но это не мешает мне констатировать общую тенденцию: после 1917 года в СССР преступления советской власти в отношении религии были намного больше, чем в период войны со стороны немцев в отношении советских верующих. Факты свидетельствуют о другом: при оккупации советских территорий Вермахт разрешил деятельность церквей, были открыты храмы. Не менее хорошо известно, что при немцах большинство клира РПЦ пошло на сотрудничество с оккупантами. Но ведь другая часть вынуждена была пойти на коллаборационизм с советской властью. Поэтому приведенный пример мне кажется дискуссионным. Хотя он позволяет сформулировать проблему: что лучше (хуже) — сотрудничество с внутренними или внешними немцами?

Теперь напомню, что в феврале 1945 года Советская армия вошла в Пруссию и начала вести себя по отношению к местному населению ничуть не лучше, чем вели себя фашисты на оккупированных территориях. Лев Копелев в книге «Хранить вечно» описал ситуацию и первым имел мужество выступить против такого поведения. Его обвинили в «буржуазном гуманизме» и бросили в кутузку. Значит, Шолохов сознательно пренебрегал этим опытом. Более культурные люди говорили уже в период войны: мы не можем поступать как фашисты.

Теперь в России опубликовано много мемуаров, исследований и документов, в которых показано что Сталин пошел на разрешение Русской православной церкви в 1943 г. не из-за своего семинарского прошлого и не в порядке осознания своих грехов, а с учетом будущей советской оккупации Восточной Европы. И вытекающих отсюда политических дивидендов,

связанных с реализацией этой дьявольской политики. Я думаю, весь этот материал можно использовать, чтобы оспорить эпизод из рассказа «Судьба человека» Шолохова.

В ответ на эту идеологическую стряпню надо вспомнить также, что «наша» власть целыми составами отправляла в Сибирь калмыков, чеченцев и другие народы. И горские женщины помирали в вагонах потому, что не могли помочиться на виду. Разве можно упускать из виду эти факты, если мы обсуждаем кризис культуры? Разве наша родная власть не инициировала этот кризис?

При подготовке к конференции я думал, с какой стороны подойти к проблеме. Вот публицистика Иосифа Бродского. У него есть статья «Катастрофы в воздухе». Она может быть предметом разбора при обсуждении доклада Владимира Натановича. То, что Порус называет отождествлением культуры и духовности, Бродский называет катастрофами в воздухе. По его мнению, кризис идей — это разновидность катастрофы в воздухе. Что это такое? Это гроб. При катастрофе в воздухе почти никто не выживает. В статье приведена интересная аргументация в пользу того, что именно кризис идей ведет в могилу. Она может быть предметом обсуждения при анализе доклада Владимира Натановича.

Что еще попутно можно сказать? Мне очень понравилась твоя метафора «шесть соток индивидуального существования». Она очень емкая. По поводу шести соток можно развить целый способ рассуждения. И поставить под вопрос всю либеральную традицию приватности. Да и не только либеральную традицию, но и ту разновидность русского звериного или животного индивидуализма, который описан детально в трудах Андрея Платонова. Европейский либерализм и наш русско-советский — это абсолютно разные вещи. Замечу также, что практика выделения куска земли жителям городов для проведения уикендов начала складываться в нацистской Германии. Об этом я узнал из чтения дневника Михаила Пришвина. А он считал, что настоящим врагом советской власти является мещанство (он связывал его как раз с клочком земли), а не фашизм. Прав ли он был?

Теперь еще проблема, на которую я не нашел ответа и она меня мучит…

В.Н. Порус: Я сейчас скажу…

В.П. Макаренко: Нет, подожди, не спеши! Когда Владимир Натанович прибегает к диалектическим тропам, используя обороты всякая духовность культурна и всякая культурность духовна, — в ответ на это я хотел бы заметить: существует целая традиция духовного насилия. А как же тогда отделить духовное насилие в его разновидностях манипуляции, инквизиции, системы пропаганды, воспитания от духовной культуры? Мне кажется, что объединение культуры с духовностью, а духовности с культурой не решает проблему духовного насилия. Как к нему относиться? Я на это ответа не нашел.

В.Н. Порус: Понял, очень важный вопрос. Сейчас отвечу. Чрезвычайное наслаждение я испытываю, полемизируя с Виктором Павловичем. Потому что он своими вопросами и критическими замечаниями просто заставляют меня уточнять то, что не было уточнено. Насчет примера с шолоховским рассказом и с фильмом по этому рассказу, — здесь никакой проблемы нет. Здесь я не занимаюсь вопросами об отношении тоталитарного режима и христианской церкви, отношения между оккупантами и оккупируемыми. Для меня это абсолютно неважно. Можно было бы привести пример из Варлама Шаламова с его Пугачевым. Можно привести пример из воспоминаний выживших узников Освенцима или воспоминания ленинградских блокадников и т.д. Все это не имеет значения. В данном случае выбор примера не играет роли. Суть простая: существует грань, за которой человек не может переступить тот принцип, который является стержнем его духовного существования или может переступить. Обычно, когда говорят о «Судьбе человека», то Соколова называют главным героем. А для меня человек, который получил очередь в живот, является культурным героем. Человек знал, что его расстреляют, но не смог переступить принцип. Можно подумать: дурак какой-то, зачем он отдал свою жизнь? Я думаю, что культурный герой — это человек застреленный за то, что он не хотел справлять нужду в храме.

Теперь более важный и интересный вопрос об отношении духовности и культуры. Существует предрассудок, который живет особой жизнью в разных социальных, культурных средах. Предрассудок состоит в следующем: культура — это всегда хорошо, со знаком плюс. Когда говоришь, что этот человек бездуховный, — то это плохой человек. Когда говоришь, что этот человек духовный — хороший человек. И вот это различение «плюс» и «минус» оказывается почему-то существенным. На самом деле это совсем не так. Существуют зверские культуры, зверские с точки зрения другой культуры, которая на это зверство смотрит с осуждением. Вспомните, например, о культуре северных народов, которая вынуждала и понуждала убивать своих родителей. Это зверство, но это был и культурный принцип, и человек, который восстал бы против этого принципа, был бы низвергнут этой культурой.

Духовность тоже не всегда бывает со знаком плюс. Бывает злой дух, бывает духовность отвратительная, исходя из определенного морального кодекса. Например, когда Манфред — носитель отрицательной духовности — восстает против основ мироздания. И тут непонятно: это возносит его на высоту или наоборот — низвергает его в пучину сомнений, отрицаний и разрушений. И то и другое зависит от точки отсчета, от системы нравственных координат. Поэтому культура и духовность могут сходиться и расходиться. Все зависит от отношения между культурой и той свободой, которая позволяет человеку поддерживать эту культуру или восставать против нее. Причем, позиции эти — «плюс» или «минус» — могут меняться со временем. Примеров исторических огромное количество, вплоть до того, как цареубийство было оценено как героический поступок, восстание свободного духа и отзвук на те глубинные противоречия, которыми разрушалось русское общество. И так бывало очень часто.

В.П. Макаренко: Не везде, не во всем обществе…

В.Н. Порус: Везде они никогда не меняются. Ведь существуют до сих пор такие слои общества, в которых духовный подвиг Иисуса оценивается как глупая случайность или сознательный обман. Так что никогда общество не единодушно в своих культурных и нравственных оценках. Ни в коем случае я не отождествляю положительную оценку духовности с самой духовностью. Духовность может иметь различные оценки, как положительные, так и отрицательные. Что я отстаиваю и на чем я стою — концепты духовности и культуры образуют смысловую сопряженность. Они не имеют смысла друг без друга. Нельзя говорить о духовности вне культурного контекста и нельзя говорить о культуре вне контекста духовности. По сути, это разные схемы одного и того же целого. Вот это главное методологическое содержание, на которое я хотел бы обратить внимание.

Был еще один вопрос…

В.П. Макаренко: Да. Когда возникают культурные коллизии, то обычно пользуюсь таким примером. Пришли новобранцы на корабль. Боцман их выстроил, прохаживается вдоль строя и разъясняет: «Шо такое флот и шо такое армия? На флоте матрос грамотнЕе и культурнЕе. Вот я, например, физику знаю, фимию знаю, бога мать…». Проиллюстрируй, пожалуйста, охватывает ли твоя концепция эту ситуацию, включая термины «грамотнЕе» и «культурнЕе»?

В.Н. Порус: Да, конечно, работает.

В.П. Макаренко: Разъясни!

В.Н. Порус: Когда начинают обостряться противоречия между ценностями и их смыслами, то словесные оболочки отскакивают, отсыхают. Возникает огромное количество имитаций, подражаний, стремлений сделать культурнЕе и грамотнЕе, на самом же деле, это не является ни грамотным, ни культурным. Примеры из твоего любимого Платонова бесконечны. Например: счастье произойдет от материализма.

В.П. Макаренко: А если их как парадоксы культуры трактовать?

В.Н. Порус: Можно. Да, бывает так, что культура для поддержания своего же собственного существования вынуждена прибегать к своим имитациям. Вот кстати, тут о большевиках почему-то заговорили в кулуарах. Это очень интересная тема. Большевики очень часто

прибегали к культурным имитациям в ходе культурной революции, которая действительна была осуществлена. Например, такой культурной имитацией-пустышкой или символом стал А.С. Пушкин. Из него вынули все пушкинское, все его содержание, всю его глубину смысла, которая в нем заключена как в уникальном культурном явлении и оставили пустые оболочки. И масса играла этими оболочками, думая или полагая, питая иллюзию о своей культурности. Замечательно эти вещи выражены у Зощенко, в цикле его рассказов о новом человеке. Там происходит игра словами, культурными символами без всякого понимания смысла этих символов и отношения к ним. Игра с этими смыслами стала массовым явлением. И это выдавалось за культуру. Культура иногда прибегает к символике. Например, люди, которые приходят в храм и молятся, носят крестики, постятся, соблюдают обряды, — кто из них верит? Я задавал вопрос священникам. Они отвечали: очень немногие. То есть игра символами стала массовой. Ведь страшное дело — принять на себя бремя христианской веры, стать христианином по совести, по вере, по мысли. А вот играть с христианской символикой — это прекрасно. Это как знаки различия «свой-чужой». Это игра символами, это пустышки. Симулякры. Это не только с верой связано, это связано с политикой и экономикой… Например, что означает «труд»? Человек говорит: «Я трудился 50 лет, а мне дали пенсию маленькую». А когда спросишь: что ты там делал, за эти 50 лет, что ты там натрудил? Ответ — «Дурака валял в общем-то». Но символ был выдержан.

В.П. Макаренко: Большое спасибо! Правильно ли я тебя понял, когда сделал акцент на индивидуальном или использовании культуры ради того, чтобы нам было хорошо? Статистические исследования показывают, что 40-60% именно так и понимают культуру.

В.Н. Порус: Повторю тезис из своего доклада. Один из симптомов культурного кризиса, культурной катастрофы — это замена смыслов культурных ценностей их симулякрами или пустыми оболочками. Это началось давно. Одним из классиков, отцов этого отношения был не кто иной, как Вольтер. Который сказал, что если Бога нет, то его следует выдумать. Это значит: использовать культурный символ для достижения социальных, политических и иных целей. Расскажу вам один такой случай. Пожилая женщина увидела у меня на полке библию. Библия была католическая. Она попросила у меня Библию, я ей дал. Она ответила: «Я это в руки не возьму. Это дьявольский крест, дьявольская библия». Я говорю: «Хорошо, у меня есть и православная. Но скажите, почему? Что вас не устраивает?» В ответ: «Я не знаю».

Символ, оболочка становится важнее того, что написано. Так происходит во всех сферах нашей жизни, не только в религиозной. Вот это и есть признак умирания или загнивания культуры. Краха, когда вместо культуры действительность заполняется ее останками, ее символическими репрезентантами. Когда, например, берут медальончик с Джокондой, на Джоконде усы и на груди какое-то неприличное слово, но они же таким образом приобщаются к культуре. Они же что-то знают о Да Винчи, о Джоконде, о Лувре, о веках культуры и т.д. Символ есть, а раз он пустой — с ним можно делать все, что угодно. Все эти вещи являются примером игры. Игры воображения, которое все что угодно может представить в любом виде. Джоконда с усами, Иисус в непристойном виде — это все игра.

В.П. Макаренко: Кто-нибудь хочет еще высказаться?

А.Н. Ерыгин: Я хотел бы сказать несколько слов по поводу главных мыслей, высказанных В.Н. Порусом в его докладе, четко очерченных в рамках концептологического рассмотрения. Но я в данном случае не ограничиваю выступление рамками концептологического рассмотрения, мой интерес не лежит в чисто теоретическом плане. Я не буду уходить глубоко в чисто теоретическую область. Хочу постоять на границе. Бердяев задолго до всех наших споров о конфликтном, кризисном и катастрофическом характере культуры сформулировал тезис о культуре как величайшей неудаче человечества. Мы можем рассматривать это тоже как термин, который чисто концептологически в его произведениях не несет большой теоретической нагрузки. Но сам этот термин о культуре как неудаче у Бердяева наполнен опреде-

ленным понятийным смыслом и подчеркивает гигантскую историческую рамку. Что есть неудача культуры, по Бердяеву? Неудача культуры — это все, что человеческая история с определенного момента создала в ходе реализации всех возможных линий ее движения. Все эти линии в сущности неудачны. Поскольку величайшая катастрофа из катастроф стояла у истоков истории и райское время ушло, как бы мы к нему не относились. Наступило чисто историческое время, где касание с вечностью не присутствует. В этом временном состоянии мы фиксируем факт неудачи культуры движения человечества. Попытки человека реализовать свою сущность закончились попаданием в полосу отчуждения, кризиса, противоречия и самоустранения исходных базисных человеческих характеристик, с которыми человек когда-то начинал свой путь. Культура — это великая неудача.

Теперь возникает вопрос. Если так оценивается вся культурная жизнь человечества, то какое значение в этом контексте может иметь термин катастрофа? Видимо, для обозначения каких-то похожих, но других вещей. Но по докладу В.Н. Поруса видно, что речь идет о других вещах. Перекличка несомненная есть, но сейчас я ее касаться не буду. Но речь идет о других вещах. Наиболее выпуклой вещью, которую ты затронул предельно неудачно *(обращаясь к В.П. Макаренко)* по поводу Шолохова. В.Н. Порус еще раз разъяснил. Когда Виктор Павлович отметил убийство христианина немцем и наоборот. С другой стороны, политика немцев, открывавших церкви и наших иерархов, которые сотрудничали с оккупантами. Слова отрицательного толка ты приписал православной церкви. Они свидетельствуют о том, что ты ушел из концептологического способа рассмотрения вопроса в сугубо политический, острый и, может быть, имеющий право на свое существование. Но в нем ты неожиданно, не заметив сам, подчеркнул одну интереснейшую вещь, касающуюся приведенного примера.

Так вот, если внимательно посмотреть на поведение христианина, который не хотел мочиться в храме и на поведение тех православных иерархов, которые в период оккупации фашистской Германии определенные территории открыли церкви и работали там как иерархи — это одно и тоже. Это великая культура, которая реализовалась в этих невыносимых условиях. Вот здесь есть величайший пример совпадения духовного и культурного.

В.П. Макаренко: Спасибо! Помимо того, что ты здесь рассказывал, ставлю тебе боевую задачу: написать статью. Она будет опубликована. Но это полемика, я вынужден отвечать. Об удачности и неудачности моих примеров. Набор фактов в истории — это источник рефлексии. Я читал многотомные истории. И для меня важен образ истории Вальтера Беньямина, разорванности исторического восприятия. Примеры о поведении православной церкви при оккупации относятся не только к политическим, но и к историческим. Существует целое направление исследований под названием социология церкви, наряду с социологией религии. В этом смысле социология РПЦ является их частным случаем. Это мы пока вращаемся на уровне доктрин. Не стоит сбрасывать со счетов историю церквей. Хочешь ответить? *(обращаясь к В.Н. Порусу)*

В.Н. Порус: Но только несколько слов. Устали все уже?

В.П. Макаренко: Да. Я чувствую тоже.

В.Н. Порус: Я отмечу только один факт. Когда мы с Виктором Павловичем выступали на ростовском телевидении, там была хорошо поставлена PR-кампания. Приходите, регистрируйтесь, отвечайте, … очень интересная тема … касается каждого из нас. Но никакого результата нет. Это означает только, что проблема культурной катастрофы, еще далека от осознания. Пока ростовчане, живущие в этом регионе уверены в том, что никакой культурной катастрофы нет, до этих пор можно быть спокойным. И особенно не переживать. Но все-таки философское сообщество, мне кажется, должно быть заинтересовано в обсуждении таких тем. Как выяснилось из выступлений, в этих выступлениях я нашел некоторые новые смыслы в своем тексте. Больше понял, наверное, что я сам хотел сказать. Спасибо всем! Мне еще кажется, что эта тема является целиной, не поднятой целиной; здесь еще работать и работать. О Бердяеве я писал в свое время и еще, уверен, буду писать. Я не отношусь всерьез к его сло-

вам, относительно культуры как главной неудачи человечества. Эти фразы носят больше эмоциональный характер.

В.П. Макаренко: Надувание шаров…

В.Н. Порус: Я не буду уже пояснять… Нельзя считать неудачей, когда человек действует вопреки культурным координатам: ему говорят иди к северу, а он потащился на юг. Но это не неудача целой системы, а неудача конкретного человека. Но должное должно существовать, в этом смысл кантовской философии. Должное должно быть в этом смысл культуры. Культура задает систему координат, в рамках которой человек и определяет на свою ответственность свое поведение. Без этого человек не существует. Нет человека. Вот в этом был пафос моего сообщения, в этом была моя цель, моя задача. Но как я ее достиг, это уже не мне судить, а вам. Спасибо за внимание! Мне всегда очень приятно приезжать в Ростов, потому что здесь публика всегда заинтересованная, чего не всегда можно увидеть в столице. Спасибо еще раз за внимание и извините. *(овации)*

В.П. Макаренко: Спасибо, дорогой Владимир Натанович! Теперь я хочу передать привет всем присутствующим от профессора Эдуарда Колчинского, который сейчас мне звонил. Затем я предлагаю нам на сегодня заглохнуть. Всем спасибо!

Навстречу 90-летию со дня рождения М.К. Петрова

МАЛОИЗУЧЕННЫЕ АСПЕКТЫ ТВОРЧЕСТВА М.К. ПЕТРОВА: ЗАМЕТКИ СТУДЕНТА И ЧИТАТЕЛЯ (статья третья)

В.П. Макаренко
Южный федеральный университет

Аннотация: *Предметом анализа выступает пиратская гипотеза М.К. Петрова. Рассматривая обоснованность критики данной гипотезы Э.В. Ильенковым, автор статьи предлагает рассматривать пиратскую концепцию М.К. Петрова в контексте результатов исследований Ф. Броделя и Л. Хайда.*

Ключевые слова: *петрововедение, науковедение, научное сообщество, пиратство, человек-государство, анархизм, Э.В. Ильенков, Ф. Бродель, Л. Хайд.*

Одна из сквозных тем творчества Петрова — анализ идеи бога как высшего авторитета. Он считал, что эта идея производна от становления реальных авторитетных инстанций. Появление нового типа социальности в античности было связано «…не с вторжениями и постепенной эволюцией способа производства, а со скачкообразными изменениями социальной структуры в специфических условиях Эгейского моря, когда в нем появились большие корабли, а с ними пираты, и островное земледелие попало в такие условия, в которых стало невозможно жить по-старому, в профессионально-кастовых рамках традиционного общества ближневосточного или египетского типа» [Петров 1995: 64].

Э.И. Ильенкову такое утверждение не понравилось: «Это „не… а“ действительно не европейский способ мышления, а эклектический. Чем же эти скачки обусловлены? Откуда же сами пираты? Не оттого ли, что островное земледелие не могло прокормить будущих пиратов? Пираты сами следствие того же кризиса, который ты изобразил как следствие пиратства. Выдал — в стиле лучшего религиозного мифа — следствие за причину своего собственного следствия… Сын породил отца. Ты еще фыркаешь на Гегеля…

Пираты, крайний продукт разложения известной формы „репродукции“ материальной жизни, — превращены в принцип создания новой формы жизни и „репродукции“, — т. е. воспроизводства жизни. В этом есть та доля истины, что именно от продукта разложения формы жизни исходит инициатива ее разрушения. Но не созидания новой. Принцип „круши их рай, Атилла“, — а там видно будет — это принцип Бакунина, Ткачева и т. п. — то есть как раз классиков казаременного „коммунизма“. Того самого, против коего выступали и Щедрин и Маркс именно с позиций защиты культуры (т.е. форм воспроизводства — „репродукции“ в формах культуры, в ее рамках, а не вне их».

На вразумление Петров отвечал: «Почитай, потом нервничай!» «Откуда вся эта чушь? Прочитай сначала» [там же].

Э.В. Ильенков обвинял Михаила Константиновича в активизме пиратского толка, анархизме и революционаризме. Что же пропустил мимо ушей Эвальд Васильевич?

Рукопись «Искусство и наука» была завершена 2 декабря 1968 г. — более двух лет спустя после рукописи «Пираты Эгейского моря и личность», в конце которой стоит дата 7 сентября 1966 г. Именно в ней Петров сформулировал гипотезу о генезисе европейской личности. В этой работе Петров проанализировал ряд конкретных проблем: социальное и политическое значение письменности и грамотности; мера нормальности и ненормальности цивилизаций; сравнительный анализ цивилизаций с точки зрения специфики политической и научной деятельности; отношение между пиратами-мореходами, земледельцами и государством; разрыв между словом и делом как конституирующий элемент цивилизации, основанной на науке; творчество и административная мистика. По каждой из проблем он высказал нетривиальные выводы. Рассмотрю концепт «человек-государство», поместив его в контекст спора между Ильенковым и Петровым.

Просто чтение

Петров *выводил* религиозную эсхатологию из психологического напряжения, которое присуще мореплаванию вообще и пиратству в особенности. Эти профессии наладили жесткий отбор характеров. В живых и свободных оставались творческие люди, остальные угнетались или уничтожались. Отсутствие оригинальности и инициативы стали невозможны — они были прямой дорогой на тот свет. На море возникла начальная школа творчества, в которой любая плохая оценка становится катастрофой.

Мореплавание способствовало генезису палубной структуры, которая состоит из: железной дисциплины (примат слова над делом, подчинение всех воле одного человека); использование подчиненной слову силы для решения ситуаций; оперативного предвидения вместо долговременных прогнозов. Возникает творческий хаос и синтез нового порядка. В результате действия палубной структуры пират превратился в единого, всемогущего и всеведущего творца. По отношению к нему все стали рабами божьими — «организованной пиратом-богом в акте творчества и отчужденной для исполнения рабами его воли системой практических отношений к миру: „христианским миропорядком“» [там же: 227].

Процесс обучения творчеству состоит из двух потоков: продуктов творчества; продуктов административной тоски. В первом потоке каждое событие уникально, поскольку пират обладает самостоятельностью, изворотливостью, изобретательностью, смелостью, решимостью. В состав второго потока входят всем известные убеждения и стереотипы поведения: «начальство лучше знает»; поиск коллективной ответственности за неудачи; тоска по всезнанию, поскольку приходится прогнозировать уникальные события. Структура административной тоски напоминает структуру научной гипотезы, в которой всегда существует причинный вывод из новых и неизвестных посылок: «Прогнозирование в науке приобретает тот же синтетический смысл, что и деятельность пиратов на побережье Эгейского моря; разрушая естественный ритуал непознанного, наука синтезирует его в новый ритуал познанного и поставленного на службу человеку, то есть проделывает с природой разрушительно-творческую операцию того же типа, что и пираты проделывали над олимпийской государственностью» [там же: 232].

При анализе любого общества (цивилизации) следует исходить из конфликта между двумя видами письменности: как особой профессии государственных писарей; как социального института. Всеобщая грамотность способствует становлению законов теории: запрет на повтор; связь каждого нового текста с наличными. Эти законы подталкивали античных авторов к принудительному творчеству. Канонизация любого текста в священное писание блоки-

рует универсальную способность творчества. Поиск нового всегда связан с отрицанием всех существующих социальных отношений как ложных и неполных. Каждый обязан создавать свое особое отношение к миру. Оно является признаком гражданина и постоянным источником теоретической и политической смуты. Каждый человек-гражданин знает социальный ритуал и способен исполнить любую государственную должность.

Все виды деятельности требуют призвания и таланта. Политика — дело всех и каждого. Чтобы стать политиком не требуется ничего, кроме возраста. В любом случае человек не должен подгоняться под требования государственной машины, а эта машина должна соответствовать способностям человека. Человек-государство сам себе законодатель и исполнитель. Из таких индивидов состоит городская цивилизация.

Аграрная цивилизация устроена иначе: в любой момент можно переписать наличную «сумму технологий» — практических отношений к миру; номенклатура списка — это технологическая матрица, все элементы которой одинаково необходимы для существования общества и не могут быть уничтожены без компенсации новыми технологиями; технологическая матрица не менялась до XVII в.; Олимп — это универсальная система социальной памяти, сохранения и воспроизводства наличной социальной структуры и ее технологического ритуала; в этой системе все технологии распределены по конечному списку имен; имена объединены в матрицу кровно-родственными отношениями; при отсутствии всеобщего образования, газет и телевизора этот институт воспитывает новые поколения в преемственной связи с уходящими; возникает живое, органическое и действенное единство отношений к миру; нет идеи всеобщего — действия, вещи, технологии, человека, бога вообще.

В такой системе рост теоретических и практических отношений к миру может происходить только при сохранении целостности технологического ритуала. Процесс накопления нового фрагментарен и пассивен. Для объяснения этого процесса Петров вводит понятие рационализации. Рационализация закрывает дорогу новому. Накопление новых отношений к миру — постоянный спутник деятельности человека. Интегрирующим основанием могут быть различные условия: зависимость от ремесла, связанная с необходимостью замены выходящих из строя орудий новыми; опасность внешнего нападения; природные условия. Первая группа условий остается постоянной величиной для всех аграрных цивилизаций, вторая и третья могут варьироваться и давать различные социальные структуры: «В этих условиях понять состав «ключа», привязывающего земледельческий род или общину к государственному аппарату, значит во многом понять специфику данной социальности, ее стабилизирующие и возмущающие элементы» [там же: 197-198].

Петров сравнивал Грецию с Китаем по принципу специфики политической деятельности и анализировал аргументы о «научности» государственного управления Китая. В античности наука стала переносом в горизонт естественных явлений норм мысли и психологических установок, которые первоначально были выработаны в области социальных отношений. В Китае науки не было. Средиземноморское государство складывается как оборонительно-военная структура для защиты земледелия от внешних нападений. Глава китайского государства — это космологический регулятор типа министра по солнечным затмениям: «Критский ключ — военный, он расположен в горизонте внешнеполитических отношений. Китайский ключ — «естественен», он расположен в горизонте стихийных сил природы» [там же: 199].

Петров сравнивал два вида обеспечения: госаппарата продуктами земледелия; земледелия продуктами государственного регулирования стихий природы. Пока все идет гладко, государство и община равнодушны. Но талант и изобретательность уже ставятся на службу стабильности. Полоса отклонений от нормы не допускает обобщений по единому основанию, из-за чего теория невозможна. Эффект совместных усилий администрации и общин стремится к нулю: технологический ритуал и бюрократия обеспечивают взаимную стабильность. В итоге возникает тупик — прогрессирующий паралич самосознания, из-за чего невозможно

появление человека-государства с его способностью занимать в любое время по жребию государственный пост.

Человек-государство — это множество гражданских доблестей, которые невозможны без переплетения профессиональных и государственных навыков: «…полоса наложения не может ни возникнуть, ни развиваться в рамках государства как социальный институт или его внутреннее свойство, то есть новая социальность личного типа в принципе не может зародиться в недрах старой социальности профессионально-частного типа» [там же: 205].

Государство необходимо лишь тогда, когда оно может выдержать опасность. Крит был первым в истории морским государством, созданным ради защиты земледелия от морских набегов. Но искоренение этой угрозы означает разрушение основы государственной надстройки. Тем самым государство впервые попало в «чертов контур» (метафора Петрова) положительной обратной связи со следующими свойствами: возникла потребность в децентрализации военных сил; любое нападение вызывает ответ по укреплению именно этого слабого места; выравнивание оборонительного потенциала рассчитывается на большую (а не среднюю) опасность. За счет этого в пределах рода-общины накапливаются гражданские свойства. Автономность земледелия повышается за счет поглощения военно-оборонительной функции. Одновременно расширяется воспроизводство опасности морских нападений. Пираты выступают промежуточным продуктом и опосредующей сущностью. Возникает конкуренция между государством, пиратами и земледелием.

Чтобы выжить, государство вынуждено сохранять пиратов (как источник опасностей) и земледельческую общину (как предмет защиты). Но ни пираты, ни община не связаны с государством общностью судьбы. Они выступают могильщиками государственности. Государство оказывается третьим лишним. Горстка пришельцев с моря в состоянии определить судьбу огромного государства. В результате каждый человек обладает свойствами пирата, земледельца и гражданина. Такое переплетение становится естественной чертой социального развития. Возможность тройного синтеза (земледелие-государственность-пиратство) — наиболее устойчивый продукт эгейской социальной кухни[1].

Так возникает совершенно новая способность «…в любой момент раскалывать единство теоретического и практического отношения к миру и активно отчуждать через слово практическое отношение к миру для исполнения другими людьми, оставляя за собой монополию на теоретическое и на продукт отчуждения практических отношений» [там же: 218]. При этом возникает перенос центра тяжести на слово, которое мыслится носителем добра и определителем дела, тогда как в деле появляется и проявляется зло своеволия и неисполнения слова. Параллельно с ростом авторитета слова происходит развенчание дела. Дело переводится его в разновидность причины беспорядочной, на все согласной и обязанной подчиняться слову материю древних. Из перечисленных посылок и феноменов Петров выводил определение философии как осмысления разрыва между словом и делом. В ней изначально отражены: способность говорить одно, а делать другое; творчество по слову, в котором помехи возникают при исполнении.

Теперь суммирую основные идеи концепта «человек-государство». Корни религиозной эсхатологии восходят к психологическому напряжению, которое связано с вероятностью нападения. Универсальный процесс обучения творчеству включает потоки продуктов творчества и административной тоски по всезнанию. Наука проделывает с природой ту же разрушительно-творческую операцию, которую проделывали пираты над аграрным государством.

[1] Петров иллюстрировал эти общие положения анализом текстов Гомера. В «Одиссее» царская власть впервые начинает толковаться двусмысленно в отличие от власти в собственном доме. Ставятся под сомнение принципы «власть от бога» и «естественности власти». Оба принципа заменяются принципом ответственности человека за собственные поступки — власти по установлению вначале в рамках дома, а затем как принцип договорной государственности «по закону». Ставится под сомнение зависимость человеческой жизни от судьбы. Признается право человека на самоопределение.

Творчество не есть продукт свободного выбора, оно возникает под давлением обстоятельств. Канонизация любого текста в священное писание блокирует творчество как универсальную способность. Сумма технологий не менялась с античности до XVII в. Всякая рационализация закрывает дорогу новому. Специфика социальности (включая ее стабилизующие и творческие элементы) определяется связью между земледельческим родом (общиной) и государственным аппаратом. Если талант и изобретательность ставятся на службу стабильности, общество попадает в тупик. Гражданские доблести невозможны до тех пор, пока нет наложения совокупности профессиональных и государственных навыков. Государство необходимо лишь тогда, когда оно может выдержать опасность. Государство впервые попадает в чертов контур тогда, когда возникает конкуренция между государством, пиратами и земледелием. Чтобы выжить, государство вынуждено сохранять пиратов (как источник опасностей) и земледельческую общину (как предмет защиты). Но судьба пиратов и общины никак не связана с государством. Они выступают могильщиками государственности. В любом случае человек не должен подгоняться под требования государственной машины, а эта машина должна соответствовать способностям человека. Город состоит из множества индивидов-государств, которые сами себе законодатели и исполнители.

Как относиться к данному концепту? Чтобы его оспорить, надо быть готовым защищать комплекс противоположных утверждений. Сформулирую их по принципу отрицания главных идей Петрова: религиозная эсхатология не связана с психологическим напряжением перед возможным нападением; процесс обучения творчеству свободен от продуктов творчества и административной тоски по всезнанию; генезис науки не связан с деятельностью пиратов и их разрушительно-творческими операциями над аграрным государством; творчество есть продукт свободного выбора, а не давления обстоятельств; канонизация любого текста в священное писание не блокирует универсальную способность творчества; сумма технологий менялась с античности до XVII в.; всякая рационализация открывает дорогу новому; социальность не состоит из стабилизующих и творческих элементов; никакой связи между земледельческим родом (общиной) и государственным аппаратом не существует; развитие общества связано с постановкой таланта и изобретательности индивидов на службу стабильности; гражданские доблести существуют независимо от взаимосвязи профессиональных и государственных навыков: государство нужно даже тогда, когда оно не обеспечивает безопасность индивидов; конкуренция между государством, пиратами и земледелием не существует; государство безразлично к проблеме собственного выживания; пираты и земледельцы являются творцами государственности; государственная машина не должна соответствовать способностям человека, а человек должен подгоняться под ее требования; город не состоит из множества индивидов-государств, а законодательная и исполнительная деятельность не имеет к ним отношения.

Теперь каждый читатель может размышлять над комплексами приведенных противоположных суждений, а также над каждым из них в отдельности. Может выбрать, какой из комплексов суждений ему ближе по аксиологическим, когнитивным и политическим основаниям. Такой выбор нужен для того, чтобы: занять определенное место в споре между Петровым и Ильенковым; определить меру правоты того и другого; установить, какой из комплексов суждений ближе к истине. Понятно, что на выполнение этих задач могут потребоваться годы размышления и десятилетия исследований. В любом случае для разрешения спора требуется поместить его в контекст определенных теорий, не ограничиваясь при этом умозрительной рефлексией.

Возьму для примера обвинение Ильенковым Петрова в «активизме пиратского толка». Непонятно, против каких идей Петрова конкретно направлена критика Ильенкова. Имел ли он в виду суждения Петрова на темы социального и политического значения письменности и грамотности или меры нормальности и ненормальности цивилизаций или сравнительного анализа цивилизаций с точки зрения специфики политической и научной деятельности или

отношения между пиратами-мореходами, земледельцами и государством или разрыва между словом и делом как конституирующем элементе цивилизации, основанной на науке или же творчества и административной тоски? Ильенков по поводу этих проблем ничего не сказал, оценивая высказывания Петрова в рамках общей схемы воспроизводства социальности и социальных кризисов. Значит, критика Ильенкова бьет мимо цели и косвенно навязывает Петрову комплекс противоположных суждений.

Можно утверждать вполне определенно, что концепция «человек-государство» встроена в анализ всех указанных проблем и не существует в отрыве от них. Более того, данная концепция может рассматриваться как онтологический аргумент идеи Петрова относительно партии, в которой смыкаются идеология и наука. Я предлагаю: поискать пункт соотнесения взглядов Петрова с общими историческими концепциями, элементом которых является обсуждение темы пиратства в контексте Эгейского моря как части Средиземного моря и европейской культуры в целом. Иначе говоря, прав ли был Петров, высказывая суждение: «Морским разбоем здесь занимаются все» [там же: 66]?

Контекст гипотезы

Петров был философом и написал работу «Пираты Эгейского моря и личность» в 1966 г. Историк Фернан Бродель опубликовал свой знаменитый трехтомник о Средиземноморье в 1949 г. Проблемы методологии исторического исследования в целом, а также школа «Анналов» в особенности обсуждались среди московских историков и философов уже в 1950-е гг. Знал ли Петров концепцию Броделя? Этот вопрос относится к области историографии творчества Петрова. Без ответа на него нельзя установить меру оригинальности взглядов Петрова. Во всяком случае, пунктом соотнесения взглядов Петрова на культуротворческую роль пиратства может служить концепция Фернана Броделя, посвященная цивилизации Средиземного моря, частью которого является Эгейский архипелаг. Поэтому я предлагаю рассматривать пиратскую гипотезу Петрова в контексте наиболее важных результатов исследования Фернана Броделя[2].

Образ человека. В трудах Броделя содержится определенное представление о человеке. Активный человек есть творец окружающей действительности. Он создает движение в социальном пространстве. На основе деятельности эволюционируют человеческие возможности-невозможности, возникают цивилизации, государства, империи, города, дороги, войны и мирное существование. Человек вписан в социальное пространство на основе жизнедеятельности. После рождения человек обнаруживает большее или меньшее число уже существующих форм активности. Сфера свободы человека определяется социальным пространством. Процессы длительной временной протяженности — это структуры действительности. Они определяют сферу возможного и невозможного действия и мысли. Изменчивость структур наблюдать трудно. Поэтому они воспринимаются людьми и социальными группами как постоянно действующие факторы социального бытия. Человек вплетен в социальное пространство с помощью подвижных коньюнктур. Они заполняют социальное пространство «живым движением». Участник такого движения творит и преобразует то, что устойчиво, меняет структурный облик своей среды.

Коллективная судьба человека вписана в историю социальных, культурных и конфессиональных классов и групп, городов, государств, цивилизаций, империй. Общества преобразуются медленно. Поэтому в конечном счете ответственность за преобразование социальных групп падает на конъюнктуры. Ослабленный ритм экономической жизни и относительный регресс вызывает поляризацию на богатых и бедных. Хорошая конъюнктура благоприятствует социальной активности и мобильности групп и классов. Господствующее положение зани-

[2] Детально эта проблема рассматривается в первом издании этой книги.

мают те, кто обладает средствами производства, землей, флотом, кораблями, сырьем, готовыми товарами. Поэтому вплоть до XVIII века экономическое развитие на любом временном отрезке шло за счет «социального уничтожения».

Человек находится в кандалах своего социального окружения. На протяжении всей истории люди заключены в казематы — климата, флоры и фауны, земледелия, медленно возникающего равновесия, нарушение которого может привести к краху всего социального здания. Однако государственные мужи (типа Филиппа II или дон Хуана Австрийского) тоже несвободны: «Свободу каждого из них можно уподобить свободе человека, оказавшегося на маленьком островке или в тюрьме… Отрицаем ли мы значение индивида в истории, констатируя узость рамок его свободы? Я так не думаю, — пишет Бродель, — Я прихожу к парадоксальному выводу о том, что великим является тот человек действия, который отдает себе точный отчет в ограниченности своих возможностей, не пытается выйти за их пределы и использует силу неотвратимого, соединяя ее со своей собственной силой. Всякое усилие, направленное против глубинного течения истории — которое на поверхности далеко не всегда заметно, — заранее обречено на неудачу» [Бродель 2004: 429-430].

История и социальные процессы возникают вследствие переплетения социально обусловленных действий, которые ведут к ментальным, структурным и конъюнктурным преобразованиям социальной системы. Любые действия человека определяются историческими барьерами возможности. В противном случае их значение и следствия нивелируются железными социальными законами, навязанными структурными и коньюнктурными процессами. «Проблема не сводится к отрицанию индивидуального на основании того, что над ним господствует случай, но на преодолении его, отделению индивидуального от сил, от него отличных, на противодействии истории, произвольно сведенной к роли определяющих ее течение героев. Мы не верим в культ этих полубогов, или, проще говоря, выступаем против наглых и односторонних слов Трейчке: „Люди творят историю“. Нет, история творит людей и формирует их судьбу — история анонимная, глубинная и часто молчаливая» [Braudel 1971: 28].

Всеобщность разбоя. Бродель рассматривал пиратство в контексте идеи об анонимной, глубинной и молчаливой истории, как частный случай общего феномена войны. Пиратство — элемент социальной системы, возникшей в Средиземноморье. Эта система обладала свойствами самодвижения, иерархической и функциональной организации, открытости и отсутствия трансцендентных целей. Насилие существует в разных сферах деятельности человека и элементах социальной системы. Поэтому война — постоянный элемент существования общества. Война как форма насилия включает множество разновидностей: массовые формы индивидуального насилия (грабеж, разбой, бандитизм, мятежи, пиратство, корсарство, крестовые походы, джихад и пр.); военные конфронтации империй, цивилизаций, государств, городов, человеческих групп. Так называемый мирный период не свободен от насилия. «На всем средиземноморском пространстве шла охота на людей, которых захватывали, продавали, терзали; им доводилось испытать все ужасы, несчастья и мученичество, сопряженные с пребыванием в этих „мирах концентрационных лагерей“»… «В той мере, в какой Средиземное море в целом было зоной непрерывных братоубийственных конфликтов между родственными цивилизациями, война стала постоянной чертой его бытия, и она оправдывает и извиняет морской разбой»… «Пиратство не было привилегией одного берега, одной группы, одного человека, ответственного или виновного в нем. Оно было повсеместно распространено» [Бродель 2003: 744-745].

На морских и сухопутных дорогах господствовал разбой. «Полицейская хроника городской жизни бледнеет на фоне кровопролитной истории средиземноморского разбойничества, как две капли воды похожего на морское пиратство. Эти два вида разбоя сопровождают жизнь Средиземноморья с давних времени, их происхождение теряется в глубине веков» [там же: 557-558].

Насилие — это привычка, превратившаяся в обычай: «Беспорядки продолжаются ежедневно, ежегодно, на них обращают не больше внимания, чем на дорожные происшествия, и их участники, и пострадавшие, и свидетели, и репортеры, и само государство» [там же: 547]. На всем пространстве социального мира насилие выступало его постоянным свойством. Его проявления определяются Броделем как «первичные и вторичные войны», «войны нищих», «дешевые войны», «социальные войны», «ежедневные войны», «партизанские войны». Они претендуют на статус природных и освященных традицией явлений, ведутся по привычке в соответствии с определенными правилами.

«Однако эти привычные и бросающиеся в глаза образы, — пишет Бродель, — не исчерпывают проблему средиземноморской войны во всей ее целостности. Большой войны — пожалуй. Но как только она останавливает свой ход, на передний край выходят второстепенные формы — морской и сухопутный разбой, которые, разумеется, существовали и до этого, но теперь распространяются вширь и заполняют пустоты, как мелкая поросль в виде кустов и перелесков сменяет поваленный лес. Поэтому следует говорить о разных „уровнях“ войны, сопоставляя которые историки и социологии могут продвинуться в их понимании. Для нас важная диалектика взаимоотношений этих форм» [там же: 710]. Сравнение первичных и вторичных войн базируется на квалификации обоих как форм насилия.

Война была формой принудительного обмена на всем средиземноморском пространстве [там же: 764]. Эту оценку Бродель высказал в отношении пиратства (корсарства). Пиратство усиливается в «мирные» времена, компенсируя недостатки обмена. Пиратство как принудительный обмен происходит часто «внутри» воюющей стороны, а не только против прежнего противника. Поэтому различия между пиратством и традиционной войной несущественны. Товары и люди с помощью войны являются предметом потребления и направленного оборота, не соответствующего течению нормального (мирного) обмена. В последнем случае мы имеем дело с возвратом равновесия в мире обмена людей и товаров. Эта постоянная форма социальной активности была принципом существования социальных групп жителей портовых городов. Например, в Алжире «Все зависит … от объема и результативности операций корсаров, в том числе и пропитание последнего погонщика мулов в городе, чистота улиц, за которой следят многочисленные рабы, а тем более количество новых построек, дорогостоящих мечетей, богатых вилл» [там же].

Самый фундаментальный аргумент Броделя звучит так: «Главным … остается та прямо пропорциональная зависимость между пиратством и активностью средиземноморской жизни, я настаиваю на этом: они испытывают общие подъемы и общие спады. Если пиратство не оказывает существенного влияния на ход мирной торговли, это может объясняться снижением прибыльности этого занятия, вызванным, в свою очередь, общим средиземноморским упадком» [там же: 769]. «Не было бы торговых кораблей, не было бы и корсаров» [там же: 764].

Стало быть, формы и фазы войны компенсируют мирные и немирные фазы и формы обмена. Но они вынуждены использовать ее исторически допустимым способом, чтобы не ставить под угрозу свое существование.

Войны как элемент социальной системы. Приведенные суждения Броделя показывают, как формы войны вписываются в социальную систему, как война с нею связана, какие выполняет в ней функции, какое значение имеет для функционирования целого. Войны как «пыль повседневности» сосуществуют с другими формами активности человека. Экономика, финансы, деньги всегда ангажированы в проведение войны. Инфраструктура войны всегда базируется на громадных расходах. Постоянные войны требуют постоянных расходов. Небольшие военные бюджеты инициируют определенную тактику (строительство сторожевых башен и крепостей, заселение приграничных мест для защиты, содержание гонцов и целых сетей разведывательных служб и т.п.). Все это определяет отношение между военными издержками и доходами государей. Устанавливает различия между воюющими сторонами, роль

тактики, значение техники и их связь с материальными коньюнктурами: «Истощая эти доходы, война оказывает влияние на все сферы человеческой деятельности. При этом, постоянно совершенствуясь и изобретая все новые орудия, она не знает удержу и выходит из всяких границ, загоняя тем самым себя в тупик. Хронический недостаток средств, бесконечные задержки жалованья солдатам, нехватка вооружений — все эти трудности, вечно угрожающие правителям и неотвратимые, как ненастная погода, рано или поздно приводят к миру» [там же: 714].

Короче говоря, Бродель разработал сеть категорий для вписывания концепции человека и феномена войны в социальную систему. Основными понятиями анализа являются насилие, диалог, коньюнктура, ментальность, цивилизация, обмен, равновесие. Эти категории обладают общим и открытым характером и специфическим историческим смыслом. Супер- и микро-цивилизации сами ведут (и в их сфере идут) различные войны в виде: форм социальной активности, заполняющей социальное движение-пространство; способов возвращения внутрисистемного равновесия; форм принудительного обмена; форм автокорригирования внутрисистемных отношений.

Войны — это формы движения с разными периодами осуществления. Среди них находятся постоянные войны, которые разыгрываются в соответствии с ритмами структур и длительных временных протяженностей. Все такие явления могут рассматриваться как постоянные и регулярно повторяющиеся. Броделя наиболее интересуют те формы войны, которые подчиняются движениям коньюнктур, или процессам среднего уровня.

Акцент на коньюнктурный уровень действительности и каузальный подход к истории ведет к анализу войны вне сферы событийной политики. Война в узком понимании обусловлена глубинными структурами, которые не в состоянии постичь хроникер и историограф-фактограф. Постоянные и сложные системы исторической действительности задают исторические необходимости, которые толкают цивилизации, империи, государства, группы к войнам. По мере постижения глубинных пластов истории мы сталкиваемся с цивилизационной идентичностью обществ, которые «вынуждают» военные контакты внутри и вне системы.

Понятие войны включает разные формы насилия, существующие в социальной системе. Бродель сопоставляет традиционные причины войн с истоками «вторичных войн» и «социальных войн». Это позволяет универсализировать исторические предпосылки войн до цивилизационного уровня в пространственном и временном измерении. Тем самым объясняется наличие насилия в жизни обществ. Война — это элемент идентичности социальной системы. Способ сосуществования войны с другими элементами социальных систем выражает ее историческую специфику. Способ ведения войны характеризует того, кто ее проводит, является формой выражения своего бытия в мире.

Такой обзор явлений войны и насилия дает возможность дистанцироваться от влияния мировоззрения (как внутрикультурной системы ценностей) на толкование роли, значения и природы войны. Война включена в понятийную сеть, которая позволяет нейтрализовать анализ от аксиологических постулатов. Но отсюда не следует, что описание мира как социальной системы достаточно для дистанцирования от оценки в конкретном исследовании. Здесь решающим оказывается факт: Бродель описывает действительность как процессуальную реальность. Актерами в ней выступают процессы, подсистемы и состояния системы. Индивиды не являются актерами истории. В конечном счете творцами истории являются люди, которые образуют культурные группы, общества, классы, профессии. Эти группы выступают как целостности, подчиненные закономерностям, вызывающим их существование. Вследствие этого война не есть следствие, намерение, индивидуальный акт. Война — это процесс в системе и его движение, равновесие, разные функциональные потребности. «Природа системы» порождает разные формы насилия.

Короче говоря, Бродель занимает свою позицию в вечной дискуссии о природе войны. Натуралисты (Гоббс, Юм, Гроций, Кант, Арон и др.) главной причиной войны считают «человеческую природу». Бродель усматривает главную причину войны в «природе» социальной действительности. На множестве примеров из прошлого он показывает вездесущность форм войны как проявление насилия в рамках социальной системы.

Генезис войн обусловлен в конечном счете постоянством социальной дифференциации. Богатые и бедные существовали всегда. Дифференциация образует движение в обществе. Поэтому оно является источником принудительного внутрицивилизационного обмена, включая обмен между обедневшим бандитизмом дворянства и людьми, которые являются объектом их нападения.

Броделевский образ истории направлен против событий. Такое видение войны порождает аксиологические проблемы. События — это действия людей, случаи — это следствия действий индивидов. Событийная историография так или иначе занимается толкованием индивидуальных действий. Для этого она использует категории цели, смысла, намерений, мотиваций, цены действия. Эти категории относятся к ценностям. Итог очевиден: война, разбитая на цепи событий и отдельные события, вызываемые индивидами (здесь обычно выступает причинно-следственная связь или ее приписывание), вплетена в выборы, а это уже целиценности. Отсюда уже один шаг к обоснованию отдельных действий в концепциях «человеческой природы». В соответствии с такой логикой событийная историография занята установлением индивидуальных исполнителей и виновников (вожди, властители, генералы и т. д.). А причины войны усматриваются в «естественных» склонностях людей к злу, вражде, случайности, врожденной агрессивности и т.д.

Бродель не делает человека ответственным за войну, поскольку человек не отвечает за наличие войны в социальной системе. Человек не вызывает войны как возможную форму действий, он «только» «использует» такую возможность. За существование войн можно возложить ответственность на историю. Она оставила в наследство такую форму человеческой активности, которую пока не удалось ничем заменить. Войной занимались по мере мнимой необходимости. Война рассматривалась как нормальная форма активности, подобно всем другим (даже на корсарство давалась лицензия). Пиратство было занятием многих поколений людей, из поколения в поколение находили в нем обоснование для его существования. Оно было исторической возможностью и необходимостью.

Таким образом, историографическая концепция Ф.Броделя связана с идеей вездесущности насилия. Пиратство — часть войны как элемента социальной системы, формы насилия, цивилизационной активности и обмена. Война — это имманентное свойство истории.

В свете сказанного упрек Ильенковым Петрова в активизме пиратского толка теряет смысл. Быть может, высказывая этот упрек, Ильенков руководствовался общим христианским представлением о пиратах как «врагах рода человеческого» [Дефо 2010] и не вдумывался в реальную сложность проблемы? Между тем взгляды Петрова на пиратство соответствуют научной историографии разработки проблемы, а не являются следствием его философских предпочтений.

То же самое можно сказать относительно обвинений Ильенковым Петрова в анархизме.

Что такое анархическая стабильность?

На обсуждении первого издания книги «Научно-техническая контрреволюция: идеи М.К. Петрова как источник мысли» А.М. Старостин задал мне вопрос: «В книге вы правильно сказали, что есть много вещей, которые вызывают изжогу, аллергию органическую, нерв, который болит и его надо удалить. Но есть ли у вас позитивный образ науки? У вас все не годится, неправильно, не так. А какую науку вы бы хотели видеть? Мне это вдвойне интересно, потому что я в двух вузах проректор по науке, ищу некий позитивный прикладной образец. А

что мне строить — в оправдание для тех, кого я выпускаю? Можно вам заказать такой проект? Здесь сидящие разрабатывают для аспирантов философию и историю науки. Как вы позиционируете себя по отношению к Холтону, к Куну?»

На вопрос я отвечал так: «Я согласен с идеями Петрова относительно науки. Но предлагаю их дополнить соображениями Льюиса Хайда. В его книге «Дар. Как творческий дух преображает мир» (вышла на русском языке в 2007 г.) есть глава, в которой наука рассматривается не столько как область конкуренции, сколько как сфера и чувство солидарности, объединяющее людей… Михаил Константинович Петров отвергал „науку для должности“. Вот это и есть позитивная программа».

Здесь я попытаюсь развить высказанные соображения. Мой тезис звучит так: эта часть творчества М.К. Петрова связывает его социологию науки с современными исследованиями проблемы анархизма. В частности, концепция Хайда базируется на изучении громадного исторического, этнографического, экономического, социологического и юридического материала. Я подчиню изложение данного материала задаче систематизации тех моментов концепции Хайда, которые относятся к науке и совпадают с идеями Петрова.

Добровольная и вынужденная солидарность. Л. Хайд обсуждает проблемы науки в главе под названием «Общество». В начале Хайд приводит две истории. Одна из жизни бушменов, вторая — из быта современного гетто.

В 1950-е гг. этнографы Лорна Маршалл с мужем жили в племени бушменов. При отъезде они подарили каждой женщине племени по одной большой и по двадцать мелких раковин — чтобы каждая сделала ожерелье. На следующий год супруги вернулись. Все раковины по одной были розданы всем членам племени. Такой способ распространения даров позволяет заменить атомизированные отношения индивидов обществом с более сложной организацией. Дар устанавливает и поддерживает связь между людьми, основанные на дружбе и любви. Если расширить циркуляцию дара за пределы обмена между двумя людьми, возникают сообщества (семья, гильдия, братство, шайка, община). Их структура основана на доверии и благодарности. Индивидуальный обмен дарами предполагает чувства отдельных личностей. Групповой обмен дарами — это гарантия анархической стабильности. Если группа связана дарами, то превращение их в товар вызовет ее раскол или уничтожение.

Вторую историю Хайд почерпнул из книги Кэрол Стэк «Вся наша родня». Она описывает отношение к собственности в городском гетто близ Чикаго. В этом черном квартале «родней» именуют всех, «на кого можно положиться». Каждая сеть состоит примерно из 100 человек.

Однажды Кальвин и Магнолия Уотерс получили наследство. Умер дядя Магнолии. Оставил ей по завещанию 1500 долларов. Впервые в семье возник запас денег. Пара надеялась купить на них дом. Но слух о привалившем богатстве распространился по родне. Появилась племянница и попросила у Магнолии одолжить ей 25 долларов — заплатить за телефон. Узнав о наследстве, Общество социального страхования урезало медицинскую страховку и лишило детей Магнолии талонов на бесплатные обеды. Потом заболел другой дядя Магнолии. Она с сестрой Огастой поехала за ним ухаживать. Купила билеты на поезд себе, сестре, трем племянникам. Едва вернулись, дядя умер. Пришлось опять тратиться на поездку. Затем умер «первый старик» Огасты, не оставив и цента на похороны. Сестра попросила Магнолию расплатиться с гробокопателями. Другая сестра просрочила за два месяца плату за квартиру. Магнолия оплатила и этот счет. Настала зима, дети и внуки (15 душ) были вынуждены сидеть дома — не было зимней одежды и теплой обуви для посещения школы. Магнолия и Кальвин купили всем пальто, шапки, ботинки. Кальвин купил себе башмаки. Через 6 недель деньги закончились.

На основе приведенных примеров Хайд фиксирует и анализирует три способа решения проблемы. Пара могла превратить свое состояние в капитал путем отделения от группы. Для

этого надо было прекратить участие в оказании помощи родне. Третьим способом является обман.

Какая же сестра «лучше» — жестокосердная или мягкосердечная? На этот трудный моральный вопрос нет однозначного ответа. Первая сестра отделилась от группы. Вторая мечтала выбраться из нищеты, а на деле раздала свое богатство и осталась в группе. Значит, конфликт между обществом и индивидом пронизывает политические и этические аспекты нашей жизни. Но приведенные истории иллюстрируют основной тезис Хайда: группа организуется, соединяется в целое и остается устойчивой лишь тогда, когда собственность внутри нее циркулирует как дар. Если обмен дарами прерывается или они превращаются в товар, группа распадается. Магнолия могла превратить свои деньги в товар, одолжив их под проценты. Чтобы получить свои долги назад, ей потребовались бы вышибалы долгов, полицейские, судьи и прочие атрибуты государства. Но тогда конфликт с родней стал бы очевидным.

Приведенные истории описывают группы бедняков. Они трижды думают, прежде чем хвалить свое общество. Не романтизируют угнетение и нужду. Вынужденно прибегают к взаимопомощи. Она теряет блеск, если у людей нет выбора. Однако суть дела не сводится к пустыне и гетто. Такое видение «общества дарения» подтверждается анализом научного сообщества.

Анализ научного сообщества. Что происходит, когда научное знание циркулирует как дар или же превращается в товар для продажи и извлечения прибыли? Для ответа на вопрос Хайд опирается на работы американского социолога Уоррена Хагстрема, который изучил организацию науки в США с точки зрения обмена идеями в науке. Обычно направляемые в журналы рукописи называют вкладами в науку. А по сути это дары — ведь журналы почти не платят гонораров таким «вкладчикам». Наоборот, журналы обращаются в учреждение, где работает ученый, с просьбой оплатить стоимость публикации. «С другой стороны, — продолжает Хагстрем, — рукописи, за которые ученые получают плату, например учебники или популярные книги, если не подвергаются пренебрежительному отношению, то и не заслуживают такой высокой оценки, как статьи, содержащие данные об оригинальных исследованиях» [Хайд 2007: 130].

Получают признание и высокий статус в науке только те ученые, кто дарит коллегам свои идеи. Признание за написанный ради денег учебник не бывает высоким. «Если кто-то не написал в своей жизни ничего, кроме компилятивных текстов, то его ценность для науки равна нулю или даже отрицательной величине. Поскольку эта работа не приносит награды в виде признания, она оплачивается наличными. В отличие от признания коллег, наличные деньги можно использовать за пределами чистой науки», — подчеркивает Хагстрем. В отличие от признания и статуса деньги являются универсальным средством обмена. Причиной отрицательной оценки компиляций является тот факт, что автор учебника присваивает собственность сообщества и использует ее для личного обогащения. Поэтому гонорар отчуждает собственность и подобен ростовщичеству.

Ученые получают кредиты под идеи, которые приносят на алтарь науки. Но эти кредиты не выражаются в деньгах. Наемные работники (техники, лаборанты, обслуживающий персонал) получают почасовую плату и не являются членами научного сообщества. Они получают деньги за услуги. Плата отчуждает их от вклада в науку. Если ученый консультирует промышленную корпорацию, ему тоже платят. Если пользователь его идей не применяет их как дар, то ученый тоже не будет рассматривать их как дар. Этот обычай отличается от «платы за услуги». Он превращает в дар то, что считают рыночной сделкой. «Покупатель и продавец» принадлежат к одному сообществу и не могут извлекать выгоду из знаний друг друга. Здесь воспроизводится двойная экономика, характерная для племенных групп от Ветхого Завета до удука. Любой обмен (идеями или козами) становится обменом дарами, если он предназначен для признания, установления и поддержания сообщества.

Если сообщества спаяны дарами, то место денег занимают «статус», «престиж», «оценка». Ученые безвозмездно направляют статьи в журналы ради признания и статуса. Но не руководствуются ли они амбицией и эгоизмом? Не лучше ли объяснять поток научных публикаций теорией соперничества? Хайд имеет в виду статус, который достигается путем пожертвования (дарения), а не приобретения. Это важное различие. Когда говорят, что кто-то сделал себе имя, то обычно думают о разбогатевших людях (типа Онассиса, Дж. П. Моргана, Г. Л. Ханта). Однако индейцы племени квакиутль делают дары, чтобы «сделать себе имя». Имя индейца «возвышается», если он отдает собственность, и «унижается», если получает. Наиболее возвысит свое имя тот, кто разорился на подарках. Имена квакиутлей — это не имена индивидов в подлинном смысле слова. Они обозначают общественное положение: Тот, чье богатство съели на пирах; Насыщающий; Тот, кто всегда раздает одеяла, выходя из дома; Тот, через кого проходит богатство; Тот, кто выбрасывает богатство в танце. Есть и сомнительные имена: Создающий проблемы везде, где появляется.

Большинство имен связаны с дарением собственности. Человек создает себе имя тем, что позволяет богатству уходить сквозь пальцы. Он может владеть вещами и распоряжаться их раздачей. Добродетель индейцев базируется не на приобретении, а на публичном отказе от богатства. В этом смысле есть *сходство* между индейцами и учеными. В науке принятие научным журналом присланных рукописей устанавливает донорский статус ученого. Такой статус может быть достигнут только подобными дарениями. Именно такие дарения обеспечивают ученому престиж внутри научного сообщества. Ученый приносит свои идеи на алтарь науки ради обретения статуса. Поэтому его имя у индейцев могло бы звучать «Тот, чьи идеи съедают на конференциях». Но его поведение не является показным, а статус не есть статус эгоиста. В экономике дарения допускается своеобразная форма индивидуализма: сказать «Это дал я». Индивидуализм в экономике дара сводится к праву самому решать, кому, когда и как принести дар. Индивид контролирует поток собственности «от себя», а не к себе. То есть, это совершенно иной, не западный индивидуализм.

Многие ученые презрительно усмехнутся, если им сказать, что в научном сообществе с идеями обращаются как с дарами. Значит, это чувство им неизвестно, — резонирует Хайд. Взамен они расскажут историю об украденных идеях: один изобрел, другой быстро оформил патент; один обсуждал свои идеи с коллегой, а тот опубликовал их, не сославшись на автора. Ему нужны публикации, чтобы подтвердить степень и продлить срок пребывания в должности. Этого только и следует ожидать от раздробленной науки в капиталистических университетах, — констатирует Хайд. В них доминируют исследования по контрактам с крупными корпорациями и военным ведомством.

Хайд утверждает, что научное сообщество является таковым только в той мере, в какой идеи перемещаются в нем как дары. Все приведенные случаи подтверждают его точку зрения. Кража идей, извлечение доходов — это самовозвеличивание. Оно ломает и раскалывает группу. В реальной науке никто не будет обсуждать свои идеи с тем, кто имеет знакомства в патентном ведомстве. Человек, у которого сотрудник украл идею, перестанет с ним здороваться. Вор недолго протянет, если статус получают в зависимости от вклада оригинальных идей. Рано или поздно в нем почуют крысу. Дурная слава заменит престиж, плохая репутация займет место высокой оценки. В конце концов он станет изгоем научного сообщества.

Идеи могут рассматриваться в науке как дары потому, что это связано с функциями научного сообщества. Задача науки — описание и объяснение физического мира, создание единой совокупности теорий, которые подтверждаются фактами и могут их предсказывать. Отсюда вытекают причины, по которым идеи можно рассматривать как дары.

Задача собирания и обработки массы разрозненных фактов в единое целое не под силу одному человеку и поколению. Все интеллектуальные предприятия требуют участия сообщества ученых, чтобы каждый из них мог свободно купаться в идеях коллег. Черпать из их источника, чтобы в результате возник «коллективный разум», способный решать задачи, непо-

сильные одному человеку. Обмен идеями — подаренными, принятыми (или отвергнутыми) — составляет суть коллективного разума. Ученый может проводить исследования в одиночестве, но не в изоляции. Для достижения цели в науке нужно сотрудничество и координация усилий. Работа каждого ученого должна «подходить» к целому, как подогнанная деталь. Синтетическая природа обмена дарами делает его хорошим средством для внедрения идеи. Чтобы достичь прогресса в науке, надо объединять не столько людей, сколько их идеи.

На этой основе Хайд иллюстрирует общее утверждение: обращение дара может создать (сохранить) общность, а превращение даров в товары может раздробить (уничтожить) такую общность. Превратить идею в товар — значит установить границы, препятствующие ее свободному и бесплатному переходу от человека к человеку. Ценность или полезность идеи должна быть рассчитана и оплачена, прежде чем пересечь границу. Однако промышленные секреты (т.е., превращенные в товар идеи) сдерживают прогресс и интеграцию знаний. Каждая профессия может организовать свое сообщество, но оно не будет «научным сообществом»; в профессиональном сообществе могут возникать островки накопления опыта и знаний, но не будет механизма генерирования обобщенного разума. Не возникнет тело теории, которое можно было бы собрать воедино.

Современная промышленность посредством патентов устанавливает денежные барьеры на пути распространения идей. Патент отличается от цехового секрета. Исторически цех (гильдия) имели право хранить свой секрет бесконечно долго. Патент выдается на ограниченный срок (в США на семнадцать лет). Возникает возможность одновременно оплатить труд изобретателя и допустить медленное распространение идеи в область нерыночных отношений. Патент, авторское право и узуфрукт — это группа прав собственности, которые предоставляют право ограниченной эксплуатации. Такие права собственности — мудрый компромисс между даром и товаром. Эти права удовлетворяют потребность в личном обогащении и одновременно служат признанию прав и потребностей общества.

Внутри исследовательского центра корпорации может существовать микрокосм, в котором происходит обмен дарами. За воротами компании дары превращаются в товары. Они приносят прибыль, которая управляет потоком идей. В таких центрах ученые часто не могут отдать статью в журнал. Вынуждены ждать годами, пока компания защитит свой патент. В этом случае открытие появляется не как добровольный дар, а как идея-собственность. За ее использование или применение каждый должен платить деньги, гонорар или процент. Но высокая репутация принадлежит ученым, которые рассматривают свои идеи как дары. Обычно они занимаются чистой наукой, хотя получают меньше. Ученые-прикладники получают больше, зато менее известны и являются второстепенными членами сообщества. Коммерческий потенциал, заложенный в методе рекомбинантных ДНК, недавно породил дискуссию внутри научного сообщества именно на тему даров, товаров и целей существования науки. Не только биохимики с академическими степенями ушли на рынок и перестали рассматривать свои идеи как дар. Их примеру последовало несколько академических институтов[3].

«Контрактная теория» организации науки. Затем Хайд анализирует связь между свободой и рынком. Идеология свободного рынка декларируется как свобода индивида. С точки

[3] Например, осенью 1980 года Гарвардский университет изъявил желание найти корпорацию, которая хотела бы использовать сплайсинговую генную технологию, разработанную на одном из факультетов. Идее такого сотрудничества воспротивились (а затем и вовсе отвергли) по нескольким причинам, первая из которых заключалась в порождении конфликта между характерными для коммерческих компаний требованиями секретности и свободным обменом идеями, каковому и посвящена деятельность академической науки. Ведущий генетик Массачусетского технологического института доктор Джонатан Кайнд по этому поводу заметил: «В прошлом одной из сильных сторон американской биомедицинской науки был свободный обмен материалами, штаммами микроорганизмов и информацией… Но теперь, коли уж вы санкционировали и утвердили частное клонирование и патентование микроорганизмов, то потеряли возможность рассылать свои штаммы, так как вам абсолютно не нужно, чтобы они попали в лаборатории общественного сектора. Ученые перестали свободно, как раньше, делиться друг с другом штаммами бактерий и результатами своих исследований».

зрения индивида часто действительно существует связь между свободой и товаром. Но все кардинально меняется, если смотреть на вещи с точки зрения группы. Сообщество дарения накладывает на членов определенные ограничения, но они гарантируют свободу дара. Строгий смысл «академической свободы» означает свободу идей, а не индивидов. Индивиды обладают свободой высказывать идеи, рассматриваемые как дар групповому разуму, и свободой принадлежать к этому разуму. Если любая идея имеет реальную рыночную цену, то все обсуждения и познавательная способность группового разума должны пропускаться через фильтр рыночного механизма. Но рынок — крайне неуклюжее орудие проведения дискуссий. Если идеи рассматриваются как товар, они не могут обращаться свободно[4]. На свободном рынке люди вышли на свободу, но идеи оказались под замком, — таков ключевой тезис Хайда.

Некоторые формы организации (военные ведомства и промышленные компании типа «Дженерал моторс») противодействуют обращению даров. На основе их деятельности была разработана так называемая «контрактная» теория организации науки. Ее основное положение гласит: ученых можно мотивировать стремлением к власти и деньгам; они занимаются исследованиями только для извлечения этих благ из кого угодно (компании, потребителя, правительства), кто готов дать рабочее место и деньги. Но такая система вознаграждений ведет к образованию групп особого сорта. Хагстрем, а вслед за ним Хайд подчеркивают: именно там, где люди работают только с целью получить выгодный заказ, высокую должность или звание, результаты исследований тривиальны, не являются истинными вкладами в сокровищницу знания. Если существует жесткая конкуренция за рабочие места и деньги, и эти вторичные цели становятся главными, то все больше ученых втягиваются в гонку. Они спешат напечатать «оригинальные» работы, невзирая на то, какими чуждыми для целей научного сообщества могут оказаться эти работы. Короче говоря, контрактная теория организации науки «ответственна не за организацию науки, а за ее *дезорганизацию*» [Хайд 2007: 140]. К сожалению, этот факт только начинает осознаваться.

Конечно, в науке есть обмен дарами и конкуренция. Наряду с коллективным трудом в ней присутствует махровый индивидуализм. Но научное сообщество в строгом смысле слова есть группа, внутри которой знания обращаются как дар. Лишь *после появления* сообщества можно говорить о расколе, несогласии, фрагментации, сегментации, дифференциации, диспутах и прочих нюансах и прелестях интеллектуальной жизни. Но науке трудно сменить направление, если начать с обмена идеями на основе частной собственности, индивидуализма и личной прибыли. А затем пытаться координировать усилия ради создания гармоничной всеобъемлющей теории. Контрактная теория может послужить только основой организации бизнеса. Включая тот, который привлекает на службу ученых. Но обмен дарами будет составлять часть господствующих в науке отношений до тех пор, пока цели науки будут требовать интеллектуальной общности, способной к рассуждениям и созиданию цельной теории.

Согласно Хайду, наука — это аномальный пример сообщества, возникшего на основе обращения даров, хотя научные идеи являются «холодными» дарами. Дело не в том, что среди ученых нет страстных натур. Просто напечатанные в журнале идеи не несут в себе эмоциональной непосредственности, характерной для большинства даров. Под влиянием превращения идей в товар происходит фрагментация научного сообщества. Но по сравнению с распадом семьи (и общины) она не является вопиющей. В этой связи Хайд приводит пример свадебных даров на островах Полинезии. Осуществляют девять основных и множество дополнительных даров между родственниками жениха и невесты. После свадьбы все оказываются связанными со всеми. Еще более сложны дары по поводу инициаций и похорон. Возникают

[4] Журнал «Сайенс» сообщает об одном случае в Калифорнии, когда группа, занимавшаяся исследованиями ДНК, решила запатентовать методику, которую другие тамошние ученые считали общим достоянием, идеей, которую надо еще не раз обсудить и взвесить. Один академический ученый, чувствующий, что его вклад в науку бессовестно эксплуатируют, заметил по этому поводу: «Раньше существовал добротный здоровый обмен идеями и информацией между нашими исследовательскими группами… Но теперь мы начали запирать двери».

непрерывные и охватывающие всю группу одолжения, благодарность, надежды, память. Так формируются живые социальные чувства. Постоянный обмен дарами обычно не приносит «экономической» выгоды. Зато вместо скопища людей возникает сообщество. Если дары превращаются в товар, приобретаемый за деньги, то каждый обмен разделяет или освобождает его участников. В итоге сообщество исчезает.

Дар как всеобщий социальный феномен. Затем Хайд анализирует политическую форму экономики дара, определяя дар как анархистскую собственность. Обмен даров противостоит централизованной власти и бюрократической иерархии. Марсель Мосс в «Эссе о дарах» описал генезис современного контракта. Он поставил вопрос: не является ли обмен дарами примитивной формой укрепления тех союзов, которые сегодня скрепляются юридическими письменными соглашениями? На этот вопрос он дал два ответа: можно рассматривать обмен дарами как архаичную форму правовой организации группы и как тотальный социальный феномен. В нем одновременно проявляется влияние религиозных, правовых, моральных, экономических и эстетических институтов. Лишь после их дифференциации правовой контракт стал отдельным учреждением.

С опорой на классическое исследование Мосса Хайд осуществляет тотальную критику сложившихся стереотипов в сфере экономики и права.

В процессе дифференциации возникло различие между «реальным» и «личным» законом — то есть между естественным законом вещей и человеческим законом для людей. В экономике дара такое различие смазано, ибо вещи рассматриваются как личности и наоборот. Личность и вещь, живое и мертвое различаются духовно, но не рационально[5]. Строгое различие вещи и человека — характерная черта позднего римского законодательства и современного мира. Мосс замечает: «Это фундаментальное различение: оно является непременным условием существования части нашей экономической системы, основанной на собственности, отчуждении и обмене. Но эта система чужда обычаям, которые мы только что рассмотрели».

Юридический контракт рядится в тогу «контракта» дарения. Санкционированный законом контракт может формализовать единство обмена дарами путем отделения обмена от других элементов «тотального социального феномена». Такой обмен теряет эмоциональное и духовное содержание. Обязательства и чувство долга превращаются в простые экономические и юридические отношения. Контракт по закону — это рационализация даровых уз, так же как ростовщичество является рационализацией роста в обмене дарами. Контракт (договор) и ростовщичество имитируют структуру экономики дарения, но из нее улетучивается «неэкономическое» чувство.

Если говорить об обмене дарами с политической точки зрения, то политику надо выводить из природы контракта дарения. Мосс ввел термины для политических мифов на эту тему. Но они не годятся для анализа анархической собственности. Обычно историки анархизма начинают с рассказа о правлении анархистов в Мюнстере в начале XVI века. Различные религиозные движения Реформации были направлены не только против папства, но и против новой (а на деле старой римской) концепции собственности. Эта концепция позволяла местным князьям, пользуясь установленными законами, превратить «общинное достояние» — поля, леса и реки — в частные заповедники.

---

[5] Мосс утверждает, что в древних римских законах вещам приписывали личностные качества и достоинства, которыми они обладали как таковые. Вещи не инертные предметы, как их трактуют законы Юстиниана и нынешние законы. Они — часть семьи. Древнеримская *familia* — это не только люди, но и «домохозяйство», включая все предметы домашнего обихода вплоть до пищи и предметов обстановки. Позже римский закон начинает различать экономические и ритуальные интересы. Теперь он делит *familia* на *res* (вещи) и *personae (людей).* И тем самым «выходит за пределы устаревшей и опасной экономики дарения, отягощенной личными пристрастиями, несовместимой с развитием торгового рынка и повышением производительности — то есть, короче говоря, не являвшейся экономикой».

Против таких «римских» идей было направлено множество движений. Но предтечами современных революционеров были только анабаптисты. Они требовали уничтожить гражданскую власть, власть судейских и чиновников. Крещение — это прямой и непосредственный контакт с Господом Богом. Поэтому любой посредник (государство *или* церковь) не только излишен, но и порождает безверие. Ничто не должно стоять между человеком и его внутренним светом, который придает смысл и форму всем действиям и поступкам.

Мюнстер сильно пострадал от чумы, экономического упадка, больших налогов. Добрая часть горожан обратилась в веру анабаптистов и захватила власть в городе. Из города были изгнан его номинальный правитель — вестфальский епископ, католики и лютеране. Епископ осадил город с армией наемников. Горожане стойко держались, пользуясь общественными запасами продовольствия и одежды. Истинно верующие считали, что Мюнстер вскоре станет вторым Иерусалимом. Первым церемониальным действом, ознаменовавшим взятие власти в городе и наступление новой эры, стало сожжение всех письменных договорных и долговых документов.

В 1842 г. Вильгельм Вейтлинг написал: «Наступит время, когда… мы разожжем огромный костер из банкнот, векселей, завещаний, налоговых списков, рентных контрактов и долговых расписок и каждый бросит в костер свой кошель…». К старому списку отмены контрактных и долговых отношений Вейтлинг добавляет отмену денег. Эта идея вошла в программы европейских анархистов, которые призывали заменить обмен денег бартером.

Тридцать лет спустя Энрико Малатеста начал действовать в духе идей Вейтлинга. В 1877 году он с группой соотечественников создал базу в лесах близ Неаполя, а затем начал двигаться от города к городу, уничтожая государство. Историк Джеймс Джолл пишет: «Колонна анархистов вступила в деревню Лентино утром в воскресенье. Они объявили короля Виктора-Эммануила низложенным и совершили анархистский ритуал сожжения архивов — то есть записей о держании собственности, долговые обязательства и налоговые списки».

Неизвестно, были ли брошены в костер кошельки, — иронизирует Хайд. По сути, все приведенные факты являются фактами общей истории борьбы между юридическим контрактом и сердечным контрактом. Вслед за анабаптистами анархисты объявляли недействительными и уничтожали те объединения, которые отрицали основанную на чувстве анархическую спаянность и были склонны к насилию. Правда, редко встречаются общества, существующие только на основе душевных привязанностей. Большинство обществ имеют объединения, санкционированные отчужденным от чувств законом. Однако уже в Древнем Риме семья поделилась на вещи и людей. В современном мире закон все глубже вторгается в царство сердечных привязанностей. Закон пытается усилить узы, которые в прежние времена скреплялись смутными чувствами доверия и благодарности. Но закон не может соединить людей и обеспечить порядок. Закон вытесняет эмоциональное и духовное содержание из целостного социального феномена, Сам процесс осуществления законодательства требует определенного общества. Такое общество должно базироваться только на антагонизме и расчете, которые исключаются из общественных отношений духом обмена дарами. Дух дара лишен точности и не обязательно требует ответного дара. Дар не порождает антагонистических отношений должника и кредитора, постольку суды не в состоянии распутать дела о неблагодарности. Сердечный контракт выходит за пределы действия закона. Если сердечный договор заменяют правовыми отношениями, круг обращения даров сужается.

Истории от анабаптистов до анархистов отражают твердое убеждение: жизнь подавляется кодификацией контракта и долга. Поэтому отвергаются не только кодифицированные долги, укрепляющие позиции господствующего класса. Отрицается любая кодификация, которая поощряет разделение вещей и духа, отбрасывает феномен общественной цельности и возвращает социум в первобытное прошлое, ослабляя основанный на чувствах договор. Сожжение долговых расписок — это попытка воспроизвести двойственность и расплывчатость, которые придают общественный характер обмену дарами. Поэтому уничтожение долговых

расписок и прочих юридических актов не является антиобщественным актом. Напротив, оно призвано освободить от юридических оков благодарность как духовное чувство и средство укрепления общественных связей. Георг Зиммель определял благодарность как нравственную память человечества. Анархизм освежает эту память. Она тускнеет, если моральные обязательства превращаются в законодательно утвержденный долг и угодливость. В сердечные союзы вступают по желанию, остаются в них из чувства благодарности и покидают по собственной воле. А теперь они заменяются невидимым господством чисто законодательных связей.

Нередко утверждают, что обмен дарами может лежать в основе экономики только малого сообщества людей. Если общность удерживается как единое целое с помощью эмоций, то ее численность имеет верхний предел — от 100 до 1000 человек. Если численность группы становится больше, чувства гаснут. Идущие по улицам больших городов незнакомцы не смотрят в глаза друг другу потому, что не желают лишних контактов. Эмоциональные отношения на основе обмена дарами могут существовать только в обществах ограниченной численности. Однако научное сообщество организуется на основе специфических задач и является исключением из этого правила. Оно не претендует на то, чтобы кормить, лечить, женить, выдавать замуж своих членов. Научное сообщество может существовать за счет обмена дарами и одновременно быть многочисленным, — делает вывод Хайд.

Проблема современного мира. Но остается нерешенным вопрос о современном мире, к которому упорно апеллируют анархисты. Как сохранить истинную общность в массовом обществе, доминирующей ценностью которого стал обмен стоимостями, а нравственность превратилась в закон и право?

На этот вопрос Хайд дает определенный и решительный ответ. Анархизм оформился в политическую философию на рубеже XIX-XX вв. К тому времени идея договора имела уже длительную историю. В XVII- XVIII веках теоретики «общественного договора» исходили из посылки: атомарные единичные связи соединяют отдельных людей в первобытном договоре. На этой основе они постулировали механизм объединения людей в государство. Наиболее показательный пример — теория Гоббса. Она противостоит теориям анархистов.

По мнению Гоббса, до общества существовало «естественное состояние», в котором люди занимались обоюдным убийством. Поэтому человек руководствовался только эгоцентрическими желаниями, амбициями, жадностью, гордыней. Любой альтруизм сводился к эгоистическому интересу. По счастью, индивиды нашли страх смерти как объединяющую их ценность. Разум увел их из естественного состояния и привел к безопасной общественной жизни. К несчастью, разум слабее человеческих страстей, которые антиобщественны по своей природе. Поэтому в общественную жизнь пришлось включить абсолютную власть. Она обладает силой держать человека в «благоговейном страхе». Гоббс снабдил свое государство четырьмя опорами: эгоизмом, страхом смерти, разумом, благоговением перед властью.

Постоянная черта теории «общественного договора» — представление о пропасти между первобытным и цивилизованным человеком. В трактовке Гоббса первобытному человеку присуща агрессивность, «вечная и неутолимая жажда власти после получения власти». Он живет в условиях бесконечной войны. Не знает ни упорядоченной общественной жизни, ни общественной и частной собственности. Живет воровством или грабежом. Первобытный и цивлизированный человек — это два различных *вида* людей. Из такого различия исходит Гоббс в понимании политики — ради объединения людей она требует договора и диктует форму договора.

Гоббс начинает изложение своего учения о политике с исторической фантазии, согласно которой хаотичное первобытное туземное прошлое замещается цивилизацией. Этот сдвиг происходит тогда, когда люди согласны отказаться от своего права на применение личной силы в пользу установления публичной власти. Таким образом, общественный договор выводит человека из его естественного состояния и создает цивилизацию. Но договор потребовал-

ся именно по той причине, что без него нельзя доверяться человеческому поведению. То есть у Гоббса всегда существует смесь недоверия и закона, каковая приводит к парадоксальной политике, в которой законы природы не могут успешно соблюдаться вне рамок искусственно придуманной организации. Получается, что естественный закон устанавливается лишь искусственной силой, и только власть предоставляет свободу разуму.

Анархисты основывают свою политику на другой идее и предлагают другое решение. Они исходят из факта: современное государство стало политической реальностью только в конце XIX в. До тех пор анархизм не мог стать строгой политической философией. Но даже в начале XX в. анархизм не стал политикой в чистом виде. Он остался приложением этики к политическому мышлению. Хайд уподобляет анархическую идею царской водке, которую надо регулярно лить на государство и его машину. И смотреть, сколько можно выесть до тех пор, пока народ не начнет страдать больше, чем он страдает под игом закона и государственной власти. Анархист исходит из допущения о доброй природе человека, утверждая, что закон сам по себе есть причина преступления. Анархист чувствует родство (а не пропасть) между первобытным естественным человеком и современным цивилизованным человеком.

Для обоснования этого тезиса Хайд приводит факты и соображения. Русский князь и анархист Петр Кропоткин реально наблюдал жизнь первобытных племен. Он родился в аристократическом семействе, получил высшее военное образование, был рационалистом и ученым-географом, признанным в научных кругах. В молодости участвовал в экспедиции в Центральную Азию. Хайд приводит оценку этой экспедиции Джеймсом Джоллом: «Представляется, что первобытные племена, которые мы наблюдали, руководствуются в своей общественной жизни регулирующими ее обычаями и инстинктами, не испытывая никакой нужды в правительстве и законах. Для Кропоткина примитивное общество, столь далекое от того, чтобы быть похожим на изображаемый Гоббсом конфликт и войну всех против всех, напротив, стало образцом, показывающим, что сотрудничество и «взаимопомощь» являются, скорее, естественным состоянием человека, не испорченного правительством и законами, каковые возникают из «желания правящего класса придать устойчивость обычаям, наложенным им в своих интересах и к своей выгоде», в то время как единственное, что требуется для гармоничной жизни, — это «те обычаи, полезные обществу… обычаи, которые не нуждаются в законе для того, чтобы внушить к себе уважение».

Кто же прав — Гоббс или Кропоткин? Гоббс не выезжал из Англии дальше Франции. Кропоткин изучал реальных первобытных людей. Поэтому Кропоткин ближе к истине. Однако истинная жизнь первобытных племен начала изучаться только по мере появления этнографии как эмпирической науки. Эссе Марселя Мосса — первая синтезирующая работа по этнографии. Мосс в архаике искал корни современности. Его выводы можно считать гибридом взглядов Гоббса и Кропоткина. С одной стороны, разъяснения Мосса позволяют понять, что дух дара не воспроизводится законом и не может быть выведен из разума. С другой стороны, вслед за Гоббсом Мосс не считал эмоции движущей социальной силой, подчиняя их разуму. Он писал: «Противопоставив разум эмоциям… люди успешно ухитрились заменить союзы, дар и обмен войной, изоляцией и застоем». В другом месте он толкует о «тоталитарном дарении». Под этим термином он понимает постоянный, всеобъемлющий обмен дарами, говоря при этом, что «несмотря на то, что эти обмены имеют место под маской полной добровольности они на самом деле являются строго обязательными, и их нарушение равносильно скрытой или явной войне» [Цит. по: Хайд 2007: 152-153].

По мнению Хайда, приведенные ранние представления о первобытной жизни лучше определить как выражения характера, а не как политическую науку или этнологию. Один характер (П. Кропоткин) чувствует большее родство с аборигенами, полагает страсти общественными, а в основе жизни полагает добрую волю. Другой (Т. Гоббс) чувствует дистанцию, щедрость воспринимает как жажду власти, полагает страсти эгоистичными, на место доброй

воли ставит эгоизм. И поэтому вынужден привлекать разум и власть, чтобы вывести из них возникновение общества.

Эти два характера различаются отношением к роли страстей и разума в образовании общества. Гоббс не знает общественных страстей. Он вещает на основе собственной декларации: жизнь в природе «одинока, отвратительна, жестока и коротка», в противовес которой «разум предлагает удобные понятия о мире… называемые законами природы». Разум формулирует законы для обуздания страсти. Общественная жизнь возникает лишь тогда, когда каждый отдельно взятый человек непонятным образом приходит к убеждению, что он должен подавить какую-то часть своей натуры. Согласно Гоббсу, основания общественной жизни предполагают ограничения, отделение правящих от управляемых и опору на закон (со всеми его функционерами — полицией, судом и тюрьмами). Только при таких условиях можно обеспечить порядок.

Вердикт Хайда однозначен: Гоббс совершает двойной обман — во-первых, что страсть уничтожает общественную жизнь, во-вторых, что насилие ее сохраняет. Этот двойной обман как раз и оспаривает анархическая теория. Общественная жизнь мотивируется чувством, но имеет жесткую структуру, устойчивость и прочность. Существует множество точек соприкосновения между анархистской теорией и обменом дарами как основой экономики. Обе теории полагают, что человек щедр и готов к сотрудничеству «по своей природе»; не приемлют централизованную власть; подходят для малых групп и рыхлых федераций; опираются на сердечный договор и его примат над договором кодифицированным. Но представление о даре как об анархической собственности справедливо потому, что анархизм и обмен дарами базируются на допущении: общность и общество людей появляются не тогда, когда подавляется часть самосознающей личности, но когда эта часть отдается ради общего блага.

То же самое можно сказать о фразе Мосса: «обязанность ответного дара». Здесь акцент делается на слове «обязанность», и движущей силой ответного дара является страх, а не добровольность. Здесь Мосс повторил Гоббса. На практике многие обмены дарами являются смесью страха (или вины) и чистосердечного желания. Но мы должны отметить, что так же логично можно перевернуть предпосылки и допущения Мосса и сказать: «противопоставив *эрос* разуму… люди умудрились заменить дар войной» или что «войны ведутся под маской добровольности… но в действительности из страха перед скрытой или явной дружбой». В противном случае основными эмоциями становятся страх и эгоистический интерес, дух *hau* теряется, и мы снова возвращаемся к разуму, навязывающему закон и власть.

Когнитивные доноры, паразиты и ростовщики

Подведем итоги. Индивидуальный обмен дарами предполагает чувства отдельных личностей. Групповой обмен дарами — это гарантия анархической стабильности. Различные способы решения проблемы добровольной и вынужденной солидарности фиксируют универсальность конфликта между обществом и индивидом.

Рыночный механизм не годится для нормального функционирования научного сообщества. В науке получают признание и высокий статус только те, кто дарит коллегам свои идеи. Все остальные формальные члены научного сообщества являются паразитами и ростовщиками. Ценности научного сообщества связывают архаику и современность. Ученый — это когнитивный донор. Институты современной науки (университеты, военные ведомства и промышленные организации) не соответствуют этой функции. Научное сообщество является таковым только в той мере, в какой идеи перемещаются в нем как дары. Обмен идеями образует суть коллективного разума. Чтобы достичь прогресса в науке, надо объединять не столько людей, сколько их идеи. Превращенные в товар идеи сдерживают прогресс и интеграцию знаний. Строгий смысл термина «академическая свобода» означает свободу идей, а не индивидов. Если идеи рассматриваются как товар, они не могут обращаться свободно. На свобод-

ном рынке люди вышли на свободу, но идеи оказались под замком. В большинстве современных научно-академических учреждений результаты исследований тривиальны, не являются научными вкладами. Контрактная теория организации науки дезорганизует науку. Наука — это аномальное сообщество, возникшего на основе обращения даров.

Дар — это анархистская собственность или «тотальный социальный феномен». В нем одновременно проявляется влияние религиозных, правовых, моральных, экономических и эстетических институтов. Римская концепция собственности позволяет социальным и политическим группам с помощью установленных законов превратить общее достояние в частные заповедники. Поэтому гражданская власть, власть суда и чиновников была и остается сомнительной. До сих пор продолжается борьба между юридическим контрактом и сердечным контрактом. Закон не может соединить людей и обеспечить порядок. Закон вытесняет эмоциональное и духовное содержание из целостного социального феномена. Сам процесс осуществления законодательства требует общества, которое базируется только на антагонизме и расчете. Уничтожение долговых расписок и прочих юридических актов не является антиобщественным актом. Напротив, оно призвано освободить от юридических оков благодарность как духовное чувство и средство укрепления общественных связей.

Таким образом, Хайд развивает идеи Петрова относительно научного сообщества и бесплодности государственной организации науки, высказанные на полсотни лет раньше. Размышления Петрова о судьбах рукописей в естественных и общественных науках получают неожиданную поддержку со стороны современных антропологических исследований и теории анархизма.

Бродель Ф. 2003. *Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II*. Часть 2. Коллективные судьбы и универсальные сдвиги. — М.: Языки славянской культуры.

Бродель Ф. 2004. *Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II*. Часть 3. События. Политика. Люди. — М.: Языки славянской культуры.

Дефо Д. 2010. *Всеобщая история пиратства*. — СПб.: Изд. группа «Азбука-классика».

Петров М.К. 1995. Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. — М.: РОССПЭН.

Хайд Л. 2007. *Дар. Как творческий дух преображает мир*. — М.: Поколение.

Braudel F. 1971. *Historia I trwanie*. — Warszawa.

Проработка прошлого и проблема внутренней колонизации

«ПРОРАБОТКА ПРОШЛОГО»: УКРАИНСКИЙ ПРАВЫЙ РАДИКАЛИЗМ В ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

В.Н. Ткаченко
Национальная академия педагогических наук Украины

Аннотация: *В статье рассматриваются противоречивые политические последствия глобализации. Кризис национальной идентичности, по мнению автора, выступает источником радикализации политического противостояния в современном мире. Это, в свою очередь, приводит к росту популярности праворадикальных движений. В этом контексте автор анализирует проблемы и перспективы украинской политики.*

Ключевые слова: «*проработка прошлого», глобализация, правый радикализм, либеральная демократия, революция, ОУН, С. Бандера, Украина.*

«Кто говорит: „я люблю Бога“,
а брата своего ненавидит, тот лжец».
(Первое соборное послание святого апостола
Иоанна Богослова. Глава 4, стих 20)

Как и в 1963 году, когда впервые была опубликована статья Теодора Адорно «Что значит „проработка прошлого“?», так и полвека спустя в 2013 году, вопрос, вынесенный в заглавие, все еще нуждается в прояснении.

Пятьдесят лет назад немецкого философа беспокоил тот факт, что «национал-социализм не мертв, и нам до сих пор неизвестно, то ли это просто призрак того, что было настолько ужасным, что и собственная смерть его не убила, то ли он так и не умер и готовность совершить невыразимое подспудно живет в людях, равно как и в окружающем их порядке». Логика изложения состояла в том, что от такой неопределенности человеческий разум хотел бы избавиться. Прежде всего, потому, что в тени этого жестокого прошлого жить невозможно. Ведь если за вину и насилие приходиться всегда расплачиваться виной и насилием, то чувству страха не будет конца. Поэтому положить конец этому кошмару было бы справедливо. Однако прошлое, от которого хотят убежать, все еще живо. Разрешая сомнения, Адорно приходит к двум основоположным заключениям. Во-первых, ***что к жесту «все забыть и простить» не могут апеллировать виновники жестокости.*** Во-вторых, ***прошлый исторический опыт нуждается в серьезной проработке, чтобы «чары прошлого рассеялись под воздействием ясного сознания»*** (здесь и дальше курсив наш. — *Авт.*) [Адорно 2005].

Потенциально угрожающая проблема, побудившая Адорно к написанию статьи, формулируется им как «просачивание национал-социализма в демократию». И здесь, на наш взгляд,

следовало бы рассмотреть вопрос под таким углом зрения: а насколько правомочна сама постановка вопроса, когда «национал-социализм» рассматривается как нечто отдельное, что просачивается в нечто другое — «либеральную демократию»?

«Проработка прошлого»

Такое разделение было присуще периоду холодной войны, когда Соединенные Штаты Америки выступали в ореоле светоча либеральной демократии и оплота борьбы против тоталитарных режимов — как нацистского, так и коммунистического толка. По свидетельству профессора Нью-Йоркского университета Крейга Калхуна, который к тому же возглавляет Совет по общественным наукам (Social Science Research Council), ***идеологическая установка на отмежевание либеральной демократии от тоталитаризма в послевоенные годы значимо деформировала само видение проблемы об истоках тоталитаризма***. Американские теоретики пытались всячески доказать, что «нацизм — это вообще не наша проблема: нацизм — это было традиционное движение, нехорошее средневековое атавистическое движение, которое возникло откуда-то из прошлого». В итоге исследователи были сориентированы на своеобразный социальный заказ: «Надо было отделить Запад от нацизма. Нацизм вырос не из современности, мы не имеем ничего общего с нацизмом. И, более того, следующий шаг — нацизм очень похож на сталинизм, на прочие тоталитарные режимы, которые мы находим дальше и дальше на Восток от нас. Это другие, — это не мы… ***Поэтому надо было отрицать западное и вполне современное происхождение нацизма***. ***Огромные усилия ушли на то, чтобы доказать, что нацизм является аберрацией, что он ничего общего не имеет с современностью, что, конечно же, не так***» [Калхун 2006].

В этой непростой ситуации целенаправленного социального заказа (учитывая американское влияние на развитие социальных исследований в послевоенной Европе) следует отдать должное Теодору Адорно: ставя вопрос о «просачивании» национал-социализма в демократию, он вдруг в процессе анализа приходит к совершено другой логике изложения. В его толковании истоки нацизма являются следствием реальных проблем, проистекающих из кризиса самой системы современной либеральной демократии: «То, что фашизм продолжает жить, то, что проработка прошлого, о которой столько говорят, до сих пор не удалась, то, что она выродилась в собственную карикатуру — пустое и холодное забвение, ***связано с тем, что еще продолжают существовать объективные общественные предпосылки, из которых фашизм произрос***. Его сущность нельзя вывести из одних только субъективных предрасположенностей. Экономический порядок и, в соответствии с его моделью, также и *почти вся экономическая организация способствуют, как и прежде, зависимости подавляющего большинства людей от данностей, над которыми они не властны*, *и тем самым — незрелости людей. Если люди хотят жить, то им не остается ничего другого, как приспособиться к этим данностям и смириться с ними*. Они должны поставить крест на той самой автономной субъективности, к которой апеллирует идея демократии. *Сохранить же себя они могут лишь в том случае, если откажутся от своего „я“.* Понять это ослепление они могут только ценой того мучительного напряжения сознания, которому препятствует устройство жизни, и не в последнюю очередь — раздутая до тотальности индустрия культуры. *Необходимость такого приспособления, идентификации себя с существующим, данным, с властью как таковой, создает тоталитарный потенциал.* Он усиливается за счет чувства неудовлетворенности и гнева, которое производит и воспроизводит необходимость приспосабливаться. И *так как действительность, в конце концов, не дает той автономии и того возможного счастья, которое вообще-то обещает понятие демократии, то к ней относятся индифферентно, если и вовсе не питают к ней тайную ненависть.* ***Форма политической организации переживается как не соответствующая общественной и экономической реальности***» [Адорно 2005].

Видит ли Адорно выход из сложившейся ситуации? Предлагает ли он какие-то реальные шаги для искоренения ростков нацизма, появление которых неминуемо рождает сам кризис либеральной демократии? К сожалению, складывается впечатление, что предложения его паллиативные — они облегчают болезнь, но не излечивают ее.

В сложившихся условиях, отмечает Адорно, всемирная история с ее все ускоряющимся катастрофическим ритмом, похоже, и не стремится предоставлять своим субъектам время, за которое все как-то могло бы само собой уладиться. Разве что сохраняется возможность уделить ***больше внимания демократической педагогике, в рамках которой «проработка прошлого» помогла бы противодействовать его забвению, тем более — оправданию забытого***. А для этого «педагогике, вместо того чтобы глубокомысленно нести почерпнутый из вторых рук вздор о бытии человека», «следовало бы настоятельно требовать усиления в университетах позиции социологии, которая совпала бы с историческим исследованием нашей собственной эпохи» [там же]. Пример послевоенной Германии показывает, что политическое образование, там, где оно осуществляется всерьез, а не воспринимается как обременительная повинность, приносит больше положительного, чем принято считать. По сути, все зависит от того, в каком виде представляется прошлое: становится ли оно лишь предметом укора, или же мы преодолеваем ужас нацизма, находя в себе силу, чтобы постичь непостижимое. Проблема практического осуществления подобного просвещения могла бы быть решена, по мысли Адорно, пожалуй, только совместными усилиями педагогов и психологов, не избегающих под предлогом научной объективности той насущной практической задачи, которая стоит сегодня перед их дисциплинами.

Ставя задачу «проработки прошлого», Адорно, вместе с тем чувствует всю ограниченность возможностей просветительской педагогики на пути преодоления тех условий, которые ежечасно порождают «объективный потенциал» возрождения национал-социализма. Даже при условии, что демократическая педагогика будет осуществляться более энергично и на других, более глубоких уровнях. Причина тому очевидная: педагогика «воздействует лишь на тех, кто ей открыт, и потому вряд ли предрасположен к фашизму. С другой стороны, укрепить сопротивляемость и этой группы воздействию необщественного мнения — тоже не будет лишним». Прибегая к термину «необщественное мнение», немецкий философ имеет в виду тех, «кто приспосабливается к настроению, которое хотя и сдерживается официальным табу, но именно потому становится таким заразным». Важное направление просветительской деятельности — напоминать людям о том, что «явные и замаскированные фашистские новации приносят Европе войну, страдания и нужду в системе, основанной на насилии, и, в конце концов, способствуют русской гегемонии в Европе, короче говоря, что они приводят к политической катастрофе» [там же].

Из текста статьи Теодора Адорно следует, что он не может обойти одно из важнейших направлений педагогики — «воспитания воспитателей». Но здесь, как известно, решающее слово остается за самой жизнью. А потому, учитывая изложенные выше объективные обстоятельства, ежечасно порождающие национал-социализм, окончательный тезис Теодора Адорно звучит не весьма оптимистично: «***Прошлое будет проработано лишь тогда, когда удастся преодолеть сами причины событий прошлого***. Лишь потому, что эти причины продолжают действовать, чары прошлого до сих пор не рассеяны» [там же].

Осознавая ограниченные возможности педагогики, даже если она и демократическая, как здесь не вспомнить мудрость древних: «И если труба, зовущая в бой, звучит неуверенно, то кто же поднимется?». Судя по всему, актуальной все же остается задача не просто объяснять мир, но и кардинальным образом преобразовывать его. Все это наводит на мысль, что если кто-то стремиться упорядочить ход истории, ему вольно или невольно придется использовать марксистские категории или какие-то производные, поскольку других альтернатив, судя по всему, очень немного.

Современные истоки радикализма

День сегодняшний внес коррективы в наше понимание «проработки прошлого». Пятьдесят лет спустя после выхода статьи Теодора Адорно вряд ли уже уместно говорить об угрозе «русской гегемонии в Европе». Ушла в прошлое холодная война. Однополюсный мир во главе с Соединенными Штатами Америки не состоялся. В этих условиях важность США сегодня становится еще более очевидной вследствие ослабления их лидерства в разрешении нарастающих международных кризисов. Представления о силе и слабости в европейской политике претерпели серьезные изменения. Что бы ни говорили о мягкой силе мультикультурализма, но Европейский союз, где официальными стали 23 языка народов Европы, все выразительней заговорил «с немецким акцентом» — кто платит деньги в условиях системного кризиса капитализма, тот и заказывает музыку.

В этих условиях тема об угрозе возрождения национал-социализма в Германии как-то сразу потускнела: напоминать лишний раз немцам о преступлениях нацизма стало вроде бы как политически некорректно. В общественном мнении меняется и отношение к периоду правления коммунистов в Немецкой Демократической Республике. Оно стало более сдержанным и благосклонным в оценке прошлого: на бытовом уровне воспоминания об этом периоде истории ограничивается преимущественно пластиковыми автомобилями и забавными фильмами. Громадные капиталовложения в экономику восточных земель нынешней Германии сделали свое дело: большие деньги, как известно, любят тишину, что создает соответствующий климат для процесса консолидации немецкой нации после процесса объединения.

Соответственно меняется и отношение к периоду нацизма — пережитое прошлое уже не воспринимается столь трагично. Нет сомнения, что в каждом обществе всегда можно найти людей, которые в силу своего характера предпочитают полагаться на авторитет государства, идентифицируют себя с каждой реальной властью как таковой, независимо от конкретного содержания ее политического курса в тот или иной период. Часто они задают тон общественному мнению — «все забыть и простить». К тому же, отмечал Теодор Адорно, что было бы «наивно считать, что национал-социалистический режим означал лишь страх и страдание, хотя именно этим он обернулся даже для многих его сторонников. Очень многим жилось при фашизме совсем неплохо. Террор был направлен лишь против немногих более или менее строго определенных групп. После кризисного опыта предшествовавшей Гитлеру эпохи преобладало чувство „о нас заботятся“… В противовес невмешательству прошлых лет, гитлеровский мир до известной степени действительно охранял от стихийных бедствий общества, перед лицом которых люди раньше были предоставлены сами себе. Он насильственными методами предвосхитил современные способы управления кризисами, став варварским экспериментом по государственному регулированию индустриального общества. Повсеместно задействованная интеграция, организационное уплотнение сети общественных связей, в которую попадало все, обеспечивало также защиту от всеобщего страха провалиться сквозь общественные ячейки и уйти на дно. Бесчисленному количеству людей казалось, что холод отчужденного состояния в его бесчисленных формах был упразднен и заменен неважно как манипулируемым и навязываемым теплом соборности» [там же].

В итоге какая-то часть населения и до сегодня склонна с ностальгией вспоминать время исполнения коллективных фантазий людей, которые, взятые по отдельности, не имели власти, но представляли себя кем-то значимым в ощущении иллюзии такой коллективной власти. Их тяготение к национализму в годы «немецкого экономического чуда» удавалось крепко обуздать, но лишь до тех пор, пока либерализм реально утверждал права отдельных личностей в лоне «социально ответственного государства» как предпосылки их коллективного благосостояния. Однако нынешний финансово-экономический кризис значительно замедлил этот социальный тренд — государство всеобщего благосостояния пребывает в кризисе. Как следствие, в обществе опять появилась ностальгия по «теплу соборности». Национализм, ко-

торый ранее был несколько потеснен в сфере идеологической, в плоскости политики, ежедневной жизнедеятельности и быта то и дело продолжает заявлять о себе как реально действующем факторе — «социальном клее» консолидации общества.

В то же время процесс формирования новой наднациональной европейской идентичности переживает кризис, а идея «Европы» все еще рассматривается экспертами как «незавершенный проект». Конечно, в этом направлении интенсивно изыскиваются соответствующие технологии и механизмы, продолжается поиск критериев того, что значит для эмпирического субъекта «быть европейцем». В годы холодной войны этот проект стимулировался противостоянием «Запад/Восток». Для современного этапа функционирования европейских ценностей характерно изменение этого противостояния на оппозицию «Запад/Юг», или оппозицию «Европа/Исламский мир», или «Европа/Третий мир». Например, в современной Германии стали популярными сюжеты мусульманской угрозы. Взять хотя бы книгу Тилло Сарацина «Германия самоликвидируется» (2010 г.). В течение года книга разошлась тиражом 1,3 миллиона экземпляров, а 18% немцев, судя по социологическим опросам, выразили свою готовность поддержать партию, которая взялась бы отстаивать изложенные в книге идеи об актуальности возрождения немецкого образа жизни и традиционных духовных ценностей иудеохристианской Европы.

«Глобальное политическое пробуждение», на котором акцентировал внимание Збигнев Бжезинский в ряде своих выступлений — в канадском Монреале (май 2010 г.), российском Ярославле (сентябрь 2011 г.), и французской Нормандии (октябрь 2011 г.) — усиливает радикализацию политического противостояния в мире. Нарастающее состояние политического брожения стало результатом возмущения людей нищетой и презрением их человеческого достоинства, осознания доведенной до беспрецедентного уровня социальной несправедливости. В свою очередь, доступ к радио, телевидению и Интернету содействуют распространению чувств возмущения и зависти, которые пересекают границы и становятся вызовом существующим государствам и глобальной иерархии. В итоге демографический взрыв возрастной группы до 25 лет создал громадную группу населения «третьего мира», заряженную нетерпением. Их революционное ядро — миллионы студентов учебных заведений, часто довольно сомнительного уровня, которые не соответствуют квалификационным требованиям новейшего времени. Осознавая себя в роли будущих безработных мирового уровня, которым не суждено быть востребованными ни в качестве производителей, ни потребителей, они становятся потенциальными революционерами, «являющими собой эквивалент воинственного пролетариата XIX и XX столетий». Складывается безрадостная перспектива: «современные популистские политические страсти могут быть разогретыми и направленными даже на отдаленные цели, несмотря на отсутствие такой объединительной доктрины, как марксизм» [Бжезинский 2010].

Глобальное политическое пробуждение не замыкается «третьим миром». В 1960-е годы оно проявило себя в антисистемных социальных движениях, которые потрясли весь индустриальный мир: сначала в Соединенных Штатах и Франции, потом в Италии, Германии, Испании, Бразилии, Мексике и Чехословакии, во многих других странах. Вторая волна глобального политического пробуждения 1989-1991 годов вылилась в распад Советского Союза, Югославии и Чехословакии, в падение коммунистической системы власти. Третья волна ныне поднялась в странах арабского мира с неясными перспективами достижения общественного согласия в этом регионе. Не стоит также забывать о набирающем силу «движении возмущенных» в Европе как реакции на размывание основ социально ответственного государства «всеобщего благоденствия», а также заявившем о себе в 2011 г. движения «Occupy Wall Street» в США, которое было поддержано приблизительно 40% опрошенных.

Обобщая этот ряд событий, определивших нынешний социальный тренд, было бы уместно сослаться на авторитетное суждение Иммануила Валлерстайна: «Такая смена настроений в мировом масштабе отнюдь не пошла на пользу существующему положению дел,

наоборот, она лишила капиталистическую мироэкономику политической и культурной поддержки. Никогда больше угнетенные не будут уверены, что история на их стороне. Никогда больше не будут они довольны постепенными переменами в надежде на то, что их дети и внуки пожнут плоды их страданий. Никогда больше не удастся их уговорить подождать с сиюминутными требованиями во имя светлого будущего. То есть теперь многочисленные производители капиталистической мироэкономики лишились основного стабилизующего элемента системы — оптимизма угнетенных» [Валлерстайн 2006: 190].

Приходится констатировать: мир вошел в зону турбулентности с трудно предсказуемыми последствиями. В этом ряду не вселяют особого оптимизма и прогнозы профессора Калифорнийского университета (Беркли) Мануэля Кастельса о том, что XXI век «будет свидетелем роста экстраординарной по историческим стандартам системы производства». Суть проблемы в том, что развиваться отстаиваемая им «сетевая система» глобальной экономики, судя по всему, будет «избирательно, соединяя значимые сегменты и пренебрегая местностями и людьми, которые уже исчерпали свой потенциал или не представляют интереса в данный момент». То есть, определяющей тенденцией становится сегрегация социально отвергнутых слоев населения, приобретающая глобальные масштабы, когда «планета сегментируется на отчетливо различные пространства, определенные различными временными режимами». Перед отвергнутыми сегментами открываются две возможности. Первая — «глобальная криминальная экономика… станет фундаментальной чертой XXI века». Вторая перспектива — «взрыв фундаменталистских движений, которые берут Коран, Библию или другой священный текст для интерпретации и использования его в качестве знамени своего отчаяния и оружия своего гнева. Различного рода фундаментализмы, происходящие из различных источников, будут представлять самый бескомпромиссный вызов одностороннему господству информационального глобального капитализма. Их потенциальный доступ к оружию массового уничтожения бросает гигантскую тень на оптимистические перспективы информационной эпохи» [Кастельс 2000].

Прогнозы английского исследователя левого толка Терри Иглтона еще более драматичны. Он предполагает, что главный кризис капитализма произойдет, вероятно, в следующие десятилетия. Будущее, конечно, будет отличаться от настоящего, но никто не станет гарантировать, что оно будет сколь-нибудь лучше: «Но поскольку Запад стягивает свои фургоны во все более тесные круги и отгораживается от отчужденного, изгнанного, нищего населения „исключенных“ (как дома, так и за границей); и поскольку гражданское общество все больше разрушается до основания, не нужен Нострадамус, чтобы увидеть пятно бури на горизонте». Глобализация углубляет и усложняет эту проблему. Если одна часть мира тесно связана с каждой другой частью, то потрясения в первой рано или поздно могут означать взрыв в другой и кризис в третьей. Таким образом, современная мир-система капитализма, по мысли Т. Иглтона, ***«вполне способна к разрушительной остановке… Вот почему настолько необходимы оппозиционные силы: для того, чтобы сопротивляться как можно дольше фашизму, погромам и дикости, которые должны явится результатом главного кризиса системы»*** [Иглтон 2002].

Таким образом, все говорит о том, что либеральная демократия и фашизм связаны как сиамские близнецы, пребывая в дуальной оппозиции друг к другу. Во всяком случае, осуждая фашизм, мы не должны забывать, что дорогу к нему до сих пор прокладывал именно кризис либеральной демократии.

Фашизм и революция

Чтобы сопротивляться фашизму, необходимо, очевидно, прежде всего, осмыслить этот феномен XX века, определить его сущность и движущие силы. Ключом к пониманию потрясений этого столетия, по мнению выдающегося британского историка, профессора Лон-

донского университета и члена Королевской академии наук Эрика Хобсбаума, есть признание того факта, что «это был крах буржуазного общества XIX века и соответствующего ему специфического типа капитализма. Они рухнули, и их надлежало реконструировать на новой основе. Именно в этот период, который я назвал „эпохой катастроф“, с 1914 года и до конца 40-х, то есть первых послевоенных лет, само будущее капитализма было под вопросом… Однако Великая депрессия и Вторая мировая война дала толчок трансформации капиталистического хозяйства на новой основе. Последовали быстрые перемены — экономические, социальные и культурные, — которые изменили мир до неузнаваемости. Это обусловило новый миросистемный кризис, наблюдаемый сегодня» [Хобсбаум 2004].

Естественно определить место и роль ультраправого радикализма, как в процессе обновления капитализма, так и в час переживаемого ныне миросистемного кризиса. Значительный объем работы в этом направлении был проделан в 1990-е годы профессором Университета «Оксфорд Брукс» Роджером Гриффином (кстати, в последнее время этот автор уделяет значительное внимание исследованию движений правого толка в Украине). Краеугольный тезис концепции Гриффина состоит в том, что он рассматривает итальянский фашизм и немецкий нацизм (часто объединяя их общим понятием «фашизм») как радикальную форму «революции справа». Столь неожиданное объединение этих двух понятий — «фашизм» и «революция» — нуждается в дополнительном анализе.

Молчаливо предполагается, что «настоящие» революции не просто заменяют одну социально-политическую, экономическую и технологическую систему другой, но и позволяют человечеству (или его части) перейти при этом на более высокую степень развития. Марксисты стремятся создать новое общество без эксплуатации, отстаивая за собой монополию на светлое послереволюционное будущее и обвиняя своего соперника — фашизм — в ретроградной защите капиталистической системы. Что же касается либеральных авторов, то многие из них демонстрируют другое заблуждение. Они используют термины «Американская революция», «Французская революция», «Русская революция» для описания качественного скачка в общественном развитии, однако не готовы признать революционным такое общественное движение как фашизм. Да и вообще либералы, как правило, не признают существования какой-то цельной фашистской идеологии, считая ее просто смесью культа личности, оголтелого национализма и организованной жестокости.

Как это ни противоречит устоявшимся взглядам, Р. Гриффин берет на себя смелость утверждать, что идеология фашизма вполне революционна. И в этом вопросе он не одинок: на протяжении 1990-х годов вовне марксистского лагеря рос консенсус относительно того, что фашизм представляет собой форму популистской политики обновления, черпающей идеологическое сцепление и мобилизационную силу из грез о приближающемся национальном возрождении. Кризис либеральной демократии, воспринимаемый фашистами как национальный упадок и декаданс, сменяется в этой идеологии эрой предстоящего обновления в новом постлиберальном миропорядке. В силу этого, фашистское движение позиционирует себя как некую революцию, конкурирующую с коммунистической: «даже если ультраправые, в общем, представляют собой консервативные (ретроградные) силы, то, по крайней мере, в своих фашистских проявлениях, эта идеология в действительности функционирует как революционная» [Гриффин 2012].

В итоге, рассмотренный под этим углом, фашизм представляется по сути революционной формой шовинистического и антилиберального ультранационализма, нацеленного на мобилизацию масс для искренней поддержки *снизу* тех резких действий самопровозглашенной *сверху* элиты, как якобы крайне необходимых для спасения нации от смертельной угрозы. В этой идеологии провозглашается задача создания нового типа государства, основанного на энергии, берущей свои истоки в возрожденной нации, сплоченной страстными патриотическими чувствами. В ней широко культивируются метафоры «крови» и «расы». Обращение к распаду и смерти трактуется в роли предвестника новой жизни, в которой принесение в жерт-

ву становится частью развертывающейся эпической формы истории. Фашистский национализм представляет собой мифический воображаемый мир, в котором требования Истории, Судьбы и Провидения, воплощенные в нации, довлеют над индивидом, где сочувствие ко всем человеческим существам, независимо от их расы и ценности для общества, рассматривается как признак духовного упадка, который необходимо преодолеть.

Тяготение фашизма к политике общественных потрясений тоже требует пристального анализа в общецивилизационном аспекте. Что и говорить, все революции по определению деструктивны, поскольку один сегмент общества логикой событий неминуемо претендует на предпочтение всем другим, якобы «сдерживающим прогресс». Так, либеральная революция подразумевает уничтожение феодального или коммунистического «старого режима». Коммунистическая революция, со своей стороны, требует уничтожения буржуазного капитализма, что на практике не раз уже приводило к массовому террору. Даже «бархатные революции» в Польше и Чехословакии разрушали систему, создававшую многим обычным людям определенную стабильность, материальную обеспеченность и социальный мир. То есть, реальный социализм худо-бедно, но предоставлял населению многое из того, что быстро исчезло с наступлением «дикого капитализма». То же самое произошло на постсоветском пространстве.

Однако радикализм фашистской революции оказался избирательным — основным его фокусом была не цивилизация, не общественный строй, а «своя» нация: «Фашисты пытались возродить итальянцев, разбудив в них героические качества Древних Римлян. Нацисты предприняли все возможное для сплочения всех здоровых этнических немцев в объединенную национальную общность, *Volksgemeinschaft*» [там же]. И как только теория генетической или расовой чистоты появляется на горизонте видения будущего национального величия, то становится логичным провеять зерно и избавиться от шелухи. Для фашистского революционера уничтожение врагов является интегральной частью перманентной революции. Спецназ Третьего Рейха насчитывал сотни тысяч фанатичных последователей, готовых быть жестокими «на благо нации». Поставив во главу угла расовое здоровье и гигиену, лженаука евгеника определила врагами чистоты нации целые категории людей: от евреев (убито до 6 миллионов) и цыган (убито свыше 750 000) до гомосексуалистов. Под эту категорию попадали также физически и умственно неполноценные, большинство которых стало жертвами программы систематического уничтожения: более 320 000 этнических немцев было стерилизовано, а еще около 150 000 убито для «улучшения здоровья нации». Это не считая миллионов славянских военнопленных и остарбайтеров, которые попали в рабство или были убиты как воплощение расовой неполноценности. Не удивительно, что нацистские попытки реализовать свои фантазии относительно Нового Мирового Порядка привели к войне, бесчеловечности, массовому порабощению, массовым убийствам и геноциду невиданного масштаба.

Подводя итоги, Р. Гриффин констатирует, что фашизм является радикальной формой «революции справа». Понятное дело, что эта идея, из всех ревизионистках требований последних десятилетий, оказалась наиболее сложной для принятия в Европе. Особенно тот тезис, что немцы при Гитлере «жили в революционно новую эпоху». Тем не менее, в Европе постепенно возобладало понимание того, что годы нестабильности в Италии после Первой мировой войны, также как и коллапс Веймарской республики после 1929 года, внесли в сознание людей чувство «ужаса перед историей» и глубокой угрозы самому своему существованию. В этих условиях фашизм сработал как эрзац-религия, дав ощущение эйфории коллективной защищенности в чувстве принадлежности к нации. Фашизм не был антикапиталистическим, но он пытался создать альтернативную современность: радикально выступая против индивидуалистского, материалистического духа капитализма (особенно международного), он пытался заменить его всеобъемлющим чувством лояльности к нации, привнеся, таким образом, в жизнь людей иллюзию эрзац-духовности.

Эти мысли Гриффина перекликаются с суждениями Адорно, высказанными полстолетия назад: «С субъективной стороны, то есть, исходя из работы человеческой психики, нацио-

нал-социализм способствовал непомерному росту коллективного нарциссизма, проще говоря, национального тщеславия. Инстинктивные нарциссические побуждения отдельного человека, которым очерствелый мир предоставляет все меньше возможностей для удовлетворения, но которые, тем не менее, продолжают существовать в неослабленном виде, пока цивилизация отказывает им в столь многом, находят суррогатное удовлетворение в идентификации с целым» [Адорно 2005]. Адорно считал, что все эти проявления коллективного нарциссизма и тщеславия не были преодолены, но продолжают существовать втуне в подсознании, наращивая латентный потенциал радикализма, готовый выплеснуться вовне в любой критический момент.

Украинский правый радикализм

На фоне этой значительной переоценки периода фашизации Европы в сторону признания ее «революционной новой эпохой», было бы, очевидно, целесообразным рассмотреть и призыв Европарламента от 13 декабря 2012 года к оппозиционным демократическим силам Украины: не сотрудничать с Всеукраинским объединением (ВО) «Свобода», не поддерживать и не формировать коалиций с этой партией из-за того, что ее члены прибегают к распространению «расистских, антисемитских и ксенофобских взглядов». Интригу в эту ситуацию внес еще один дополнительный факт: депутатами Европарламента не была принята другая поправка (Михаэля Галера от группы народных партий) с призывом к украинским демократам отказаться от сотрудничества с Компартией Украины. Таким образом, попытка подвести под одну черту преступлений прошлого — как коммунистов, так и националистов — не увенчалась успехом. В итоге, украинские коммунисты получили от Европарламента своеобразную фору, чем было проиллюстрировано, что «проработка прошлого» в Европе, судя по всему, все еще несет на себе печать избирательности, где присутствует фактор двойственной морали по отношению к тоталитарным режимам прошлого.

Импульсом для призыва Европарламента послужил заметный успех на выборах в Верховную Раду Украины 2012 года Всеукраинского объединения (ВО) «Свобода» — 10,4% голосов по системе пропорционального представительства. Это стало сюрпризом, как для международных политических наблюдателей, так и украинских избирателей, поскольку «Свобода» получила почти вдвое больше голосов, чем прогнозировали различные социологические службы.

Однако, если рассматривать проблему в общеевропейском контексте, то в столь значительном результате праворадикальной партии нет ничего экстраординарного. Так, достаточно вспомнить возглас Юрия Карякина «Россия, ты одурела», когда в 1993 году за либерально-демократическую партию России было отдано 22,9% голосов. Можно вспомнить и 49,1% голосов отданных в октябре 1997 в Сербии за Воислава Шешеля, или 17,9% голосов, отданных за Жана-Мари Ле Пена, лидера Национального фронта на президентских выборах 2002 года во Франции. Среди недавних событий — 16,7% голосов, отданных за Движение «За лучшую Венгрию» (Йоббик) на венгерских парламентских выборах 2010 года.

Что касается проведения своеобразного «санитарного кордона» вокруг радикально националистических партий, то в каждой стране присутствуют свои характерные особенности. В принципе, как отмечает упомянутый Р. Гриффин, в каждом обществе всегда есть 10-15% людей, которые нетерпимы по своей природе — крайние националисты, ксенофобы, экстремисты. В каждой стране проблема взаимоотношения с ними решается по-своему. Так, в 1999 г. радикально правая Австрийская партия Свободы Йорга Хайдера получила на федеральных выборах 27% голосов и вошла в состав правительственной коалиции. После этого Австрия моментально стала изгоем внутри Европы, а 14 стран ЕС резко сократили с ней сотрудничество. С точки зрения европейцев, произошло немыслимое — в Европе рухнул негласный санитарный кордон, не допускавший в большую политику радикальных националистов. В ито-

ге Хайдер ушел в отставку, сложив с себя формальный титул лидера АПС. Так же и во Франции — Национальный фронт никогда не брали в правительственную коалицию, поскольку он позволяет себе ксенофобские высказывания. Однако есть и другие примеры. На выборах в 1996 г. в Италии «Лига Севера» получила 30 мест в палате депутатов, 17 в сенате и 5 министерских портфелей. К привычной ксенофобии этой партии по отношению к неаполитанцам и сицилийцам в последние годы прибавилось и нагнетание фобий перед беженцами из арабских стран, а также гастарбайтерами из Молдовы и других стран Восточной Европы. Подобные ксенофобские настроения преобладают ныне и в Швейцарии, где запрещено строить мечети и чрезвычайно тяжело получить разрешение на трудоустройство. Так что не все так просто и однозначно и в самой Европе.

В общем итоге, Европа стала более терпимой по отношению к правым движениям, набирающим силу на волне иммиграционной или социолингвистической ситуации в каждом конкретном государстве. Поэтому, и оценка Р.Гриффином украинской партии «Свобода», чьи лидеры провозглашают стремление к либеральной демократии именно для украинцев, такова: «Это форма либерализма, а не фашизма… И это не то, что хотел, например, Адольф Гитлер. Он не желал либерально-демократического, капиталистического государства. Даже если бы оно было исключительно для этнических немцев. Он стремился к революционному, новому типу тоталитарного государства. Если говорить о „Свободе“, то это правая популистская партия. Ее позиция — отпор историческим и этническим тенденциям, которые заполонили Европу. И понятно, что вопросы идентичности перед украинцами, которые длительное время не имели собственного национального государства, стоят еще серьезней. То есть, это еще и исторический реванш» [Гріффін 2012: 31].

Что же собой представляет электорат, который поддержал эту радикальную партию? Вопреки укоренившемуся мнению, которое активно распространяют политические противники «Свободы», этих людей нельзя отнести к категории выходцев из регионального захолустья, которые, дескать, отстаивают ретроградные позиции. Согласно результатам Национального экзит-полла, проведенного непосредственно после голосования 28 октября 2012 года, электорат этой правой популистской партии оказался с отрывом самым образованным и городским: 48% опрошенных избирателей «Свободы» указали, что они имеют диплом о высшем образовании, а 47,5% оказались жителями областных столиц. Эти данные значительно выше аналогичных показателей крупных националистических партий в других европейских странах. И они заставляют задуматься на предмет социальной базы правого радикализма, ведущего, в своем крайнем выражении, к тоталитаризму.

Как показывает анализ Р. Гриффина [Гриффин 2012], в последние десятилетия в мире было сделано несколько логически обоснованных шагов по направлению к новому осмыслению тоталитаризма. В англоязычном мире предвестником этих перемен стала книга Саймона Торми «Понимание тирании», увидевшая свет в 1995 г. В ней утверждалось, что «прежде всего тоталитаризм происходит из радикализма, из недовольства настоящим, превращаясь в жажду нового». Репрессивный государственный аппарат тоталитаризма является внешним проявлением поиска «идеи, реализация которой состоит в полной трансформации самой природы человеческого бытия». ***Эта ведущая идея в той или иной форме находит свое воплощение в палингенетической идеологии, иными словами — идеологии «возрождения»*** нации, государственности, цивилизации и т. д.

В работах итальянского исследователя Эмилио Джентиле установление тоталитаризма означает, с одной стороны, попытку политического доминирования, предпринятую революционным движением, обладающим интегралистским пониманием политики и стремящимся к монополии на власть. После достижения власти законным или незаконным путем, это движение уничтожает или трансформирует предыдущий режим и создает новое государство, основанное на однопартийном режиме, главной целью которого является порабощенное общество. Таким образом, это движение стремится подчинить, объединить и гомогенизировать

подвластное ему общество на основе интегральной политизации жизни — общественной и личной. Здесь мифы и ценности воплощаются в идеологии «возрождения», узаконенной в форме политической религии. Ее целью является становление нового человека, душой и телом преданного выполнению задач тоталитарной партии. Конечной целью является создание новой цивилизации.

Но, с другой стороны, принципиально новым в изложении Джентиле является вывод: сама логика «возрождения» вынуждает создавать сложную политическую религию не для того, чтобы обманывать и манипулировать массами, но в целях создания нового человека. Весь парадокс ситуации усиливается тем, что ***либеральные или гражданские общества также стремятся к сакрализации политики в целях укрепления внутреннего чувства законности и поддержания общественного консенсуса.*** Именно из этого проистекает «гражданская религия», которая, например, является заметным элементом политической культуры США. В итоге, наш анализ приводит к тому, что ***«санитарный кордон» между тоталитарными и либеральными обществами несколько размывается.*** А это дает основание для историков и социологов к пересмотру традиционных подходов к решению проблем консенсуса, законности и сопротивления с той точки зрения, что, возможно, ***на некоторых этапах развития тоталитарного общества возникает подлинный симбиоз официального мировоззрения «возрождения» и народных стремлений к участию в историческом процессе обновления и возрождения.***

Анализ электората «Свободы» в части его отношения к идеологии этой партии показывает, что о достижении какого то устойчивого консенсуса здесь речь не идет. По мнению авторитетного в научных кругах доцента Национального университета «Киево-Могилянская академия» Андреаса Умланда, явно идеологически мотивированный электорат «Свободы» составляет, возможно, менее половины от общего числа избирателей партии. А у неидеологической части избирателей можно выделить три предполагаемых мотива для их голосования в пользу «Свободы». Голосование первых было своеобразным протестом против действующего курса, который они воспринимали как антиукраинский, в частности, из-за принятия закона о государственной языковой политике, повышающей статус русского языка. Вторую группу представляют собой стратегически ориентированные избиратели, которые отдали свои голоса «Свободе» для того, чтобы обеспечить наиболее жесткую оппозицию правительству. Им импонировала жесткая дисциплина, резко очерченный идеологический профиль и ярко выраженный революционаризм представителей партии «Свобода» в уличных акциях. Избиратель увидел в этом залог последовательности в оппонировании правительственному курсу. И, наконец, третью группу составляли избиратели, которых можно трактовать как «тактических» попутчиков. Основываясь на неясных предвыборных прогнозах для «Свободы», которая могла и не преодолеть барьер в 5%, они хотели гарантировать третьей оппозиционной партии прохождение в парламент. Только впоследствии выяснилось, что такая тактическая поддержка оказалась излишней [Умланд 2012].

Таким образом, в условиях Украины идеология «возрождения», которая присутствовала на уровне политических лозунгов первых лет независимости, так и не превратилась в новую политическую религию. Но это не значит, что пути в этом направлении уже окончательно заказаны. Многое будет зависеть от того, насколько «проработка прошлого» коснется идеологии, политики и практики предшественника «Свободы» — Организации Украинских Националистов и ее вождя Степана Бандеры.

Непринятие традиции ОУН

По наиболее общему признаку членства Всеукраинской организации «Свобода», ее партийный состав Р. Гриффин разделяет на две группы: «Одни защищают либеральную демократию, одновременно выступая за более широкие права украинцев, которые исторически были

угнетены и нуждаются в обновлении идентичности. А другие имеют фашистские, расистские убеждения» [Гріффін 2012: 31].

Дифференцировано к вопросу идентификации кадрового состава партии «Свобода» пытается подходить и А. Умланд: «Неслучайно, что некоторые функционеры „Свободы“ имеют заметный интерес к межвоенному европейскому фашизму, включая его немецкие разновидности, такие как „левые“ течения в НСДАП (напр. штрассеризм) или „консервативная революция“. Но все же „Свободу“ не стоит классифицировать, ни как нацистскую, ни как неонацистскую партию. Социал-национализм „Свободы“ продолжает не германской национал-социализм, а скорее идеологическую традицию ОУН и близких к ней теоретиков — таких как Дмитрий Донцов — которые, правда, в свою очередь находились в 1930-х под влиянием европейского фашизма, не в последнюю очередь немецкой „консервативной революции“. Таким образом, „Свободу“ можно только частично отождествлять с германским классическим фашистским движением» [Умланд 2012].

Оценки этих авторов, на позициях которых в значительной мере уже обозначилась достигнутая в Европе тенденция к «проработке прошлого» касательно переосмысления сущности тоталитарных режимов, как мне кажется, уже в чем-то сказалась на подходе рабочей группы украинских историков при Правительственной комиссии по изучению деятельности Организации украинских националистов и Украинской повстанческой армии (ОУН-УПА). В частности, в итоговом документе комиссии подчеркивалось, что сами организаторы и идеологи ОУН стремились заимствовать элементы политических и социально-экономических программ итальянского фашизма. В частности, в решениях конгресса ОУН 1929 г. содержались элементы, которые роднили политический образ будущей Украинской соборной державы с фашистским вариантом корпоративной системы. В дальнейшем развитии мировоззренческих основ, идеологии и политической практики ОУН, по мнению экспертов, также присутствовал ряд моментов, которые роднили их с радикальными и тоталитарными движениями и режимами, прежде всего с итальянским фашизмом и немецким национал-социализмом. Однако при этом весьма важно обратить внимание на существенное предостережение экспертов — схожесть определенных черт идеологий и политических программ не может служить поводом для отождествления различных за происхождением движений или режимов: каждый из них должен нести ответственность сам за себя.

Более того, при «проработке прошлого» нам не уйти от другого аспекта: ориентируясь на евроинтеграцию и отвергая духовное наследие оуновского «интегрального национализма», можем ли мы, при этом проводить своеобразный «санитарный кордон» между деятельностью ОУН и практикой советского тоталитарного режима? Итоговый документ ведущих украинских историков убеждает в том, что успеха на этом пути нам не видеть: «Если принять во внимание набор внешних и функциональных признаков в определенный период существования ОУН (например, культ вождя, стремления установить монопартийную диктатуру, построение четкой партийной иерархии с железной дисциплиной, придания идеологии черт религиозного мировоззрения и т.д.), то эту организацию можно отождествить с советским тоталитаризмом. Специфическое отождествление ОУН с итальянским фашизмом или немецким национал-социализмом было или ситуативным, или использовалось как орудие политической борьбы» [Організація українських націоналістів… 2005: 38].

Вот этот шлейф прошлого, в котором можно обнаружить и элементы фашизма, и нацизма, и советского тоталитаризма во многом объясняет достаточно критическое отношение в Украине к деятельности ОУН. Современный украинец не может не учитывать и характеристику личного состава ОУН в годы ее активной борьбы: речь идет о невысоком уровне образованности, что сказалось и на низких организационных способностях кадрового состава. Все это обусловило широкое непринятие нынешним массовым сознанием Украины идеологии «интегрального национализма» в его оуновской интерпретации: «Украинский национализм в современной доминирующей интерпретации пребывает в плену узкой исто-

рико-ретроспективной локализации, то есть, он отягощен грехами интегрального национализма. Слишком тесная связь с деятельностью националистических организаций 30-40-х годов XX ст. стала преградой тому, чтобы его приняли и усвоили также другие течения политической мысли и политические движения» [Лісовий, Проценко 2006: XIII].

А о том, что «интегральный национализм» ОУН мало в чем изменился за последние 50 лет, в украинской науке уже сложился определенный консенсус. Например, по свидетельству авторитетного канадского исследователя украинского происхождения Ивана Лысяка-Рудницкого: «Украинский национализм подходит под понятие тоталитарного движения», а «утверждение о том, что националистическое движение уже в 1943-44 годах перешло на демократические позиции, не имеет достаточных оснований» [Лисяк-Рудницький 1994: 250, 256]. В том же контексте дают свою оценку и историки упомянутой выше правительственной рабочей группы: в бандеровской ОУН «произошла идеологическая герметизация, базированная на публицистической риторике образца 1930-х гг. Глорификация образа С.Бандеры после его трагической гибели и политико-идеологическая самоизоляция ОУН(Б) исключили возможность содержательной идеологической эволюции» [Організація українських націоналістів… 2005: 39].

В итоге круг замкнулся — достаточно трудно в нынешней Украине массово переубедить какой-либо значительный контингент населения, особенно восточных и южных областей, в том, что «свой», «родной» украинский тоталитаризм будет нам духовно ближе, нежели «чужой» — советский тоталитаризм. Более того, отдавая свои голоса Компартии Украины, радикальный электорат этих регионов предпочитает все-таки привычную форму советского тоталитаризма. Все это усугубляет ситуацию «двух Украин», проистекающую из обстановки 20-30-х годов XX ст. — большевизации Евразии и фашизации Европы. Но, в конечном итоге, если верить Теодору Адорно, «к обеим версиям тоталитаризма предрасположены одни и те же типы людей», то есть — в своей массе и необандеровцы, и неокоммунисты представляют собой один и тот же психологический тип. Эти люди «располагают лишь слабым „я“ и поэтому в качестве эрзаца нуждаются в идентификации с большими коллективами, в которых они могли бы укрыться» [Адорно 2005].

Хотя объединение «Свобода» и позиционирует себя как «всеукраинское», его деятельность вряд ли способствует решению проблемы «двух Украин». Например, А. Умланд обращает внимание на то, что, с одной стороны, электорат радикального национализма сконцентрирован преимущественно в западных регионах: Львовская, Ивано-Франковская и Тернопольская области (Галичина). С другой стороны, «Свобода» настойчиво декларирует свои общеукраинские претензии, и даже добилась уже определенной поддержки со стороны протестных стратегических и тактических попутчиков. Однако, в конечном итоге, идеологические установки ОУН и образ Степана Бандеры в большинстве областей Украины наталкиваются на активное непринятие.

К сожалению, среди определенных групп населения Украины это негативное восприятие Бандеры огульно проецируется на жителей западных регионов в целом. Процесс усиления взаимопонимания между отдельными регионами Украины усложняет и тот факт, что жителям восточных и южных областей Украины трудно преодолеть порочный советский стереотип восприятия жителя Галичины как якобы бандеровского ксенофоба, предателя и коллаборациониста. Нужны годы и десятилетия для осознания того, что Западная Украина в течение 600 лет была в составе других государств — Польши, Венгрии, Австрии. И лишь в сентябре-октябре 1939 г. этот регион был присоединен к Советскому Союзу. Вряд ли за короткий промежуток в полтора года (до июня 1941 г.) ее население могло принять СССР как свое Отечество. Тем более, что насильственная коллективизация разрушала веками устоявшийся образ жизни, а значительный контингент жителей региона был репрессирован и депортирован. В этих условиях советская власть воспринималась галичанами как оккупационная, а борьба

против «советов» считалась в общественном мнении не предательством, а национально-освободительным движением под руководством ОУН.

На ситуацию влияли и внешнеполитические факторы Второй мировой войны. Так, 30 июля 1941 года Лондонское польское эмигрантское правительство договорилось с Кремлем о сотрудничестве (пакт Сикорского-Майского). Восстанавливая прекращенные 17 сентября 1939 года в одностороннем порядке дипломатические отношения, советское правительство признавало советско-германские договоры 1939 года утратившими силу в части территориальных изменений в Польше. В приложении к соглашению указывалось, что советское правительство предоставляет амнистию всем польским военнопленным и содержащимся в заключении на советской территории польским гражданам. Учитывая этот факт, можно предположить, что какая-то часть населения Западной Украины могла полагать, что снова возобновила гражданство польского государства, а потому по определению эти люди не могли трактовать себя в роли предателей СССР, гражданами которого они уже себя не считали.

Можно ли в одночасье преодолеть негативные стереотипы относительно различных регионов Украины, оставшиеся в наследство от советского прошлого? Сомнительно. Наметившаяся в украинской и западной историографии тенденция к переосмыслению истоков и движущих сил праворадикальных и откровенно фашистских течений вряд ли в состоянии изменить стереотипы, навязанные в свое время советским черным пиаром. Судя по всему, они еще долго будут отравлять общественное сознание Украины. Во-первых, потому что экспертная дискуссия о правильности и значении тех или иных исторических фактов и интерпретаций касательно бандеровской ОУН если и имеет, то только ограниченное политическое значение. А, во-вторых, что касается массового политического сознания, то здесь влияние ученых всегда достаточно опосредствовано и весьма протяженно во времени. Отраженное в школьных учебниках, это знание может дать эффект лишь спустя многое годы. К тому же, многие страницы деятельности ОУН вряд ли кому удастся обелить. В свете вышесказанного, можно принять вывод А. Умланда: «Какими бы ни были причины раскола в историческом сознании украинцев, и как бы ни развивалась дискуссия среди исследователей новейшей истории — в ближайшие годы следует ожидать, что негативное отношение подавляющего большинства южных и восточных украинцев к ОУН-УПА не изменится. Наоборот, в свете новых научных публикаций о деятельности лидеров ОУН(Б), оно может усилиться» [Умланд 2012].

Этот вывод лишь подтверждает прогноз рабочей группы историков при Правительственной комиссии по изучению ОУН и УПА, изложенный еще в 2005 г.: «Противостояние между сторонниками и противниками националистов, между ветеранами ОУН и КПСС, УПА и Советской Армии со временем лишь обострится. Определяя свое отношение к ОУН-УПА, украинскую власть при любом решении будет подстерегать опасность протеста со стороны какой-то части общества. Единственный выход состоит в демифологизации деятельности, с одной стороны, ОУН-УПА, а с другой — Кремля, в распространении исторической правды, какой бы она ни была» [Організація українських націоналістів… 2005: 4].

Конечно, в анализе следует учитывать и особенности нынешней политической борьбы в Украине. Самопозиционирование «Свободы» как новых бандеровцев имело бы смысл, если бы они, по примеру таких европейских правых как бельгийский «Фламандский интерес» или итальянская «Северная лига», исповедовали бы сепаратизм и требовали отделения, например, Галичины от Украины. Но свободовцы, напротив, неустанно подчеркивают, что руководствуются принципом объединения и сохранения Украины в ее сегодняшних границах, надеясь существенно расширить свое электоральное поле. Не исключено, что им действительно удастся создать отдельные ячейки электоральной поддержки на левобережной Украине. Однако, судя по всему, для большинства русскоговорящих украинцев, да и многих украиноязычных, это скорее станет фактом их отчуждения от идеи соборной украинской нации, чем фактором единения. Уже сегодня видно, что многие ответственно рассуждающие умеренно националистические украинские интеллектуалы и политики стараются дистанцироваться от «Сво-

боды». Но при этом, исходя из особенностей расклада сил в Верховной Раде Украины, некоторые оппозиционные партии уклоняются от политики «санитарного кордона» с правыми, а тем более избегают дебатов по вопросу бандеровского прошлого. В итоге проблема научной «проработки прошлого» усложняется, часто отдается на откуп дилетантам, которые, к сожалению, во время различных ток-шоу заполняют телеэфир низким уровнем высказываний при отсутствии профессиональных выводов и суждений.

На наш взгляд, эта ситуация чревата откладыванием на неопределенное будущее перехода Украины от фазы «идентичности сопротивления» к конструктивной фазе «идентичности проекта». А именно в последнем нуждается современное украинское общество перед вызовом все усложняющихся проблем глобализации и нарастания феномена «глобального политического пробуждения», который еще не раз напомнит о себе в предстоящих избирательных кампаниях.

Адорно Т. 2005. Что значит «проработка прошлого»? — *Журнальный зал. Неприкосновенный запас*. — № 2-3 (40-41). — Доступно: http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ado4.html. — Проверено: 14.10.2013 г.

Бжезинский З. 2010. Глобальное политическое пробуждение. — Бжезинский З. *Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы*. — М.: Международные отношения. — Доступно: http://politzone.in.ua/index.php?id=752. — Проверено: 14.10.2013 г.

Валлерстайн И. 2006. *Миросистемный анализ: введение*. — М.: Издательский дом «Территория будущего».

Гриффин Р. 2006. *Палингенетическое политическое сообщество: переосмысление легитимации тоталитарных режимов в межвоенной Европе*. — Доступно: http://www.shekhovtsov.org/translations/Roger_Griffin-Palingenetic_Community.pdf. — Проверено: 14.10.2013 г.

Гриффин Р. 2012. *Революция правых: фашизм*. — Доступно: http://www.fti.dn.ua/-metlov/griffin.html. — Проверено: 14.10.2013 г.

Иглтон Т. 2002. *Убежище в буре истории*. — Доступно: http://scepsis.net/library/id_1664.html. — Проверено: 14.10.2013 г.

Калхун К. 2006. *Теории модернизации и глобализации: кто и зачем их придумывал*. — Доступно: http://www.inop.ru/files/calhoun.doc. — Проверено: 14.10.2013 г.

Кастельс М. 2000. *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*. — Доступно: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/09.php. — Проверено: 14.10.2013 г.

Умланд А. 2012. *Типичная разновидность европейского правого радикализма?* — Доступно: http://www.geopolitika.lt/print.php?artc=5801. — Проверено: 14.10.2013 г.

Хобсбаум Э. 2004. *Масштаб посткоммунистической катастрофы не понят за пределами России*. — Доступно: http://scepsis.net/library/id_421.html. — Проверено: 14.10.2013 г.

Гріффін Р. 2012. *«Свобода» хоче ліберальної демократії, але тільки для українців*. — Країна. — № 33.

Лісовий В., Проценко О. 2006. Націонализм, нація та національна держава. — Лісовий В., Проценко О. *Націоналізм: антологія*. — 2-ге вид. — К. : Смолоскип.

Лисяк-Рудницький І. 1994. Історичні есе. Т. 2. — Київ: Основи.

Організація українських націоналістів… 2005. *Організація українських націоналістів і Українська повстанська армія*. Фаховий висновок робочої групи істориків при Урядовій комісії з вивчення діяльності ОУН і УПА. — Київ, Наукова думка.

РАЗНОВИДНОСТИ КОЛОНИАЛИЗМА: О ВОЗМОЖНОСТЯХ ПРИМЕНЕНИЯ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ МЕТОДОЛОГИИ К ИЗУЧЕНИЮ ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЙ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Микола Рябчук

Аннотация: *В статье рассматриваются возможности применения постколониальных подходов к изучению различных процессов и явлений в посткоммунистических странах Восточной Европы, которые исторически принадлежали к «внешней» части Советской империи. В частности, автор показывает, что ряд особенностей развития посткоммунистической Украины становятся понятнее в контексте российско-советского внутреннего колониализма и что именно различные типы колонизации разных регионов в значительной мере обусловили нынешний украинский регионализм и общую социальную амбивалентность. Одновременно автор определяет объективные пределы постколониальной интепретации Восточной Европы, обусловленные прежде всего отсутствием в советском империализме эксплицитно расистской компоненты, крайне важной для классических (пост) колониальных ситуаций. Именно это обстоятельство делает российско-советский колониализм значительно более инклюзивным: он был дискриминационным в отношении отдельных групп, но к индивидам применял только требование идеологической лояльности. В целом, признавая эффективность постколониальных подходов к объяснению многих явлений посткоммунистического, в том числе постсоветского мира, автор все же защищает потребность постоянной саморефлексии и методологической самодисциплины, обусловленной четким осознанием отличий российско-советского колониализма от классического колониализма.*

Ключевые слова: *постколониализм, посткоммунизм, Украина, Советская империя, внутренний колониализм.*

Двенадцать лет, которые прошли с момента появления известной статьи Дэвида Чиони Мура [Moore 2001] о применимости постколониальных подходов к изучению посткоммунизма, принесли немалое количество публикаций в развитие этой темы, но все же так и не развеяли вокруг нее ауру определенной маргинальности и противоречивости. Ни главные представители постколониальных исследований пока еще не включают посткоммунистический мир в сферу своего интереса, ни ведущие исследователи посткоммунизма не спешат включать постколониальную методологию в свой рабочий инструментарий. Что же касается тех авторов, которые все же стремятся наводить мосты между указанными двумя подразделами, или, как сказал бы Мур, выясняют, насколько приставка «пост-» в слове «посткоммунизм» являет-

ся той же самой, что и в слове «постколониализм», — то им приходится начинать почти каждый труд своеобразной апологией избранного ими подхода [Moore 2001; Carey, Raciborski 2004; Chari, Verdery 2009; Fiut 2007; Korek 2007; Kuhiwczak 2013; Scheibner 2009; Skórczewski 2009; Stefanescu 2012; Tlostanova, Mignolo 2009]. Все это свидетельствует о шаткости, неопределенности, неустойчивости определяемой здесь дисциплины.

Дэвид Мур назвал взаимное невнимание исследователей посткоммунизма и постколониализма один к другому «двойным молчанием» („double silence“, что можно перевести также как «обоюдное замалчивание») и попытался обнаружить его объективные причины. С одной стороны, утверждал он, недоверие исследователей постколониализма к объектам посткоммунистического мира обусловлено их исторической привязкой к трехчленной модели мира, разделенного соответственно на «первый», «второй» и «третий» мир, а также преимущественно их левыми политическими ориентациями, которые не позволяли ставить идеализованный коммунистический мир в один ряд с отталкивающим западным империализмом [Moore 2001: 117].

А с другой стороны, недоверие исследователей посткоммунизма к постколониальным студиям тоже имеет свои объективные причины. Во-первых, утверждает Мур, для них всегда существовала четкая дискурсивная граница, обусловленная расовыми и религиозными различиями, между советским «Западом» и «Востоком», которая делала народы советского «Запада» еще более отличающимися от народов Азии или Африки. А во-вторых, сами восточноевропейские народы стремятся как можно дальше дистанцироваться от (пост) советской России, полагая своей стратегической целью «возврат в Европу», к которой, говорят, они всегда принадлежали. Тем самым советское доминирование представлялось преимущественно в категориях оккупации, а не колонизации. Восточноевропейские народы не без основания опасались, что акцент на их колониальный статус в советской империи может преуменьшить их европейскую идентичность в глазах Запада и усложнить их евроатлантическую интеграцию.

Можно добавить еще несколько факторов к тем, которые, по мнению Мура, обусловливают «обоюдное замалчивание». Среди исследователей постколониализма, которые нередко являются выходцами из «третьего» мира, заметно желание монополизировать страдания, связанные с колониальным угнетением. В основе этого, часто неосознанного, желания лежит опасение в том, что действительно уникальная проблема расовой дискриминации и расистского колониализма может быть преуменьшена путем сопоставления с другими, не-расистскими формами угнетения и доминирования. (Кстати сказать, что-то подобное наблюдается и среди исследователей Холокоста, которые часто крайне настороженно относятся к попыткам отдельным коллег сравнить это уникальное явление с другими геноцидами или же рассматривать его в более широком контексте нацистских «кровавых земель» [Снайдер 2011] и истребления на них восточноевропейских «недочеловеков»).

Между тем среди исследователей посткоммунизма преобладает склонность к транзитологической парадигме, которая рассматривает изменения во «втором» мире прежде всего как процессы демократизации, строительства институтов и догоняющей модернизации. Что касается культурно-антропологичесмких аспектов, которые лежат в основании постколониального теоретизирования, то политологи преимущественно не придают им существенного значения. Возможно, только теория «зависимости от траектории пройденного развития» (path-dependence) открывает определенные возможности применения постколониального подхода к посткоммунизму не только как политическому, экономическому и институциональному феномену, но и как культурному и дискурсивному [Патнем 2001].

Кроме того, не исключено, что недоверие исследователей посткоммунизма к постколониальной методологии обусловлено злоупотреблением терминами «империя» и «колониализм» в массовой журналистике и политической пропаганде, где они имеют исключительно отрицательную окраску. Именно в этой роли — как воплощение абсолютного зла — они часто используются для обвинения прежней метрополии во всех возможных проступках и для

отпущения грехов ее жертвам от какой бы то ни было собственной ответственности за свое нынешнее положение. Авторитету постколониальных исследований не благоприятствует также использование антиколониальной, антимодернистской методологии различными антимодерными, антиглобалистскими и неоконсервативными движениями, особенно в Восточной Европе, где они стремятся представить Запад как нового «хозяина» («вашингтонский обком»), который будто бы просто пришел на смену старому московскому хозяину.

Все эти факторы действительно являются достаточно существенными, чтобы их учитывать, но не настолько, чтобы они могли дискредитировать и исключить использование постколониальной методологии при изучении посткоммунизма. Какими бы ни были различные отличия между «вторым» и «третьим» миром, именно подобия между ними способствуют применению определенных теоретических концептов и критических инструментов из круга постколониальных исследований для анализа некоторых процессов и явлений посткоммунистического мира. Как пишут Дорота Колодзейчик и Кристина Шандру, особенно это относится к наличным в посткоммунистическом мире «структурам включения/исключения (модель центра/периферии, лиминальности и бытия-между), формациям национализма, структурам дифференциации и репрезентации различий, формам и способам исторической реализации антиколониальной/антиимперской борьбы, травматического опыта (включая вопросы коллективной памяти/амнезии и переписывания истории), сопротивления как комплекса культурных практик и таких концептов, как альтернативность, амбивалентность, самоколонизация, культурная география, дислокация, культуры меньшинств и подчиненные культуры, неоколониализм, ориентализация, транснационализм» [Kołodziejczyk, Sandru 2012: 113].

Действительно, сравнение не означает уравнение; речь ни в коем случае не идет о снятии различий между посткоммунизмом и постколониализмом, а только о более систематичном и последовательном выяснении определенных подобий между ними. В частности, Колодзейчик и Шандру напоминают, что и во «втором» и в «третьем» мире принудительная модернизация имела общие свойства: как «прикладной марксизм», то есть коммунизм, так и промышленных капитализм реализовали аналогичную политику ускоренной индустриализации и урбанизации, развития инфраструктуры, борьбы с религиозными предрассудками, трайбализмом и традиционным образом жизни (который колонизаторы называли «варварским», а коммунисты — «буржуазным») [Kołodziejczyk, Sandru 2012: 115].

Дэвид Мур приводит еще более подробный список подобий между российско-советской колонизацией соседних территорий и западной колонизацией заморских стран, которую, собственно, и считают «классической»:

«Суверенные местные правительства заменяются марионеточными или прямым контролем метрополии. Африканская система образования ставит в привилегированное положение язык колонизаторов, местная история переписывается с имперской точки зрения. Автохтонные религиозные традиции подавляются, идолы уничтожаются, взамен утверждаются альтернативные религиозные и нерелигиозные идеологии. Колонизированные районы Африки подвергаются экономической эксплуатации. Самостоятельная торговля колоний между собой или с внешними партнерами строго ограничивается или целиком запрещается. Экономическое производство осуществляется на командной основе и приспосабливается к потребностям метрополии, а не к местным нуждам. Если местные валюты даже существуют, они конвертируются только в валюту метрополии. Сельское хозяйство становится монокультурным, окружающая среда подлежит деградации. В гуманитарной сфере голоса диссидентов слышны лишь в эмиграции, но попасть в нее крайне сложно. Тем самым оппозиционная энергия направляется в различные формы мимикрии, сатиры, пародирования, анекдотов. Однако наиболее общей характеристикой общества является культурная стагнация» [Moore 2001: 114].

Кстати сказать, это последнее свойство еще двадцать лет тому назад проницательно заметил Марко Павлишин, обсуждая постколониальный контекст и, соответственно, колониальное наследство именно в Украине: «Культурные явления (произведения искусства,

культурные учреждения, процессы в культурной жизни общества) можно считать колониальными, если они способствуют утверждению или развитию имперской власти, лишают престижа, сужают поле активности, ограничивают сферу видимого горизонта, а то и уничтожают то, что является местным, автохтонным, словом, колониальным, одновременно подчеркивая достоинство, мировой масштаб, современность, необходимость и природность столичного, центрального» [Павлишин 1993: 116].

Безусловно, и колониальный, и коммунистический миры были достаточно разнородны, а потому далеко не все перечисленные Муром колониальные свойства одинаково относятся ко всем странам. На самом деле Советский Союз был весьма специфической империей, и те, кто считает советский эксперимент неколониальным «не без оснований указывают на стремление коммунистов освободить трудящиеся массы, ликвидацию многих привилегий для этнических русских на юге и востоке прежней империи, поддержку многих союзных языков, строительство заводов, больниц, школ, освобождение женщин от гарема и паранджи, поддержку антиколониальной борьбы в мире, а также тот факт, что немалое число нерусских в советской сфере влияния поддерживало большевистский режим» [Moore 2001: 123].

Но таким же образом и те, кто считает советский режим только иной разновидностью колонизаторов не без оснований указывают на «массовые депортации целых народов, геноцидное поселение казахских кочевников, принудительное введение монокультур в Средней Азии и экологическую катастрофу Аральского моря, советский захват независимых балтийских государств в 1940 году, обязательную российскую этничность во главе каждой советской республики, советские танки в Будапеште 1956 и Праге 1968 годов» [там же: 124].

Существует немало других аргументов в пользу обоих точек зрения, однако Мур считает, что самое главное здесь — это субъективное ощущение порабощенных народов: «Безусловно, с точки зрения узбека, венгра или литовца ситуация была колониальной. По большинству классических признаков — отсутствие суверенной власти, ограничение выезда, военная оккупация, отсутствие конвертируемой валюты, подчинение национальной экономики внешнему гегемону, принудительное изучение языка колонизаторов — центрально-европейские народы действительно находились под русско-советским контролем примерно с 1948 до 1989-1991 годов» [там же: 121].

Понятно, что все это еще в большей мере относится к порабощенным народам внутренней советской империи, которые находились под еще более жестким контролем на протяжении еще более длительного времени [Величенко 2009].

Дэвид Мур отмечает, что в некотором смысле почти все народы мира в определенные периоды своей истории были колонизированными, и потому сегодня могут изучаться с постколониальной точки зрения. Однако такое расширение перспективы девальвирует саму категорию постколониальности и лишает ее аналитической силы. В случае постсоветской сферы эта девальвация не представляется опасной, поскольку «Россия, а затем СССР действительно осуществляли мощный колониальный контроль над громадной территорией от пятидесяти до двухсот лет, и хотя большая часть такого контроля сегодня закончилась, его последствия все еще заметны в литературах и культурах постколониальных-постсоветских народов, включая саму Россию» [Moore 2001: 123].

При этом автор признает «специфические модальности русско-советского контроля и его постсоветских реверберацій» и их существенное отличие от «стандартного англо-французского случая». Дальнейший ход его аргументации однако, вызывает недоумение: «Но опять-таки, ставя в привилегированное положение англо-французский случай как своеобразный колониальный стандарт и трактуя российско-советский опыт как отклонение, мы тем самым искусственно поддерживаем давно устаревшее центральное положение западного, то есть англо-французского мира. Я думаю, пора покончить с этой традицией» [там же: 123].

Аргумент странен, поскольку признание уникального опыта расово униженных и угнетенных народов ни в малейшей мере не ставит их угнетателей в привилегированное положе-

ние, точно так же, как признание Холокоста нисколько не ставит в привилегированное положение ни нацистов, ни Запад в целом. Исключительная важность именно расового унижения в постколониальных исследованиях не имеет ничего общего с мнимой центральностью западного, то есть англо-французского мира. Такое признание лишь устанавливает определенную систему координат, точку отсчета, по отношению к которой мы можем рассматривать другие виды колониального опыта — с разной мерой эксплуатации, угнетения и дискриминации, но без основного и на самой деле центрального для постколониальных исследований опыта расистского супрематизма.

В этой системе координат наиболее близким к классическому колониализму является опыт расово различных народов Российской, а затем российско-советской империй, колонизация которых преимущественно имела либо поселенческий характер, как в Сибири и на Крайнем Севере [Slezkine 1994], либо классически-завоевательный характер, как в Средней Азии и на Кавказе, вплоть до настоящего времени [Layton 1994]. Наименее подобным классическому колониализму является опыт народов Восточной Европы, принадлежащих к «внешней» империи. Во-первых, в отличие от народов «внутренней» империи они все-же сохраняли определенный политический, экономический и особенно культурный суверенитет. Во-вторых, они никогда не интернализовали комплекса неполноценности в отношении колониального гегемона, поскольку ко времени вступления советских войск уже успели сформировать сильное национальное самосознание, то есть стали вполне современными эгалитарными нациями, которых можно оккупировать, но невозможно покорить, ни путем кооптации (или истребления) местных элит, ни путем навязывания им мнимой более высокой культуры метрополитального центра. Наоборот, на протяжении всего периода принудительной принадлежности к «Советскому блоку» они культивировали собственное, иногда даже гипертрофированное чувство превосходства по отношению к «восточным варварам» [Кундера 1995], легитимизирующим свое доминирование лишь грубой силой и, в меньшей степени, противоречивым нарративом «освобождения» Восточной Европы во время второй мировой войны, а также малоубедительными претензиями на роль лидеров мирового революционного движения. Вне сомнения, восточноевропейские государства были протекторатами, но скорее неоколониального, нежели колониального типа.

В этом контексте Украина и Беларусь представляют промежуточный случай между по существу классическим колониализмом в российско-советской Азии и на Кавказе и относительно мягким неоколониальным доминированием СССР в Восточной Европе. С одной стороны, украинцы и белорусы не имели даже того ограниченного суверенитета, которым обладали их западные соседей, — что особенно четко, согласно Павлишину, проявлялось в сфере культуры. Но, с другой стороны, они не ощущали такого унижения с расовой точки зрения, как народы Востока, — открытого в Российской империи, скрытого — в российско-советской. На групповом уровне их права были существенно ограничены, но на индивидуальном уровне дискриминации практически не существовало, поскольку украинцы и белорусы в Российской империи официально считались «тем же народом», что и русские (или «почти тем же», в империи советской). Однако для этого они были вынуждены принять роль «того же самого» (или «почти того же самого») народа, стало быть, отказаться от своей украинской (или белорусской) идентичности как совершенно иной, автомномной и самодостаточной. Нежелание отказаться от своей инаковости и от определенных групповых (национальных) интересов, не обязательно тождественных российским, трактовалось как нелояльность в обеих империях и преследовалось как измена. Украинцы фактически были разделены на «своих», «одомашненных» («хохлы», «малороссы») и на чужих, враждебных («бандеры», «мазепинцы») [Kappeler 2003]. Первые были скорее советским субэтносом, в целом безвредным местным этнографизмом, тогда как вторые стремились стать отдельным народом, — именно по этой причине они ощущали в обоих империях всестороннюю дискриминацию и репрессии.

Дэвид Мур считает, что в Украине преобладал третий, «династический» тип колонизации (вместе с упомянутыми выше поселенческим и завоевательным). Он был распространен главным образом в домодерную эпоху, когда идентичность определялась прежде всего конфессиональной и сословной принадлежностью, а категория «нации» относилась исключительно к высшим социальным классам. Династическая колонизация была относительно легкой, поскольку империи надлежало лишь позаботиться о кооптации местных элит, тогда как массы простого, преимущественно сельского населения постепенно ассимилировались в рамках общеимперского процесса модернизации и аккультурации.

Обе империи — Российская и Советская — были достаточно инклюзивными для того, чтобы привлечь наиболее активных и амбициозных украинцев и белорусов перспективами социального продвижения на высшие посты, одновременно нейтрализуя любую протонационалистическую ересь в весьма ограниченной элитной среде. Эта инклюзивность в сочетании с близостью языка и культуры и отсутствием действительно важных для домодерного самосознания конфессиональных барьеров существенно облегчила ассимиляцию украинских элит. Однако с другой стороны слабость институтов и общая цивилизационная недоразвитость Российской империи сделали невозможной аналогичную ассимиляцию широких крестьянских масс, как это произошло, скажем, во Франции, в которой династическая колонизация — то есть преобразование разноэтничных «крестьян во французов» (в терминах Ждина Вебера), довольно успешно произошла в XIX столетии [Weber 1974]. Российская империя почти полностью русифицировала города, но ничего не смогла поделать с гигантской, преимущественно неграмотной сельской периферией [Миллер 2000].

Несмотря на определенную и в целом вынужденную амбивалентность большевистской политики 1920-х гг. в сфере языка и культуры, советская модернизация существенно изменила положение [Martin 2001]. Ликвидация неграмотности, стремительная урбанизация-индустриализация и введение всеобщей (русскоязычной) воинской службы заметно ускорили асимилиционные процессы во всех республиках, а в Украине и Беоруссии в наибольшей степени. В этом плане крайне важным было уничтожение национальной интеллигенции и истребление так называемых «кулаков» — как перспективного сельского «среднего класса», а также закрепление крестьян в колхозах, то есть преобразование их в бесправных беспаспортных рабов (лишенных возможности выезда из своего убогого гетто) и почти безденежных (поскольку плата за рабский труд осуществлялась натурой, если вообще осуществлялась).

Отдаленным последствием такой геттоизации было углубление цивилизационного барьера между преимущественно русскоязычным городом и украиноязычным селом; подсознательное, а иногда и сознательное отождествление украинского мира с сельским — нищенским, малообразованным и «малокультурным»; формирование на этой основе у городских (русскоязычных) жителей глубокого пренебрежения к отсталым, недоразвитым и неполноценным сельским (украиноязычным) согражданам и синекдохическое пересенение такого отношения на все украинское; наконец, интернализация такого отношения сельскими жителями и формирование на этой основе глубокого комплекса неполноценности.

Фактически большевики превратили село во внутреннюю колонию [Эткинд, Уффельман, Кукулин 2012] — аналог «третьего» мира относительно городского «первого», источник беспощадной экономической эксплуатации и трудовой миграции на тяжелые, опасные и малооплачиваемые работы в городе. Даже осуществленная при Хрущеве отмена крепостного права, то есть выдача колхозным крестьянам паспортов, не изменила их общего дискриминационного положения, поскольку сохранилась система «прописки» — как свеобразный эрзац виз, с помощью которых первый мир регулирует доступ жителей третьего мира к своим ресурсам. Собственно говоря, даже сам процесс получения прописки во многом подобен получению визы с правом на работу: для этого нужны либо взятка, либо брак (реальный или фиктивный), либо поступление на учебу, либо зачисление в «лимитчики» — категорию работников, которых не хватает в первом мире по тем или иным причинам.

Безусловно, при всем подобии между глобальным третьим миром и советским внутренне-колониальным, следует помнить и о существенном различии между ними — отсутствии в советском колониализме фундаментальной расистской компоненты. Коммунизм как система был самым различным образом беззаконен и дискриминационен по отношению к многим группам, включая этнические, однако на индивидуальном уровне у советских подданных было несравненно больше возможностей избежать дискриминации по сравнению с цветными жителями Африки, судьба которых существенно предопределялась уже самим цветом их кожи. Для украинцев такой кожей был их «черный», «колхозный» язык — убогий, позорный и отсталый. Изменить эту «кожу» было несложно, по крайней мере, во втором поколении, — что, собственно, и провело практический знак равенства между урбанизацией и русификацией и сделало почти половину этнических украинцев в быту русскоязычными.

Этот процесс преобразования вчерашних колхозных рабов в относительно более свободных и обеспеченных, а главное — более продвинутых с точки зрения статуса горожан (с русским языком как признаком этого статуса) может быть чрезвычайно интересной темой для постколониальных исследований. Он включает: отбрасывание аутентичного языка и связанной с ним (посредством разнообразных культурных кодов) идентичности; ежедневный опыт обид и оскорблений (реальных или воображаемых) со стороны социально и культурно продвинутых горожан; регулярное переживание стыда из-за своих сельских, малообразованных и «малокультурных» родственников; глубокую и чрезвычайно травматическую для психики интернализацию ощущения цивилизационного превосходства городских «белых» над сельскими «черными» — русскоязычного мира над украиноязычным [Грабович 1994].

Майкл Гехтер в пионерской работе «Внутренний колониализм: кельтские окраины в британском национальном развитии» (1975) был едва ли не первым, кто написал о «белом расизме» как важном факторе, который поддерживает структуру внутренней колонии и обеспечивает ассимиляцию угнетенного меньшинства (его преобразование из «черных» в «белых») или же толкает ее к радикальному национализму (то есть, к защите своей «чернокожести»). «Англосаксы и кельты не разнятся цветом кожи, — писал он, — однако расизм процветает и там» [Hechter 1975: XVI-XVII].

«(1) Характерной чертой имперской экспансии является унижение автохтонных культур периферийных групп. (2) Одним из следствий такого унижения оказывается ослабление воли и способности автохтонного населения сопротивляться колониальному режиму. (3) Политическая инкорпорация решающим образом влияет на прогресс англизации, которая осуществляется не только посредством правительственных декретов, но и через добровольную ассимиляцию периферийных элит» [Hechter 1975: 24].

Александр Мотыль, обсуждая аналогичные проблемы на «восточнославянских окраинах» Российской империи, главным образом в Украине, употребляет более точный термин «супрематизм» для обозначения пренебрежительного отношения значительной части русскоязычного населения, в том числе властных элит, к украинскому языку как будто бы неполноценному и недоразвитому, а потому и к его носителям как к людям второго сорта (малообразованное «село» или же идеологически акцентуированные «националисты») [Motyl 2013]. Российский супрематизм как определенное мировоззрение и дискурс является безусловно производным от колониальной ситуации, описанной тем же Мотылем около четверти века тому назад:

«Использование того или иного языка имеет большое символическое значение в политизированной языковой среде, однозначно располагая говорящего с той или другой стороны идеологической баррикады… Украинские диссиденты (…) ощущали, что использование украинского языка равнозначно оппозиционности в отношении советского государства… Хотя вроде бы никакой закон и не запрещал отклонений от «нормального» языкового поведения.., в целом нерусские, а украинцы в частности, прекрасно знали, что упорное употребление собственного языка, особенно среди русских, будет восприниматься как отрицание

«дружбы народов» и проявление неприязни к «советским людям». Именно потому, что украинский и русский язык взаимно понятны, использование украинского в общении с русскоязычными собеседниками было настолько явным демаршем против духа, если не буквы русификаторской политики, что каждый наглец, который решался на подобный демарш, автоматически получал ярлык «бандеровца», «петлюровца», «буржуазного националиста» или, в лучшем случае, неблагодарного родственника «старшего брата»… Мало кто из украинцев ради чистоты языка шел на риск публичного осуждения, потери работы и даже тюрьмы. Чтобы избежать шовинистических реакций и подозрений в нелояльности, большинство переходило на русский» [Motyl 1987: 100-101].

Следует подчеркнуть, что внутренний колониализм в российско-советской империи не был только украинским явлением. Закрепощение крестьян в колхозной системе углубило везде, включая Россию, драматический разрыв между «первым» (городским) и «третьим» (сельским) миром. И все же в России «первый» и «третий» мир говорили на одном языке; колонизаторы и колонизируемые здесь принадлежалди к одной культуре и этносу. «Третий» мир в России был таким же нищенским, отсталым и отверженным, как и в Украине. Однако в России существовал также «первый» мир — мир Москвы, Ленинграда и других больших городов, в которых национальный язык и культура если и не расцветали, то все же развивались, несмотря на все идеологические ограничения — чего совершенно нельзя сказать о Киеве, Одессе или Харькове. (Единственным частичным исключением можно считать западноукраинские города, в которых урбанизация не означала русификации, потому что местное население не интернализовало комплекса второразрядности относительно колонизаторов. Здесь их воспринимали преимущественно как оккупантов — в соответствии с парадигмой стран Восточной Европы и Балтии. Однако периферийность этого региона, особая репрессивность режима и не прекращаемое до сих пор его пропагандистское демонизирование и отчуждение сводят роль региона к маргинальной в общеукраинском контексте в целом).

Фактически везде за пределами России внутренний колониализм приобрел признаки колониализма внешнего, российско-советского. Социальное угнетение приобрело национальную окраску. Первый мир говорил по-русски, третий — на местных языках, которые становились своеобразным стигматом, черной кожей, признаком цивилизационной осталости или, того хуже, политической наблагодежности.

Выводы

В заключение вслед за Дэвидом Муром мы можем повторить, что постколониальность в настоящее время является настолько глобальным, универсальным явлением, а колониальный опыт настолько широк и разнообразен, что каждая культура и личность вступают с ними в определенные отношения — посредством прибавки приставок нео-, пост-, экс-, анти-, эндо-, не-. Можно спорить, действительно ли постколониальность, как утверждает Мур, «стала настолько же фундаментальной для мировых идентичностей, как и ряд других универсальных категорий — расы, класса, касты, возраста, пола». Или действительно ли ту или иную местность считать «постколониальной». Более важно, однако, на самом ли деле «постколониальная герменевтика» помогает нам лучше понять ту или иную местность, ту или иную ситуацию [Moore 2001: 124].

Собственно, о продуктивности «постколониальной герменевтики» говорят и Дорота Колодзейчик и Кристина Шандру, когда призывают полностью использовать существующие теоретические наработки постколониальных исследований, сохраняя при этом здоровый скептицизм в отношении любых слишком прямолинейных сопоставлений и заимствований и одновременно полностью используя «саморефлексивное качества приставки «пост-» в посткоммунизме и постколониализме». Как пишут они, речь идет о «всестороннем изучении

региона в рамках европейской модерности, а не о завоевании для него некого особого постколониального статуса» [Kołodziejczyk, Sandru 2012: 116].

В предисловии к украинскому изданию своего классического труда «В иных мирах» Гаятри Чакраворти Спивак аналогичным образом приглашала коллег к более активному овладению постколониальной методологией: «Творческое применение модели «колонизатор-колонизованный» на ваших территориях, — писала она, — только усилит, придаст новый импульс дискурсу колониализма и постколониальных исследований, а также будет способствовать выработке очень интересной модели» [Співак 2006: 21].

На самом деле, было бы наивно полагать, будто бы постколониальный подход объясняет все украинские проблемы. Но еще более наивно думать, что без него можно вполне обойтись при обсуждении вопрсов украинской идентичности, русификации, региональных разделов, амбивалентного отношения к России и Западу (и олицетворяемым ими ценностям) и т.д. Совсем недавно Мирослав Шкандрий, один из авторитетных западных украинистов, писал: «Мне кажется совершенно очевидным, что постколониальные исследования, наряду с феминистскими исследованиями и исследованиями подчиненных (subaltern), являются тем участком, на который следует обратить внимание украинским ученым. Концепты, методы, идеи и образцы, заиствованные из постколониальных исследований, могут ощутимо стимулировать анализ украинского культурного опыта» [Shkandrij 2007: 83].

Авторизованный перевод с украинского
В.П. Макаренко

Величенко С. 2009. Чи була Україна російською колонією? Деякі зауваження щодо поняття колоніялізм. — *Україна модерна*. — № 3.

Грабович О. 1994. Спадщина колоніалізму в сучасній Україні. Кілька ключових питань. — *Арка*. — № 2.

Кундера М. 1995. Трагедія Східної Європи. — *Журнал "Ї"*. — №6. Доступно: http://www.ji.lviv.ua/n6texts/kundera.htm. — Проверено: 14.10.2013 г.

Миллер А. 2000. *«Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века)*. — СПб.: Алетейя. Доступно: http://www.ukrhistory .narod.ru/texts/miller.htm. — Проверено: 14.10.2013 г.

Павлишин М. 1993. Що пере-творюється в Ре-креаціях Юрія Андруховича? — *Сучасність*. — № 12.

Патнем Р. 2001. *Творення демократії. Традиції громадянської активності в сучасній Італії*. — Київ: Основи.

Снайдер Т. 2011. *Криваві землі*. — Київ: Грані-Т.

Співак Ґ.Ч. 2006. *В інших світах. Есеї з питань культурної політики*. — Київ: Всесвіт.

Эткинд А., Уффельман Д., Кукулин И. 2012. Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением. — Эткинд А. и др. (ред.). *Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории Росссии*. — Москва: НЛО.

Carey H., Raciborski R. 2004. Postcolonialism: A Valid Paradigm for the Former Sovietized States and Yugoslavia?. — *East European Politics & Societies*. — Vol. 18. — No. 2.

Chari S., Verdery K. 2009. Thinking between the Posts: Postcolonialism, Postsocialism, and Ethnography after the Cold War. — Comparative Studies in Society and History. — Vol. 51. — No. 1.

Fiut A. 2007. In the Shadows of Empires. Postcolonialism in Central and Eastern Europe. — Why Not? — Korek J. (ed.). *From Sovietology to Postcoloniality. Poland and Ukraine from a Postcolonial Perspective*. — Huddinge: Sodertorns hogskola.

Hechter M. 1975 *Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development, 1536-1966*. — London: Routledge.

Kappeler A. 2003. Mazepintsy, Malorossy, Khokhly: Ukrainians in the Ethnic Hierarchy of the Russian Empire. — Kappeler A. et al. (eds.). *Culture, Nation, and Identity*. — Edmonton: CIUS.

Kołodziejczyk D., Sandru C. 2012. Introduction: On colonialism, communism and east-central Europe — some reflections. — *Journal of Postcolonial Writing*. — Vol. 48. — No. 2.

Korek J. 2007. Central and Eastern Europe from a Postcolonial Perspective. — Korek J. (ed.). *From Sovietology to Postcoloniality. Poland and Ukraine from a Postcolonial Perspective*. — Huddinge: Sodertorns hogskola.

Kuhiwczak P. *How postcolonial is post-communist translation?* — Доступно: http://go.warwick.ac.uk/wrap. — Проверено: 14.10.2013 г.

Layton S. 1994. *Russian Literature and Empire: Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy*. — Cambridge: Cambridge UP.

Martin T. 2001. An Affirmative Action Empire: The Soviet Union as the Highest Form of Imperialism. — Suny R. G., Martin T. (eds.). *A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin*. — Oxford: Oxford UP.

Moore D. 2001. Is the Post- in Postcolonial the Post- in Post-Soviet? Toward a Global Postcolonial Critique. — *PMLA*. — Vol. 116. — No. 1.

Motyl A. 1987. *Will the Non-Russians Rebel?* — Ithaca: Cornell UP.

Motyl A. 2013. Soviet-Style Imperialism & the Ukrainian Language. — *World Affairs Journal*. — February 11. Доступно: http://www.worldaffairsjournal.org/blog/alexander-j-motyl/soviet-style-imperialism-ukrainian-language. — Проверено: 14.10.2013 г.

Scheibner T. 2009. Okres postkolonialny czy postkolonialna Europa Wschodnia i Srodkowa? — *Porównania*. — Nr. 6.

Shkandrij M. 2007. The Postcolonial Moment in Ukrainian Writing. — Korek J. (ed.). *From Sovietology to Postcoloniality. Poland and Ukraine from a Postcolonial Perspective*. — Huddinge: Sodertorns hogskola.

Skórczewski D. 2009. Polska skolonizowana, Polska zorientalizowana. Teoria postkolonialna wobec “innej Europy”. — *Porównania*. — Nr. 6.

Slezkine Yu. 1994. *Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North*. — Ithaca: Cornell UP.

Stefanescu B. 2012. Reluctant Siblings. Notes on the Analogy between Postcommunist and Postcolonial Subalterns. — *CEU host lecture*. — March 5.

Tlostanova M., Mignolo W. 2009. Global Coloniality and the Decolonial Option. — *Kult*. — No. 6.

Weber E. 1974. *Peasants into Frenchmen: The Modernizarion of Rural France, 1870-1914*. — Stanford, CA: Stanford University Press.

Интервью и беседы

НУЖНА ЛИ СЕГОДНЯ РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ?
Беседа В.Е. Семенкова с В.В. Савчуком

В.Е. Семенков
журнал «Credo New»
В.В. Савчук
Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация: *Беседа сотрудника журнала «Credo new» Семенкова В.Е. с доктором философских наук, профессором философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета, директором Центра медиафилософии СПбГУ, членом жюри премии «Вторая навигация», Лауреат премии философского общества С.-Петербурга «Вторая навигация» за лучшее философское исследование 2012 г. книгу «Топологическая рефлексия» Валерием Владимировичем Савчуком.*

Ключевые слова: *философия, русская философия, философское сообщество, интервью.*

Вадим Семенков: Каково состояние нынешней русской философии?

Валерий Савчук: Разговор о состоянии философии не может быть кратким. Он предполагает, как минимум, учет внешних и внутренних факторов. Внешний фактор — модус присутствия философии в жизни общества. Нужно признать, что в нашем обществе философия не присутствует, т.к. на события политической, художественной, экономической и пр. жизни она не реагирует и не влияет, поэтому в публичных дебатах мы видим всех кого угодно кроме философов. Философ в нынешней ситуации пребывает в такой нише, в которой он малозаметен. Мы знаем, что художника обидеть может каждый, а вот философа — никто, поскольку нельзя обидеть того*, кого нет*. А те, кто есть, например, именующий себя философом писатель Михаил Веллер, — *выше* критики. Внутренний — состояние институтов, факультетов, кафедр философии, которые выпускают философов. Меня не покидает удивление не количеством их, а нарушением закона перехода количества в качество. Возникает подозрение, как будто эти структуры работают вхолостую. Где яркие и вызывающие споры книги, статьи, публичные лекции и выступления?

Вадим Семенков: Выселение Института философии РАН из центра Москвы куда-то на окраину, это — зло или благо для отечественной философии?

Валерий Савчук: Во-первых, не на окраину, а чуть дальше от Кремля. Во-вторых, выселение Института философии, на мой взгляд, это вопрос о весе и значимости отечественной философии в обществе. Если прежде она исполняла идеологическую функцию, и в этом смысле как-то ценилась властью, то в нынешней ситуации эта функция отпала. Но так как для общества философы ничего не делают, а живут согласно прямолинейно понятым словам Ортеги-и-Гассета, — пребывая в самоощущении бесполезности, непрактичности и чистой созерцательности, — то стоит ли удивляться, что в глазах чиновников-юристов философия стала не по чину занимать лакомые куски недвижимости и еще более ценной земли. С одной стороны, мне все это печально, поскольку я много раз бывал в Институте философии. И, как мне искренне казалось в аспирантские годы, это было место подлинной философии. С другой — я думаю, что само расположение Института философии, вид из окон, те книги, которые выставлены на стендах в коридорах, — все это вызывало сложный комплекс ощущений: уважение, зависть (вот ведь можно занимать себя философскими исследованиями и только ими и не преподавать по 10-14 пар в неделю), приобщение посредством участия в конференциях. Когда сегодня В.А. Подорога, показывая рукой на помещение своего сектора аналитической антропологии, говорил, что здесь был цвет мировой философии от Хабермаса до Нанси и Деррида, и что на новом месте это уже не создать. И он прав. События, встречи, происходившие на волне интереса к России, нельзя создавать искусственно. Мы все, в том числе и власть имущие, так любим цитировать анекдот про английский газон, а у себя каждый год разбиваем его на новом месте, а старый превращаем в стоянку автомобилей или стройплощадку.

Вадим Семенков: Я считаю, что Институт философии РАН, в том виде, в каком он был, больше для философского дела не нужен.

Валерий Савчук: Ну, как сказать. Одно знаю точно: если бы такой институт был в Петербурге, то ситуация здесь, уверен, была бы иной. Ведь ряд ныне известных во всем мире французских философов работали не в университете, а в исследовательских центрах, созданных в противовес университету.

Вадим Семенков: Сейчас говорят о нулевых годах политики, имея в виду двойное значение самого понятия «нулевые», а в философии эти годы тоже нулевые?

Валерий Савчук: Нет, не бесполезные. На самом деле эти «нулевые годы» проделали свою незримую, но далеко идущую работу: во-первых, в это время произошла инвентаризация лакун — важнейших, но неизвестных у нас текстов. Во-вторых, эти книги худо-бедно прочтены и усвоены. В-третьих, философы, обучившись иностранным языкам, стали ездить,

слушать лекции и лично общаться с западными философами. Сейчас мы можем констатировать, что уже какой-то массив западной философии в нашем распоряжении есть. Те, кто вызывал интерес к себе, пересказывая неизвестных, потеряли кредиты. Возникает вопрос: ну и что дальше? Любой сам может прочитать и понять эти тексты. Важно, какой делать следующий шаг. Если не делать его, тогда мы обречены быть учениками и популяризаторами западной (а подымись Китай и предложи «философию своего успеха» или «философию, которая способствовала такому успеху»), а то и восточной мысли в наш контекст? Мы по сей день не знаем ответ на вопрос Чаадаева: «Кто когда-либо мыслил за нас, кто теперь за нас мыслит?» Я часто замечаю казус человека, который с пренебрежением говорит, что «ни русской философии, ни современной русской философии у нас нет». Если этот человек не философ, то это нормально — *сопротивление философии* в любом обществе было всегда. Но если он профессиональный философ, то я не могу не видеть в этом утверждении гордыню. Поскольку говорящий это имеет в виду следующее: в России философии нет, но я, в отличие от не знающих, знаю это, посему я и есть настоящий философ. В этом есть изрядная доля лукавства и высокомерия. Поскольку на вопрос «А ты кто?» ответ часто звучит следующий: я не русский философ, а историк философии, эстетик, феноменолог или культуролог. Слыша это, понимаю, что он философ *во вторую очередь*. Но обидная для самоидентификации такого мыслителя метаморфоза происходит всегда, когда он — выходец из России — оказывается на Западе, Востоке ли, тогда помимо его воли и желания он зачисляется в русские философы, несмотря на все указания на национальность, убеждения, политические воззрения и жажду раствориться в чужом контексте и получить доходное место.

Вадим Семенков: Я как то спросил профессора Константина Семеновича Пигрова: «В каких местах сейчас производится отечественная философия?». И он сказал мне, что та группа, которая сформировалась вокруг журнала «Логос», и производит философию. А Ваше мнение, в каких местах сейчас производится философия в России?

Валерий Савчук: Странно, что Константин Семенович с присущим ему чувством юмора, не указал на курируемое им общество «Самодеятельных философов». Но, если серьезно, вопрос рейтинга — всегда весьма чувствительный вопрос. Согласно результатам любых рейтингов (сколь бы они ни были несовершенны, но других еще никто не придумал), то в общем 90% *видных* философов России — в Москве (полагаю больший процент, чем капиталов). Это не значит, что философ там, где деньги, просто философ там, где центр, поэтому мы должны честно сказать: философия сосредоточена в Москве, небольшая часть в Петербурге, а в остальных регионах она рассеяна по крупицам. Хотя контакты в последнее время худобедно налаживаются. По крайней мере, я вижу это на примере работы нашего Центра медиафилософии. Такова реальная ситуация. Моё мнение — это плохо, не только потому, что нет конкуренции университетов, а еще потому, что обесценивается топос (не воспринимайте это за философское самомнение). Земля, не находя выражения своих интересов в местной литературе, изобразительном искусстве, философии, поэзии, медиа, становится территорией, клондайком, сырьевой базой, стартовой площадкой чиновника для переезда в Москву, а в конечном счете безмолвной, безыдейной, безлюдной — ну просто мечта китайцев. К сожалению, и видимо к стыду, я мало знаю о философии в регионах, помимо медиафилософских коллег.

Вадим Семенков: Я могу предположить, что философии там просто нет. Но у профессора К.С. Пигрова мысль была иная. Он не говорил, что в Москве есть философия, он сказал, что вот те 5-6 человек, что собрались вокруг «Логоса», они-то и делают современную философию. В развитие этой мысли, могу сказать, что в Самаре есть тоже группа, объединенная фигурой профессора Владимира Александрович Конева, в Екатеринбурге это те философы, которые, так или иначе, являются единомышленниками декана философского факультета УрГУ, академика РАЕН, профессора Александра Владимировича Перцева.

Валерий Савчук: В той же Самаре я назвал бы группу проф. С.Л. Лишаева, в Ростове-на-Дону — проф. В.П. Макаренко, в Курске — проф. А.В. Дьякова, в Калининграде — проф. В.Н. Брюшинкина и т.д. И я не вижу здесь противоречия. Если мы посмотрим на историю философии, то увидим, что философы обучались не в *безликих* университетах, но слушали лекции или посещали семинар конкретного преподавателя, и у всех был учитель. К слову, я неоднократно спрашивал у студентов философов старших курсов, кого они считают своими учителями? И неизменно слышал ответы: мой учитель — Платон, Кант, Гегель, Гуссерль. Они не понимают, что ученик это не только тот, кто себя сам так называет, но его еще должен назвать учитель. Это — обоюдное признание. Если этого нет, то мы имеем исследователя творчества, поклонника, популяризатора или самозванца — дитя «лейтенанта Шмидта». Да, традиции школы у нас еще нет. Но если у тебя нет учителя, значит ты — сам по себе, значит ты — самородок, который пусть и ценен от природы, но без «обработки», без ученичества — недисциплинированный самодум.

Вадим Семенков: Если посмотреть словарь Петра Васильевича Алексеева по русским философам [Алексеев 2002], то и там мы этого не увидим. В этом словаре представлены самопрезентации, в которых философы указывают свое философское кредо, но они не указывают, кого они считают своим учителем.

Валерий Савчук: Вот именно. Между тем вся история философии есть история взаимоотношений «учитель — ученик». Почти каждый состоявшийся философ у кого-то учился. Самоучек не припомню.

Вадим Семенков: А был ли учитель у вас?

Валерий Савчук: Я считаю своим учителем мудрого Ярослава Анатольевича Слинина (надо сказать, что я спрашивал его об этом и он признал меня своим учеником). Ярослав Анатольевич не был моим официальным научным руководителем, но со студенческих лет мы общались, обменивались «диссидентскими» книгами, взглядами (вернее я задавал вопросы и слушал внимательно ответы), он меня поддерживал в моих научных интересах, чтении, «хождении в актуальное искусство», был на моих выставках. Важный тезис моей книги «Кровь и культура» — «культура кровожадна» — предложил именно он.

Вадим Семенков: Когда я беседовал с Татьяной Михайловной Горичевой[1] и Борисом Васильевичем Марковым[2], они тоже указывали на Ярослава Анатольевича Слинина как на своего учителя. Многие преподаватели нашего университета имели учеников, но не у всех эти ученики добивались в философии чего-то существенного. Поэтому награждение Слинина в 2002 году премией «Вторая навигация» за лучшую книгу года я считаю весьма справедливым.

Какие институциональные формы для философии сейчас оптимальны?

Валерий Савчук: Для того, чтобы состоялась философская мысль требуется зрелый контекст, взаимокритика, понимание важности и ценности философского труда. Совсем недавно открываю книгу «Насилие и священное» Рене Жирара и обращаю внимание на его благодарность такому-то фонду и своему университету. Первому — за то, что дал деньги, а второму — за то, что предоставил время, для того, чтобы закончить этот труд. Книга — это собрание концентрированных усилий и времени, она есть событие продуманной глубоко и основательно мысли, которое не происходит вне или поверх учебного процесса, между делом, когда философ нагружается большим количеством занятий в различных университетах,

[1] *Горичева Татьяна Михайловна* — выпускница философского факультета Ленинградского государственного университета. Организатор религиозно-философского семинара в 1974 году, соиздатель самиздатовского журнала «37», составитель альманаха «Женщина в России». В 1980 году под давлением КГБ выехала из СССР. Издавала в Париже религиозно-философский журнал «Беседа». Лауреат премии Философского общества Петербурга «Вторая навигация» 2003 года.

[2] *Марков Борис Васильевич* — доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философской антропологии философского факультета СПбГУ.

суетой организационных дел. Полагаю, что исследовательские группы конкретной области, проблемы, где происходит совместная работа, крайне нужны, как нужен опыт не только учебных, но и исследовательских семинаров. Я прекрасно понимаю, что для этого всего нужны и деньги, и время, и работа, но только тогда будет производиться что-то более-менее заметное и значительное. Добавлю: не избыв в себе привычку посещать зал новых поступлений библиотеки Академии наук, я вижу, какие абсолютно необязательные, существующие только потому, что их никто не читает, абсолютно вторичные регулярно выходят книги, книги, в которых нет, не только мысли, но и труда в нее вложенного, а к тому же никакого полиграфического и оформительского качества.

Вадим Семенков: У редактора нашего журнала Сергея Петровича Иваненкова другая теория относительно того, почему мы друг друга не читаем. Он считает, что в нашем сообществе сложилось убеждение, что ругать можно Канта и Гегеля, но не дай Бог, если раскритикуешь профессора соседнего вуза или даже из другого города, станешь врагом на всю жизнь. Даже если корректно раскритикуешь, все равно обидятся.

Валерий Савчук: Не знаю. Мой опыт говорит об обратном. Даже известные московские авторы жалуются: вот пишешь книгу — итог всей жизни, вкладываешь всего себя, публикуешь и — ничего, как в болото, пустоту, в никуда. Впечатление, что у нас так было всегда. Василий Розанов через 27 лет после выхода трактата «О понимании», с болью восклицал: «Что же это за мертвая пустыня? При восьми университетах и четырех духовных академиях не появилось никакого отзыва, никакого мнения». И каково философу быть невостребованным, поскольку он, в конечном счете, говорит о проблемах своей страны, о контексте, тем самым поднимая символическую значимость своего топоса? Но если ты не интересен здесь, то полагать, что будешь интересен за пределами Родины — наивно. (Если конечно не будешь по-михайловски[3] предъявлять Западу то, что он хочет услышать или увидеть.) При этом французские мыслители уважительно цитируют и не менее всерьез критически разбирают труды соотечественников же, немцы тоже используют своих авторов, англосаксы самонадеянно полагают, что кроме как у них вообще нет настоящей философии и крайне скупо цитируют авторов иной земли, говорящих на ином языке. Практика существования научных групп, со взаимными цитированием, отсылками, спорами и диалогом себя оправдывает. Работать в исследовательской группе всегда интереснее, продуктивнее и успешнее.

Вадим Семенков: Во французской философии такая групповая поддержка состоялась. А в отечественной философии такая групповщина, в хорошем смысле этого слова, состоялась?

Валерий Савчук: В Москве в 80-90-е г. был семинар Валерия Александровича Подороги в Институте философии РАН конца 80-х — начала 90-х. Из него вышли многие из известных ныне философов. Наш семинар по «Новой архаике» с 1989 по 1992 дал свои результаты: появилось общество танатологов во главе с Андреем Демичевым, группа «Контртекст», трансформировавшийся в Центр медиафилософии, Арт-группа «Деньги», «До-театр», «Один художник», писатели; выходили книги: Сборник «Символы в культуре» (1992), «Кровь и культура» (1995), Демичев А.В. «Дискурсы смерти» (1997). Но наше неумение работать в команде не позволило развиваться дальше. Так, по сей день не вышла, давно уже подготовленная книга об обществе философии и искусства «Новая архаика».

Вадим Семенков: Конгресс по философии — в том виде, в каком он сейчас, — нужен?

Валерий Савчук: В том виде — сомнительно. Может быть, он нужен, в качестве переписи преподавателей философии на территории от Чукотки до Балтики.

Вадим Семенков: Ситуация с Конгрессом излечима или даже не стоит стараться?

---

[3] *Борис Михайлов* — фотограф, сделавший себе имя, фотографируя харьковских бомжей; он призер международных арт-институций, профессор кафедры визуальных исследований окружающей среды в Гарвардском университете, США; один из немногих художников, получивших премию из рук Английской Королевы.

Валерий Савчук: Конгресс — это не место для интеллектуальных прорывов, это скорее демонстрация корпоративного рейтинга. Это такие философские игры, которые для самой философии мало что дают. Там не происходит серьёзной работы, скорее ярмарка философского тщеславия. На последнем Конгрессе, например, узнал о росте аналитиков на просторах все еще безбрежной страны.

Вадим Семенков: Чего факультету не хватает?

Валерий Савчук: Вопрос по адресу, поскольку на факультете в 2010 году была создана комиссия по инновациям в области преподавания и научных исследований факультета, и я был руководителем этой группы, к нам стекались заявки. Идея, замечу, мало кого оставила равнодушным. Мы получили целый ряд разных предложений. Я укажу на некоторые из них: в частности, от необходимости практики визит-профессоров, так как нам нужно обмениваться и приглашать со стороны людей, развивать новые направления и своих ведущих ученых отправлять в командировки в другие города, выделения помещения для приема отечественных и иностранных ученых (поскольку скромные возможности наших кафедр не позволяют это делать), до создания центра «Медиафилософии» и организации художественных выставок на факультете. Ну и, конечно же, о том, чтобы университет давал время для написания книг. Очевидно, что преподаватель, написав вызвавшую резонанс в философском сообществе книгу, которая цитируется и обсуждается, делает честь факультету, подымает рейтинг и популярность его. У нас же этого вообще нет. Книги воспринимаются как частное дело преподавателя. Я думаю, что та ситуация, что уже сложилась на Западе, рано или поздно «докатится» до нас, когда философов с именами будут переманивать как футболистов. Они ведь делают университету имя. Так университет города Билефельд многие узнали лишь потому, что там работал Никлас Луман[4].

Вадим Семенков: Вы регулярно бывает в Германии. На Ваш взгляд, кого из немецких философов стоило бы позвать в качестве визит-професора?

Валерий Савчук: Я бы назвал медиа-философов Франка Хартманна, Норберта Больца, Стефана Мюнкера, Александра Рёслера, Георга Толена, Фридриха Киттлера, потому что ныне именно они мне интересны. Хотя, допускаю, что есть культовые имена типа Слотердайка и его визит, конечно же, оставил бы след в целом поколении студентов. Я кстати, спрашивал у немецких философов: есть новые звезды среди более молодой генерации? И получал ответ: не знаем.

Вообще, в Германии в университетах — невероятная для нас конкуренция, чтобы получить место профессора: подают до 100 претендентов. Там сложился жесткий механизм по отбору специалистов и маргиналы там не задерживаются.

Вадим Семенков: Маргиналы, находящиеся вне стен университета, в философии полезны?

Валерий Савчук: Это тема нашего многолетнего диалога с профессором Сергеем Леонидовичем Фокиным[5] о том, что движет живую философскую мысль. Я считаю, что эти инвестиции приходят извне университета, а он считает, что изнутри.

Вадим Семенков: Кто, на Ваш взгляд, из зарубежных философов-маргиналов недооценён у нас в России?

Валерий Савчук: У нас совершенно не известен Дитмар Кампер, Берн Теренс, Вольфганг Гигерич. Последнего в свое время переводил Аркадий Драгомощенко, Александр Секац-

[4] *Никлас Луман* (1927-1998) — немецкий социолог. С 1968 года — профессор в Билефельдском университете, где и работал до выхода на пенсию в 1993 году. Разделял научные взгляды нейробиологов Франциско Варелы и Умберто Матураны на природу живых и социальных систем, в своих работах применял биологическую концепцию «аутопойезиса». Всего Луман написал 77 книг и около 250 статей по темам теории социального познания и системной теории общества.

[5] *Фокин Сергей Леонидович* — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романских языков и перевода в Санкт-Петербургском финансово-экономическом институте.

кий. Гигерич — автор книги «Психоанализ атомной бомбы», которую, как я знаю, переводят у нас. Мы сейчас заняты подготовкой к изданию книги важных статей Дитмара Кампера. Он хоть и был профессором, но академичным сообществом Германии воспринимался как маргинальный философ. Вообще, укажу на феномен XX века — превращения маргиналов и аутсайдеров в классиков. Это и Жорж Батай, и Эрнст Юнгер, и Вальтер Беньямин, и Вилем Флюссер. Такого феномена раньше не было. А если спрошу себя сам, кто из маргиналов у нас стал классиком? Только Бахтин. Иных фигур не знаю.

Вадим Семенков: Я бы назвал Якова Друскина[6]. Хотя, он — скорее богослов в стиле Кьеркегора, чем философ.

Валерий Савчук: Я его не знаю.

Вадим Семенков: Сергей Петрович Иваненков считает, что как философ совершенно недооценен Пришвин. В нашем журнале он опубликовал статью о нем [Иваненков 1997].

Валерий Савчук: Михаил Пришвин — замечательный писатель. Быть может, он философ-писатель, подобно Достоевскому, Толстому, Бланшо.

Вадим Семенков: Получается, что в этом споре прав Сергей Леонидович?

Валерий Савчук: Этот спор с переменным успехом. Мне доводилось слышать на круглом столе от немецкого коллеги из грайфсвальдского университета докт. Хартвига Франка о конце немецкой философии: «Ныне в Германии философия концентрируется в университетах. Так было не всегда. Философы в современном смысле стали профессионалами в XIX веке, когда они стали профессорами университетов. Сейчас философы стали искать другие области применения философии. Поэтому вопрос, является ли философия наукой, для немецких мыслителей является экзистенциальным. Мне кажется, что сегодня философия из Германии уже ушла во Францию, Америку». Я привел эту цитату, поскольку она весьма важна для понимания тех внутренних напряженных споров, которые ведут различные школы современной немецкой философии. При этом все знают, что делает другой: темы, направление, ориентация. Кстати, истории философии как отдельной дисциплины в германских университетах нет. Каждый профессор имеет свою собственную историю, историю своей проблемы. Есть специалисты по Канту, по Гуго Гроцию, Гартману и даже Дюрингу, по кому угодно, но историков *всей* западной философии как таковых нет. Зато эти специалисты — не просто трансляторы или интерпретаторы, они настоящие историки, прекрасно знающие исторический контекст, протагонистов и оппонентов их мысли, жизненные обстоятельства, источники. Итак, философия не родилась в стенах университета, она в него пришла и далеко не факт, что современный университет лучшее место для свободной философии.

Вадим Семенков: В какие места уходит философия?

Валерий Савчук: В свободные профессии. Свободные мыслители пишут тексты, ведут дискуссии, выступают в публичном пространстве, живя за счёт гонораров. В Москве такие траектории существования возможны, особенно это касается теоретиков актуального искусства, кино и политики. Там больше мест для работы философа в качества мыслителя, а не преподавателя. В Петербурге таких мест крайне мало.

Вадим Семенков: В 1990-е гг. было очевидно, что в городе есть философский факультет СПбГУ и все, кто занимаются философией, должны, так или иначе, присутствовать на этом факультете. Философский факультет Большого университета ангажировал философскую элиту города. А сейчас?

Валерий Савчук: Мы видим, что в Санкт-Петербурге формируются альтернативные площадки, которых прежде не было. На «Пушкинской-10» под руководством искусствоведа и медиафилософа Аллы Митрофановой проходит философский семинар, семинар по Бадью, который вел безвременно ушедший Алексей Григорьевич Черняков, есть конференции иссле-

[6] *Яков Семёнович Дру́скин* (1902-1980) — литератор, теолог, искусствовед; в 1920 — 1930 годах участник эзотерических содружеств поэтов, писателей и философов «Чинари» и ОБЭРИУ, автор знаменитых «Дневников». Жил и умер в Ленинграде.

довательского центра в Герценовском педагогическом университете, в РХГА есть городской вполне «резонансный» семинар проф. Ермичева А.А. и т.д.

Вадим Семенков: Рост площадок для философии — это следствие того, что «просел» философский факультет СпбГУ, или это — результат иных факторов?

Валерий Савчук: Нет, не думаю, что факультет стал слабее. Просто это общие тенденции существования актуальной философии. Так идет дело и в искусстве. Стало больше конкуренции. Ситуация свободы в целом дала возможность произвольной самоидентификации. Сегодня уже нет нужды для того, чтобы быть художником, писателем или философом предъявлять диплом об образовании. Для овладения философской позицией нужно предъявить свои идеи, теории, мысли, книги. Но для этого, опять же, нет нужды обращаться к государственным академическим журналам или издательствам, как было прежде, достаточно разместить тексты в интернете, можно издавать книги в любом издательстве, в интеллектуальных журналах, организовывать конференции, открывать философские факультеты или кафедры в любых университетах. Это и есть те основания возможности философствования в разных местах. Отмечу еще отечественный феномен свободных интеллектуалов.

Под свободными интеллектуалом я имею в виду не институализированную фигуру. В Петербурге ярким представителем такого феномена является Виктор Лапицкий[7]. У него есть квалифицированные переводы и тексты (послесловия, комментарии) по поводу переводимых им Лиотара, Делеза, Деррида, Бадью. Он — и переводчик, и писатель, и математик, работающий в математическом институте им. Стеклова. В этот ряд свободных интеллектуалов, можно отнести и Аркадия Драгомощенко[8], Анатолия Барзаха, Бориса Останина и Александра Скидана.[9] Если одни — Драгомощенко, Останин, Барзах — возрождают некую внутреннюю обособленную империю вкуса, то другие претендуют на статус публичных интеллектуалов, поэтому в отношении университетской философии присутствует высокомерный тон маргиналов.

Вадим Семенков: Этот тон оправдан?

Валерий Савчук: В 90-е годы — да. Уровень качества переводов, освоения и комментариев к текстам французских авторов у Виктора Лапицкого, С.Л. Фокина был высокий, а тексты Аллы Митрофановой и Анатолия Барзаха — всегда нетривиальны, интересны, искренни.

---

[7] *Лапицкий Виктор Евгеньевич*. Окончил матмех ЛГУ (1973). Кандидат физико-математических наук. В 1981 — 89 гг. писал прозу, печатался в журналах «Часы», «Митин журнал», «Выбор» (иногда — под псевдонимом Арнаут Скард-Лапидус). Сделал первые русские переводы таких авторов, как Р. Барт, М. Бланшо, Р. Руссель, Ж. Лакан, Ф. Лаку-Лабарт и др. В 2000 выпустил 10 книг переводов, включая антологию современного западного рассказа «Locus Solus», и сборник собственных рассказов «Борхес умер». Лауреат литературной премии Андрея Белого в номинации «За особые заслуги перед русской литературой» (2000).

[8] *Драгомощенко Аркадий Трофимович*. В 1990 выпустил первую книгу стихов «Небо соответствий»; в том же году книга «Description» (на английском языке) вышла в США. К настоящему времени — автор девяти книг стихов и прозы. Составитель и редактор антологии «Современная американская поэзия в русских переводах» (1996; вместе с В. Месяцом); перевел для нее стихи М. Палмера, Ч. Олсона, Л. Хеджинян. Лауреат премии электронного журнала «Post Modern Culture» (1995). Член Союза писателей России (с 1991). Автор проекта и участник разработки компьютерной программы Ars Petropoli— Директория современного ленинградского искусства (с 1991). В 1992 — 95 гг. руководил семинаром «Другие логики письма» в С.-Петербургском университете, в 1993 и 1995 читал лекции в Калифорнийском университете в Сан-Диего, в 2000 — в Нью-Йоркском университете. Соавтор сценария американо-русского фильма «Письма не о любви» (премия Green Apple — The Education Net и 1-я премия Остинского фестиваля документальных фильмов, 1998).

[9] *Александр Скидан* — поэт, критик, переводчик. Автор поэтических книг «Delirium» (1993), «В повторном чтении» (1998), «Красное смещение» (2005), сборники эссе «Критическая масса» (1995) и «Сопротивление поэзии» (2001). Переводы Пола Боулза «Под покровом небес», Поля де Мана, Жана-Люка Нанси, Славоя Жижека, Антонио Негри. Лауреат Тургеневского фестиваля малой прозы (1998), Премии «Мост» за лучшую статью о поэзии (2006), Премии Андрея Белого в номинации «Поэзия» (2006). Член рабочей группы «Что делать?» (Санкт-Петербург).

Вадим Семенков: Ещё в 1992 году в книге «Из жизни доцентов» Вы написали: «*Наша философия ещё не написана, история её ещё не состоялась, политкорректность не разоблачена, гуманизм не преодолен. Философия нашего дня — это философия латиноамериканская, древнекитайская, старо- и новоиндийская и даже древнегреческая.*

Она будет всякой: кровавой и кричащей, без стеснения местной, без агрессии мужской и жеманства дамской, новоархаичной и поэтической. Быть может она шизоаналитической. Русской. Кто-то по-прежнему будет говорить от имени всеобщего». Чем вызвана ирония по поводу разговора от «имени всеобщего»?

Валерий Савчук: Спасибо, что вспомнили «Доцентов…». Говорить от имени всеобщего в ситуации, когда всеобщее — глобализация — *необратимая, повсеместная* и докучливая *реальность*, — значит ломиться в открытые двери, говорить ни о чем, ни откуда и ни от кого. Вернее когда он думает, что говорит от имени философии *как таковой*, на самом деле неявным образом поддерживает миф тотальности ценностей одного региона, одних интересов и сил. Всеобщее есть инверсия европоцентризма. Актуальный философ существует не вне времени и вне ситуации, а в реальном времени и отвечает на существенные вопросы его.

Тема моих размышлений последних лет — отсутствие конкретного уровня философии, предметно обращенной рефлексии. Но мыслитель не может не реагировать на события окружающей жизни *как философ*, а если он не реагирует, то он и не интересен. Иное дело, что говоря об этих событиях, он должен говорить как философ, то есть брать мир как целое. Когда Хайдеггер говорит о поэзии Гёльдерлина или Делез о живописи Фрэнсиса Бекона, они остаются философами. Философ инвестирует смыслы и находит в поэзии, живописи, искусстве то, что с позиций узко-научного знания не обнаруживается. Если философ не участвует в этом, то он избавляет себя от риска быть глуповатым. Многие это осознают и для них это осознанная стратегия: говорить о вещах, которые действительно волнуют всех, оставаясь при этом философом — это и есть сверхзадача актуальной мысли.

Вадим Семенков: Спасибо за беседу!

Алексеев П.В. 2002. *Философы России XIX –XX столетий. Биографии. Идеи. Труды*. — М.: Академический проект.

Иваненков С.П. 1997. М.М. Пришвин: Бремя мира и личности. — *Credo new. Теоретический журнал*. — № 4.

Книжная полка

СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ ПРОТИВ СОЦИАЛЬНОЙ ИНЕРЦИИ

(рецензия на книгу: *Макаренко В.П. Практикующие гегельянцы и социальная инерция. Фрагменты политической философии М.К. Петрова. Ростов-на-Дону: Изд-во МАРТ, 2013. — 536 с.)*

С.С. Неретина
Институт философии РАН

Аннотация: *Рецензия на книгу В.П. Макаренко «Практикующие гегельянцы и социальная инерция. Фрагменты политической философии М.К. Петрова».*

Ключевые слова: *петрововедение, гегельянство, социальная инерция, политическая философия, рецензия.*

Эта «книга является развитием идей, высказанных в предшествующей монографии», «Научно-техническая контрреволюция: идеи М.К. Петрова как источник мысли» (Ростов-на-Дону, Ростиздат, 2011). Автор сообщает, что составившие книгу статьи первоначально читались в виде докладов на чтениях, посвященных М.К. Петрову, которые проводятся на факультете философии и культурологи прежде — Ростовского государственного университета, а теперь — Южного федерального университета.

В этой монографии, состоящей из 12 глав и «Приложения» обсуждения своей первой книги, к которому добавлены заочные отклики А.П. Огурцова, С.С. Неретиной, В.Н. Поруса А.Н. Олейника и С.Б. Лугвина, В.П. Макаренко показывает способы, какими М.К. Петров оказывается в одном ряду с теми, кто когда-то был его гонителем, а ныне ставится с ним в один ряд. Из «Приложения», кстати говоря, ясно, что некоторые из выступавших либо кого-то ругали и ставили под сомнение качество изданий о М.К. Петрове, либо занимались самовозвеличиванием («А.Н. Ерыгин: …То, что я сделал, намного серьезнее того, о чем пишет Виктор Павлович», с. 449. Великое дело — публикация обсуждений! Люди проговариваются и часто не слушают и не слышат друг друга). Одним из способов является отождествление идеологии и культурологии, и эта «культурная система» начинает «функционировать как ложное сознание, как духовная компенсация и как карта социальной действительности одновременно» (с. 11).

Но главное в книге — попытка разобраться с вопросами «кто?» и «что?». Мы иногда говорим о советской философии или как о философии «как у всех», или о философии, которая под шапкой марксизма выставляла экзистенциалистские, позитивистские и прочие тенден-

ции. Это значит, что пишущие так не уважают ни философии, ни себя самих, пытаясь искривить и разукрасить невсамделишными красками саму мысль. Макаренко же — плохо ли, хорошо, — но четко ставит вопрос: кто ставил определенные вопросы и кто принимал определенные решения и что в результате произошло? Это не риторические вопросы вроде известных «кто виноват?» и «что делать?», а вопросы, требующие заглянуть в соответствующие кондуиты и ответить: Иванов, Сидоров, Климов. Эти ответы должны снять круговую поруку, в результате которой мы все оказываемся замешаны в кромешной лжи, а это не так. Эти ответы должны показать меру ответственности, которую вполне конкретные люди должны взять на себя, и стало бы ясно, кто именно остался на прежних позициях, кто пересаживается с одного удобного кресла в другое, а кто искренне ужаснулся.

Весьма существенно показать актуальность названия книги, связывающее практикующих гегельянцев (по Петрову) с социальной инерцией. Макаренко анализирует три проблемы, поставленные Петровым: влияние гегелевской диалектики 1. на «науку и научную политику», 2. «на социальную ответственность индивидов» и 3. «на гносеологический кризис современности» (с. 44). Он опирается на суждение Петрова о Гегеле (весьма спорное) как «на философию для школьников и студентов» и «как основанный на теоретическом отчуждении знаковый фетишизм (в виде Нравственного прогресса, Абсолютного духа, Колеса Истории, Логики)» (с. 44), однако истина приходит не вовремя, наука не готова ее принять, а всеобщий разум превращается «в воинствующего цензора». И далее без объяснений: «Система Гегеля является теологией» (там же), его тексты «выполняют роль эзотерического языка философского сообщества» (с. 45), современные ученые — это практикующие гегельянцы, ибо не любят говорить о глубине дисциплинарных вечностей, верят во всесилие научного метода, сближают модельно-математический фанатизм с логико-субстанциональным и пр. При этом, у Петрова Макаренко все принимает на веру. Самостоятельного анализа Гегеля нет. И это вполне согласуется с общим методом Макаренко: принимать на веру чем-то ему близкое, без собственных наработок, иногда кажется — по наитию, — но по наитию, близкому многим еще живущим интеллигентам. Эклектизм такого метода был бы малоприятен, если бы Макаренко не двигала общая большинству ученого сообщества боль за науку, за пробуждающийся авторитаризм в ее ведении и создание множества абсурдных ситуаций, ведущих к срыву научных путей развития. Такого рода эклектизм показывает не возможности некритического соединения материала, из которого, кстати, может получиться неплохой дом, а столкновение противоположных задач, вырастающих из одного и того же материала. Вырастают, к примеру, очевидные преимущества нелинейного мышления над линейным, и эти преимущества выражены в отказе интерпретировать социальные явления в терминах одних лишь естественных наук. «Главные усилия должны направляться не на поиск фундаментального знания, а на оперативное информационное обеспечение процесса выработки решения по таймированной проблематике» (с. 47). При этом совершенно великолепным кажется портрет Ю.А. Жданова (сына А.А. Жданова, ближайшего сподвижника Сталина и гонителя Ахматовой и Зощенко) из «Рабочих записок» Виталия Семина. Семин описывает философию Жданова, ректора Ростовского университета, как дом, в котором «нет ни одного человека». Страшные слова о сложившейся в СССР философии: «Одной точки зрения у них нет — той самой, которая идет от сочувствия, от кожного понимания, что такое бедность, труд, забота, тяжесть» (с. 62). Трудно при таком ректоре испытывать сочувствие к Петрову, хотя именно он взял его на работу — не из сочувствия ли?

В книге Макаренко впервые повесть Петрова «Экзамен не состоялся», за которую он был исключен из рядов КПСС, ставится «в контекст советского менталитета» (с. 69) и высказываются некоторые гипотезы относительно имен и идей повести. Так, фамилия Шатова связывается с Шатовым из «Бесов» Достоевского, и он, «чистой души романтик» (с. 76) — рупор идей Петрова, который уж точно не признавал «монополии правительства на решение социальных проблем» (с. 76), считая критику «универсальным социальным феноменом социа-

лизма» (с. 77). Имя Виктор отсылает к имени Победоносцева, и Викторина Победоносцева тем самым символизирует «идеологическую систему в три раза хуже идеологии Победоносцева» (с. 74). Согласимся с Макаренко, что «эти вопросы требуют особого анализа», но в любом случае повесть Петрова ориентирует на оценку «идей самого исторического Победоносцева; идей советской философии; моды на ностальгию» по советскому прошлому, которым переполнены нынешние средства массового оглупления» (там же). По мнению Макаренко, Петров описывает типы философов: революционера-подпольщика и недоделанного теоретика, коммуниста-философа-разведчика (все — фигура Шатова), придворного философа, циника. Главный итог чтения: восприятие Макаренко «текста Петрова как философского введения в политический смысл проблемы о соотношении веры и знания вообще… и концепта теодицеи в особенности» (с. 96), чему и посвящена глава 3, резюме которой следующее: «Вера и мораль были и останутся частной и потому случайной собственностью человека. Вера не связана с признанием истинности тех или иных ее положений. В ней лишь выражается наше моральное или политическое одобрение или неодобрение. Тогда как христианская идея оправдания добра и преобладания добра над злом пытается связать в одно целое совершенно противоположные ценности для того, чтобы их не могли нарушить никакие факты. На мой взгляд, в этом и состоит смысл нынешних либеральных проповедей „общечеловеческих ценностей“ или монархических воплей о связи православия с русским народом, российской державой или всеми славянскими нациями. Любая связь такого типа еще более сомнительна, чем религия» (с. 133).

Что привлекательно в этом пассаже? Первые и, на мой взгляд, совершенно неверные представления о христианской вере и благе (в тексте главы — цитата из блаженного Августина) сопряжены с последними справедливыми предложениями о состоянии современного менталитета, и это сопряжение — вполне в духе описываемой Макаренко на с. 22 ситуации в России.

Книга вся построена на метафорах и анализе метафор: «Культурный коктейль или описание стайных животных», «Чертов контур и могильщики государства», «Техно-якобинцы на подхвате». Все это подогревает интерес к книге, где одной из основных проблем является то, «что ученые поддерживали деспотические режимы по причине этатизации науки» и «этот феномен базируется на связи науки с военно-промышленным комплексом», являющейся «разновидностью коллаборационизма», каковым является и «военно-политический коллаборационизм», который «можно квалифицировать как измену родине» (с. 422). Эта проблема, по мнению Макаренко, является универсальной, а потому ее изучают «в контексте революций, войн и их последствий» (с. 437).

Я не говорю уже о том, что вызывают живейший отклик и понимание страницы, посвященные личным воспоминаниям о лекциях М.К. Петрова, «отвага» которого заключалась уже в том, чтобы отбросить учебник по философии и обратиться к оригинальным текстам, об отвращении к учебникам и преподавателям, пересказывающим учебник.

Однако как и во всякой хорошей книге в книге Макаренко есть свои недостатки. Остановлюсь только на некоторых.

Я не думаю, что советская культурология возникала «как место отстоя идеологических жандармов» (с. 9), несмотря на справедливые упоминания о том, что во главе ее стояли люди, одно упоминание о которых вызывает — воспользуюсь терминологией Макаренко — брезгливость. Но это разные вещи — созидание и поставление во главе институции. Ни С. Аверинцев, лауреат, кстати, премии ЦК ВЛКСМ, ни А. Гуревич, ни М. Петров, ни В.С. Библер, ни Ю.М. Лотман не разрабатывали культурологию «для *противостояния* советскому официальному дискурсу» (с. 8). Они делали свою работу потому, что так диктовали их ментальные стремления. Это можно расценивать, как противостояние, и это *стало* противостоянием в силу их необыкновенной трудоемкости и внутренней потребности.

Я не думаю, что правомерна настойчивость видеть в радио, кино и телевидении (странно, что в перечень не вошел Интернет) способы оболванивания нации: такая неприязнь рождает недоверие к научно-техническим новинкам. Можно с равным успехом считать, что оболваниванием являлись внедренные в свое время часы, изменившие ход истории в средневековье.

В силу того, что В.М. Макаренко сам специально не занимается исследованиями на основании оригинальных документов, а базируется в основном на опубликованных западноевропейских и российских работах, из которых он изымает факты для иллюстрации своей позиции о социальной инерции, ему легко отбиваться от противников: на все вопросы он отвечает «я ссылаюсь на работы В. Налимова», «о кастратах пишет Петер Слотердайк» или «здесь присутствует Елена Всеволодовна Золотухина — она недавно книжку написала о Налимове, я еще не успел прочитать. Вот у нее… и спроси». (с. 449). Полагаю, что негоже не отвечать на прямо обращенные к автору книги вопросы и отсылать за ответом к прочитанным или непрочитанным книгам. Мнение Д. Зильбермана высказывается на основании книги Е. Гурко, хотя давно вышла монография самого Зильбермана. Ссылаясь только лишь на исследования Г.А. Комаровой, автор делает глобальное утверждение: «Само научное сообщество СССР/России является формой подавления мысли» (с. 18). Побойтесь Бога, Виктор Павлович, Вы сами-то разве к нему не принадлежите? Вот ведь написано, что Вы — заведующий лабораторией… в официальном научном учреждении ЮФУ! А «научное поголовье» есть в любом научном институте с тех пор, как возникла инициатива всеобщей грамотности. Оно свойственно и США, и Франции, и Германии, как и России.

Считая постыдным разного рода плагиаты, я тем не менее полагаю, вопреки мнению Макаренко, что диплом доктора наук не является «знаком признания квалификации его обладателя» даже «для тех, кто ориентируется на работу с властями» (с. 9-10), я считаю специально раздутой практику гонения на получивших различные степени ученых, чтобы показать праведность законов, ведущих к ослаблению науки. Если признать верным положение Макаренко, то и его самого, доктора философских наук, можно считать человеком, ориентирующимся «на работу с властями».

Не всегда ясны аббревиатуры. Так, чтобы понять, что такое КЦП, нужно поискать глазами вверху словосочетание «культурно-цивилизационный подход» (с. 11).

Однако чтение этой, во многом залихватской, книги, подчас вызывающей недоумение, доставляет и огромное удовольствие, которое, надеюсь, получат и другие ее читатели — «научные работники, преподаватели, аспиранты и студенты вузов, специализирующиеся в области политической философии, истории и теории науки».

НАШИ АВТОРЫ

Батурин Юрий Михайлович – доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Института истории естествознания и техники РАН (yubat@mail.ru)

Колчинский Эдуард Израилевич – доктор философских наук, профессор, директор Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН (ihst@ihst.nw.ru)

Макаренко Виктор Павлович – доктор политических и философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик Национальной академии наук Украины, директор Центра политической концептологии Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета (vpmakar1985@gmail.com)

Неретина Светлана Сергеевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН (abaelardus@mail.ru)

Оболонский Александр Валентинович – доктор юридических наук, профессор кафедры государственной и муниципальной службы Национального исследовательского университета – Высшая школа экономики (aobolonsky@hse.ru)

Рябчук Николай Юрьевич – украинский поэт, переводчик, публицист, культурный и политический аналитик (riabchuk@gmail.com)

Савчук Валерий Владимирович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры онтологии и теории познания Санкт-Петербургского государственного университета (vvs1771@rambler.ru)

Семенков Вадим Евгеньевич – кандидат философских наук, доцент факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, член редакционной коллегии журнала «Credo New» (semenkov1959@rambler.ru).

Ткаченко Василий Николаевич – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Академии педагогических наук Украины (vasyl.tkachenko@gmail.com)

Summaries and keywords

Makarenko V.P. The Modern Russian Militarism (first article)

Summary: Basing on the analysed lessons taken from the modern Russian history author suggests a concept of a "Gamlet's Creed" in order to bring clarity to the core of what Soviet state really was, how it was able to re-incarnate in modern Russian government reality and its self-alienation from main and second-line task issues.

Keywords: cognitive resistance, Russian mentality, Chechnyan War, Russian authority, Russian state.

An Open Letter of well-known Lawers "Law Threat"

Summary: A group of well-known members of Russian community of law had a letter about a increasing threat of our state's legal ground. This letter was published by "Political Conceptology" journal.

Keywords: anti-constitutional acts of government, russian authority, open letter.

Baturin J.M. "Here Science Protected Forever"

Summary: A problem of relations between science and authority is being headlined in this article. A role of the state is being analysed on the base of Russian Science Academy's history: from support to suppression. Author's goal is to show a government's goal to subjugate science institutions, but also notices that all these attempts were of no avail.

Keywords: state, authority, science community.

Kolchinsky E.I. All That Has Been, All That Will Be

Summary: In this article author shows four interaction models to be applied between authority and science. Every model has been displayed in example of France, Germany, USA and Russia. With an analysis of science and government history author tries to understand why we can't learn the history lessons.

Keywords: history of science, science community, authority, scientists in government, state and science.

Obolonsky A.V. Civil Distrust of Authorities as a Prerequisite to Political Development

Summary: The article suggests the original concept of political role of public trust and distrust. Differently from generally accepted interpretation of any distrust as unconditionally negative phenomenon, the author considers the political distrust towards wrong authority as an important factor of development and political progress. The reasonably grounded distrust to state is one of foundation for liberal ideology.

Keywords: civil trust, political distrust, nomenclature, authority, administrative resource, corruption.

Round-table Conference "Political Conceptology: Journal of Metadisciplinary Research within the Informational and Scientifical Space of Region and Country"

Summary: Record of the round-table conference that took place in Rostov on 5 July 2012.
Keywords: political conceptology, metadisciplinary research, science periodicals, round-table.

The Round-table Conference Called A Concept of Catastrophes and Russian Reality That Took Place in Rostov-on-Don 6 July, 2012

Summary: Record of the round-table conference called A concept of catastrophes and Russian reality that took place in Rostov on 6 July, 2012.
Keywords: concept, crysis, catastrophe, social norms, moral culture of Russia.

Makarenko V.P. Little-studied Aspects of M.K. Petrov's Works: Notes by Student and Reader (Article Three)

Summary: A subject of analysis is a pirate hypothesis of M.K. Petrov. Author By examining this hypothesis' critique made by E.V. Ilyenkov, he suggests using this theory in a context of researches by Brodel and Hyde.
Keywords: Petrov studies, science of science, science community, pirat, human-state, anarchism, E.V. Ilyenkov, F. Brodel, L. Hyde.

Tkachenko V.N. Study Case "Past": Ukrainian Right-Wing Radicalism in the European Context

Summary: There are controversial political circumstances of globalization shown in this article. A national identity's crisis is a source of political opposition in modern world. This, in turn, leads to right-wing movements' popularity growth. Problems and perspectives of Ukrainian politics are being analyzed in this context.
Keywords: Study Case "Past", globalization, right-wing radicalism, liberal democracy, revolution, UNO, S. Bandera, Ukraine.

Riabchuk M.J. Variations of Colonialism: On the Applicability of Postcolonial Methodology to the Study of Post-Communist Europe

Summary: The paper defends the usefulness of the postcolonial approach to the study of various processes in the postcommunist countries that belonged, for decades, to the inner and outer parts of the Soviet empire. The paper shows, in particular, how some developments in post-Soviet Ukraine can be better understood in the context of Russo-Soviet internal colonialism, and how Ukraine's thoroughgoing ambivalence and conspicuous regionalism result historically from different types of colonization of different regions. The paper insists, nonetheless, on a clear recognition of intrinsic limitations of the postcolonial approach, determined primarily by the absence of the racist component in Soviet imperialism – the component that is crucial for the classical (post)colonial situation and that makes it profoundly different from the Soviet one in terms of the complete exclusion / potential inclusion of subjugated peoples. In sum, all the usefulness of postcolonial theorizing for the analysis of the postcommunist world should not inhibit researchers from recognition of its only partial and very conditional applicability, and of the need for due reservations, self-reflection and self-restrain.
Keywords: postcolonialism, postcommunism, Ukraine, Soviet empire, internal colonialism.

A Conversation between V.E. Semenkov and V.V. Savchuk "Does Anyone Need the Russian Philosophy Today?"

Summary: A conversation between "Credo New" journal employee V.E. Semenkov and V.V. Savtschuk that is not only Ph.D. of Saint Petersburg State University and SPSU MediaPhilosophy Center Manager but also a juror of Second Navigation Awards.

Keywords: philosophy, russian philosophy, philosophical community, interview.

Neretina S.S. Social Activity versus Social Inertia (a Review for a V.P. Makarenko's Book "Practical Hegelians and Social Inertia. Fragments of M.K. Petrov's Political Philosophy")

Summary: A review for a V.P. Makarenko's book called "Practical Hegelianists and Social Inertia. Fragments of M.K. Petrov's Political Philosophy".

Keywords: Petrov studies, hegelianism, social inertia, political philosophy, review.

CONTENTS

EDITOR'S WORD

Makarenko V.P.
The Modern Russian Militarism (first article)..... 6

HOT ISSUES

An Open Letter of well-known Lawers
Law Threat..... 20

Baturin J.M.
"Here Science Protected Forever"..... 23

Kolchinsky E.I.
All That Has Been, All That Will Be..... 28

Obolonsky A.V.
Civil Distrust of Authorities as a Prerequisite to Political Development..... 34

DEBATE AND DISCUSSION

The Round-table Conference
"Political Conceptology: Journal of Metadisciplinary Research within the Informational and Scientifical Space of Region and Country"..... 45

The Round-table Conference
A Concept of Catastrophes and Russian Reality..... 59

TOWARDS THE 90th ANNIVERSARY OF M.K. PETROV

Makarenko V.P.
Little-studied Aspects of M.K. Petrov's Works: Notes by Student and Reader (Article Three)..... 80

STUDIES OF PAST AND INTERNAL COLONIZATION

Tkachenko V.N.
Study Case "Past": Ukrainian Right-Wing Radicalism in the European Context..... 101

Riabchuk M.J.
Variations of Colonialism: On the Applicability of Postcolonial Methodology to the Study of Post-Communist Europe..... 116

INTERVIEWS AND CONVERSATIONS

A Conversation between V.E. Semenkov and V.V. Savchuk
Does Anyone Need the Russian Philosophy Today?..... 126

BOOK SHELF

Neretina S.S.
Neretina S.S. Social Activity versus Social Inertia (a Review for a V.P. Makarenko's Book "Practical Hegelians and Social Inertia. Fragments of M.K. Petrov's Political Philosophy")..... 135

Our authors..... 139

Summaries and keywords..... 140

Contents..... 143

Notes for contributors..... 145

К сведению авторов

Предварительно автор должен подготовить рукопись статьи в соответствии с требованиями к оформлению статей. Далее рукопись необходимо отправить на электронную почту редакции konstantinov@sfedu.ru, konstms@gmail.com (просьба дублировать на оба адреса) с пометкой «Статья для электронного журнала „Политическая концептология“». Статьи, оформленные не надлежащим образом, не принимаются к рассмотрению. После поступления в редакцию рукопись проходит обязательное рецензирование, по результатам которого принимается решение о публикации статьи или отказе. Редакция не знакомит авторов с текстом внутренних рецензий, а только уведомляет по электронной почте о решении относительно публикации и ее условий (срока и формы публикации, необходимости доработки). В случае, если статья нуждается в авторской доработке, автору высылается отзыв рецензента. Редакция оставляет за собой право правки текстов, не наносящей вред искомым идеям автора статьи. Рукописи не возвращаются. Все статьи публикуются бесплатно вне зависимости от статуса автора.

Требования к оформлению статей

1. Статья должна быть объемом не более 1,5 п.л. – 60 тыс. знаков, набрана в формате *.doc* (*Microsoft Word* или *OpenOffice.org*).

2. В начале статьи приводится аннотация (не более 1000 символов) на русском и английском языках, а также сведения об авторе: Ф.И.О. полностью, ученые степени и звания, должность, место работы, телефоны (рабочий и домашний с кодом города), электронный адрес (обязательно).

3. Параметры текста: шрифт *Times New Roman*, 12 кегль, интервал 1, поля: сверху и снизу – 2 см, справа и слева – 2 см. Выравнивание текста: по ширине. Абзацный отступ (красная строка): 1 см. Нумерация страниц: не ведётся. Рисунки – чёрно-белые и внедрены в текст.

4. Допускается использование шрифтов *Arial* и *Courier New* для обособленных фрагментов текста. Допускается использование шрифта меньшего размера для участков текста, имеющих вспомогательное (второстепенное) значение. Размер шрифта табличного текста обычно на 2 пункта меньше размера шрифта основного текста. Рисунки можно присылать цветные, но следует иметь в виду, что журнал публикуется чёрно-белым.

5. Сноски постраничные (не концевые!) автоматические. Нумерация начинается с цифры «1». (Просим не делать нумерации вручную с круглыми или квадратными скобками!).

6. Библиографический список оформляется следующим образом:
Фамилия И.О. Год. *Название работы*. – Город: Издательство. – Количество страниц.
Фамилия И.О. Год. Название статьи. – *Название журнала*. – Номер. – С. ... .
Фамилия И.О. Год. *Название источника*. – Доступно: http://URListochnika/ . – Проверено: Дата.